I

V

киносценарии, дневники

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

киносценарии

дневники

ЕВГЕНИЙ
ШВАРЦ

Евгений Шварц

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Собрание сочинений в пяти томах

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Собрание сочинений

том четвертый

Киносценарии

Дневники

Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш33

Составитель *Е. Сапунцова*

Оформление художника *О. Семенихина*

Шварц Е. Л.
Ш33 Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4: Киносценарии; Дневники / Примеч. Е. Сапунцовой. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 384 с.

ISBN 978-5-904656-57-7 (т. 4)
ISBN 978-5-904656-53-9

В Собрании сочинений представлено во всем своем многообразии творчество широко известного драматурга и сценариста, одного из лучших отечественных сказочников, Евгения Львовича Шварца (1896—1958). В четвертый том включены киносценарии и продолжение дневниковых записей Шварца, представляющих собой особую часть его творческого наследия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-904656-57-7 (т. 4)
ISBN 978-5-904656-53-9

Киносценарии

ДОКТОР АЙБОЛИТ

ЧАСТЬ 1

ТИТР: Жил-был доктор. Он был добрый. Звали его Айболит.

Перед зрителями появляется большой стол, заставленный баночками, коробочками, пузырьками и лекарствами. Среди всех этих медикаментов возвышается порядочных размеров бочка. Широколицый, полный человек в очках стоит возле стола, наклеивает на бочку белый бумажный лист. Затем, окунув кисточку в бутылочку с тушью, человек этот пишет на листе:

МИКСТУРА ОТ КАШЛЯ
для слона ДЖУМБО.
Принимать перед едой
три раза в день
по одному ведру.
Доктор АЙБОЛИТ.

Кончив писать, доктор открывает окно. За окном стоит, ждет огромный слон.

— Твое лекарство готово, Джумбо, — говорит доктор.

Слон кланяется.

— Пожалуйста, — отвечает Айболит. — Но смотри, никогда больше не ешь пятьсот порций мороженого зараз.

Слон кланяется.

— То-то. Ну, бери свою микстуру.

Слон хоботом забирает бочку, ставит у своих ног и снова протягивает хобот в окно.

— Что тебе еще нужно? — спрашивает доктор Айболит. Слон кряхтит, гудит, кивает головой.

— Ах, да! — восклицает доктор и отходит к противоположной стене комнаты.

Там висит полка, в которой укреплены термометры самых разнообразных размеров. Над самым большим из них надпись:

ДЛЯ СЛОНОВ.

Над самым крошечным — табличка:

ДЛЯ ВОРОБЬЕВ.

Доктор берет слоновый термометр — примерно в три четверти метра длиной — и протягивает своему пациенту. Слон, взяв термометр, собирается уйти.

— Погоди, — останавливает его Айболит. — Осторожней встряхивай его.

Слон кивает головой.

— Прошлый раз, встряхивая термометр, ты ударил по голове зебру и чуть не убил ее. Смотри, чтобы это не повторилось!

Слон кивает головой.

— А то я рассержусь.

— Ладно, — отвечает слон глубоким басом.

Уходит.

Доктор идет к столу, опускается в кресло, берет тетрадь в толстом переплете, собирается ее открыть — и вдруг прислушивается, вытянув шею.

Раздается едва слышное тоненькое, жалобное жужжанье и писк.

— Вы ко мне? — спрашивает доктор, взглянув во что-то очень маленькое, невидимое еще зрителю.

Жужжанье делается громче.

Доктор протягивает над столом руку и говорит:

— Кануки-кануки! Садитесь, пожалуйста!

Жужжанье переходит в негромкую печальную музыку. Рука доктора — крупным планом.

На руку опускается мотылек. Тончайшим голоском поет он:

Я несчастный, я несчастный мотылек.
Я на свечке свое крылышко обжег.
Помоги мне, помоги мне, Айболит.
Мое раненое крылышко болит…

Доктор отвечает мотыльку негромко, чтобы не напугать его и не оглушить:

Не печалься, мотылек,
Ты ложись на бочок,
Я пришью тебе другое,
Шелковое, голубое,
Новое,
Хорошее
Крылышко!

Громкий стук в дверь. Музыка обрывается.

ТИТР: И была у доктора злая сестра, которую звали Варвара.

Стук становится все громче и громче. Обернувшись к двери, доктор спрашивает:

— Кто там?

Доктору отвечает злой, визгливый голос.

— Это я! Отопри же сию секунду!

Доктор вздыхает.

Осторожно берет пинцетом мотылька. Сажает его на коробочку с порошками.

Идет к двери.

Отпирает ее.

И в комнату врывается разъяренная Варвара.

Она старше доктора. Ее полуседые волосы в беспорядке.

Когда она, сердясь, вертит головой — из узла на ее затылке во все стороны летят шпильки.

— Вот они, твои звери! — кричит Варвара. — Смотри! Смотри, что делается! Ужас!

Она хватает доктора за руку. Силой тащит его к окну. Показывает.

Большой крокодил посреди двора с увлечением пожирает что-то.

— Знаешь, что он ест? А?

— Я занят сейчас, Варвара! — отвечает доктор.

— Он ест мою любимую зеленую юбку.

— Где он ее нашел? — спрашивает доктор.

— Она валялась у меня на окошке. А он схватил ее своими зубищами.

— И хорошо сделал, — возражает доктор спокойно, направляясь к столу. — Юбку надо прятать в шкаф, а не бросать на окошко.

Доктор продолжает возиться с мотыльком, а Варвара, неистовствуя, мечется по комнате.

— Звери, звери, всюду одни звери! Я не могу их видеть. Они денег тебе не платят, а лечатся! — вопит она.

— Ну а что им делать, если они больны?

— Пусть околевают! Я добрая, я тихая, а они превратили меня в разбойницу! В комоде живут зайцы...

Варвара бросается к комоду, выдвигает ящик. Оттуда выглядывает зайчиха с тремя зайчиками...

— В шкафу живет белка, — продолжает Варвара, распахивает дверцу шкафа.

Из кармана висящего в шкафу пальто прыгает белка и несется вверх по рукаву.

— В сундуке белые мыши! — визжит Варвара, откидывая крышку сундука.

Узенькие мордочки белых мышей выглядывают оттуда.

— И когда ты их всех выгонишь вон? — спрашивает Варвара. — Ну? Говори!

— Никогда! — отвечает доктор. — Это все мои друзья. Я их люблю.

Варвара в отчаянии падает на диван и тут же вскакивает с визгом.

— Что такое? — спрашивает доктор.

Варвара только трясет свирепо головой, так что шпильки летят во все стороны, и показывает пальцем на диван. Доктор подходит к дивану и, вглядевшись, говорит:

— Ты забыла, что на диване у меня живет еж!

Он гладит ежа, затем возвращается к столу, берет пинцетом мотылька и, подойдя к окну, выпускает своего пациента. Раздается музыка, легкая, веселая. Мотылек пляшет в воздухе. Вокруг него вьются стрекозы, бабочки.

— Смотри, Варвара, — говорит доктор. — Смотри, как это приятно. Он прилетел ко мне больной, раненый, беспомощный. Он погиб бы без меня. А я ему пришил крылышко и отпустил его. И теперь — видишь:

Засмеялся мотылек
И помчался на лужок,
И летает под березами
С бабочками и стрекозами.
Я добра ему хочу,
Из окна ему кричу —
Ладно, ладно, веселись,
Только свечки берегись!

— А я зла ему хочу, — кричит Варвара, передразнивая доктора.

Музыка обрывается.

— Я хочу, чтобы он сгорел на свечке! — кричит Варвара. Доктор оборачивается к ней с негодованием — но в окно

вдруг прыгает обезьяна.

— Пошла вон! — кричит Варвара. — Брысь!

— Молчи! — останавливает сестру доктор. Он указывает обезьяне на кресло и говорит:

— Кануки-кануки! Садитесь, пожалуйста.

Дрожа, обезьяна садится. Она грустно глядит на доктора.

— Это ужасно! — визжит Варвара. — Пришла лечиться, а деньги она тебе заплатит?

Доктор берет сестру за руку и ведет вон из комнаты. У Варвары от негодования отнимается язык. Она только поводит глазами и бешено трясет головой, шпильки так и летят во все стороны.

Доктор выпроваживает сестру и закрывает за ней дверь.

Потом обращается к обезьяне и спрашивает:

— Что у вас болит?

Обезьяна жалобно бормочет что-то и плачет.

— Ах, шея! — говорит доктор. — Сейчас посмотрю!

Он наклоняется к обезьяне. Вскрикивает:

— Но это ужасно! Кто это сделал?

Он бросается к столу, хватает ножницы и бежит обратно к обезьяне. Осторожно перерезает он веревку, которая была туго затянута вокруг обезьяньей шеи.

— Кто этот безжалостный человек, который водил тебя на веревке? — спрашивает доктор снова.

Обезьяна не отвечает. Она плачет, закрыв руками мордочку.

— Не плачь, — утешает ее доктор. — Видишь эту баночку? Сейчас я помажу тебе шею такой удивительной мазью, что шея сразу перестанет болеть.

Айболит мажет обезьяне шею мазью. Обезьяна перестает плакать.

— Живи у меня, обезьяна, — говорит доктор. — Я не хочу, чтобы тебя обижали.

Зверек с благодарностью хватает доктора за руку. Вдруг раздаются звуки шарманки. Печальный, тягучий вальс гремит под окном.

Первые же звуки этого вальса приводят обезьяну в ужас. Она вспрыгивает на спинку кресла, бросается вниз головой под стол, мечется по стенам.

— Что с тобой? — спрашивает ее изумленный доктор Айболит. — Чего ты испугалась? Это шарманщик зашел во двор со своею шарманкой!

Обезьяна бросается к доктору, обнимает его ноги, хватает его за руки, когда он наклоняется, чтобы поднять ее, прячет голову у него на груди.

— Ах, вот в чем дело! — догадывается доктор наконец. — Ты боишься шарманщика?

Обезьяна несколько раз кивает головой.

— Это и есть твой хозяин? — спрашивает доктор.

Обезьяна вновь кивает головой.

— Тот самый, от которого ты убежала? Тот, что водил тебя на веревке?

Обезьяна, цепляясь в отчаянии за плечи доброго доктора, подтверждает и это.

— Не бойся, — говорит доктор. — Я не отдам тебя ему.

Он усаживает обезьяну в кресло и выглядывает в окно. Шарманщик, усатый человек огромного роста, свирепого вида, в широкополой шляпе, крутит ручку шарманки. Он все время вертит головой, как будто ищет кого-то. То на крышу посмотрит, то на окна, то оглянется назад. Вдруг из дома вихрем вылетает Варвара.

— Перестаньте сейчас же играть! — визжит она.

Шарманщик, который как раз смотрит пристально на крышу сарая, не замечает Варвары. Вопли шарманки заглушают Варварин голос.

Варвара приходит в неистовство. Шпильки дождем сыплются из ее волос.

— Сейчас Варвара выгонит его! — сообщает доктор обезьяне.

Обезьяна радостно прыгает в кресле.

Доктор снова смотрит в окно.

— Перестаньте! — ревет бешеная Варвара. — Я женщина тихая, я женщина добрая, а ваша гнусавая шарманка превращает меня в настоящую разбойницу!

Шарманщик услышал ее наконец.

Он перестает вертеть ручку своего инструмента.

— Добрая женщина, — говорит он хриплым голосом. — Не пожалуете ли вы мне что-нибудь за мою игру?

— Нет! — отвечает Варвара свирепо. — Убирайтесь отсюда вон!

Доктор радостно кивает обезьяне.

Обезьяна пляшет.

Доктор снова выглядывает в окно и видит, что шарманщик и не думает уходить. Он стоит посреди двора и поглядывает во все стороны.

— Чего вы ждете? — визжит Варвара. — Вам угодно, чтобы я лопнула от злости?

— Добрая женщина, — гудит шарманщик своим хриплым басом. — Позвольте спросить вас: не забегала ли к вам моя обезьяна?

Прежде чем Варвара успевает ответить, Айболит кричит:

— Здесь нет вашей обезьяны! Уходите немедленно прочь!

Повинуясь повелительному жесту доктора, шарманщик поворачивает было к воротам, но вдруг Варвара останавливает его.

— Стойте, стойте, шарманщик, — говорит она ласковым голосом. — Куда же вы, голубчик! Мой брат поступил нехорошо. Он скрыл от вас правду. Ваша обезьяна здесь.

— Как тебе не стыдно, Варвара! — кричит доктор, но уже поздно.

Шарманщик швыряет свою шарманку на землю и ревет свирепо:

— Кровь и молния! Где она?! Я оторву ей голову!

— Пойдемте, я провожу вас, — ласково приглашает Варвара.

Обезьяна снова в отчаянии мечется по комнате. Доктор Айболит спокойно, с достоинством стоит у стола.

— Не бойся, — успокаивает он обезьяну. — Не бойся, глупенькая.

Дверь с грохотом распахивается, и в комнату врывается шарманщик.

За ним входит улыбающаяся, торжествующая Варвара.

Обезьяна бросается к доктору и прыгает к нему на руки. Доктор ласково гладит ее.

— Вы обманули меня! — кричит шарманщик. — Вот моя обезьяна!

— Нет, эта обезьяна не ваша теперь. Она пришла ко мне и сказала, что не хочет жить у вас. Она останется у меня. Теперь это моя обезьяна. Уходите, — спокойно отвечает доктор.

— Отдавай обезьяну! — орет шарманщик.

— Не отдам! — спокойно возражает доктор. — Я не хочу, чтобы ты мучил ее.

Шарманщик бросается к доктору.

— Авва! — кричит Айболит.

В окно прыгает большая собака и кидается на шарманщика. Шарманщик хватает стул и, отбиваясь от собаки стулом, бежит к доктору.

— Хрю-хрю! — кричит доктор.

В комнату вбегает небольшая белая свинка и бросается под ноги шарманщику.

Шарманщик падает.

Варвара хватает свинью за ноги. Шарманщик вскакивает.

— Карудо! — кричит доктор. Попугай влетает в комнату.

— Бумба! — зовет Айболит. Сова влетает следом за попугаем.

Они, хлопая крыльями, вертятся у самого лица Варвары, заставляют ее отступить в угол. Утка кричит, вбегая в двери.

— Кика, назад! — приказывает доктор. — Ты тут ничем не можешь помочь! Тебя раздавят!

Кика убегает.

Доктор вместе с Аввой и Хрю-хрю наступают на шарманщика.

Тот не сдается. Увертываясь от свиньи, отбиваясь от собаки, он пытается схватить обезьяну.

Но вдруг в дверях показывается крокодил.

На спине его сидит Кика.

— Спасибо, Кика! — кричит доктор. — Ты догадалась позвать крокодила! Ну, злой шарманщик! Уходи! Или мой друг крокодил сейчас же проглотит тебя!

Шарманщик угрюмо оглядывается. Он окружен со всех сторон. Авва грозно рычит на него, Хрю-хрю не сводит с него глаз, крокодил приготовился к нападению, широко открыв свою страшную пасть, сова и попугай хлопают угрожающе крыльями.

Доктор указывает злодею на дверь.

Съежившись, шарманщик уходит.

Варвара, плача от злости, бежит за ним следом.

Звери окружают доктора.

— Спасибо вам! Спасибо, друзья мои, — говорит доктор. — Вы спасли нашего нового товарища от злого хозяина. Знакомьтесь. Эту славную обезьяну зовут Чичи.

Звери окружают обезьяну, ласкаются к ней.

А злой шарманщик выходит во двор.

Варвара следом.

Шарманщик поднимает свою шарманку.

Обернувшись, он грозит кулаком окну докторского кабинета.

— Вы совершенно правы, — кричит Варвара шарманщику. — Я женщина тихая, я женщина добрая, а эти звери превратили меня в настоящую разбойницу!

— Не отчаивайтесь! — гудит шарманщик. — Клянусь своими усами, — я избавлю вас от этих зверей. Я отомщу им всем, а доктору в особенности.

— Ах, пожалуйста! Будьте так любезны, сделайте им какую-нибудь гадость! — всхлипывая, просит Варвара. — Я помогу вам!

Поглядывая на дом, шарманщик берет Варвару за руку и отводит ее в угол двора.

— Я вижу, — тихо говорит он, — что они действительно превратили вас в настоящую разбойницу.

— Да! Да! — плачет Варвара.

— Тогда вам, значит, можно довериться. Я тоже настоящий разбойник! Я знаменитый морской разбойник Беналис!

— Да что вы! Как это приятно! — радостно кричит Варвара.

— Тс-с-с! — останавливает ее разбойник. — Мои товарищи ушли на корабле продавать добычу. А я, переодетый шарманщиком, брожу по городу, разведываю, подслушиваю, высматриваю, кого еще можно ограбить. Но никому ни слова об этом!

— Ни-ни! — соглашается Варвара, отчаянно тряся головой.

— Я буду наведываться к вам, — продолжает разбойник. — До свидания. Вместе мы найдем случай отомстить Айболиту и уничтожить всех его зверей!

— Ура! Ура! Ура! — отвечает Варвара, ликуя.

ЧАСТЬ 2

ТИТР: Каждый день после работы доктор Айболит шел гулять со своими зверями.

По берегу моря не спеша шагает добрый доктор Айболит. На плече у него сидит сова Бумба. Авва, собака, весело бежит впереди. Верхом на Авве едет пополневшая, повеселевшая обезьяна Чи-чи. Попугай Карудо летает взад и вперед над головами друзей. Хрю-хрю бежит рядом с доктором, Кика, переваливаясь, торопится следом. Все звери поют весело:

Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда!

Вдруг собака Авва останавливается, прислушивается, принюхивается и с лаем бросается вперед.

Авва подбегает к группе скал, стоящих на берегу, и лает настойчиво, отрывисто, как будто зовет всех: скорей, сюда!

Айболит спешит на ее зов.

Он видит ворота, вделанные в скалу. На воротах висит замок. Авва лает безостановочно, встревоженно.

— Тише, Авва! — приказывает ей Айболит. Авва замолкает.

— Я понимаю тебя, — говорит ей Айболит озабоченно. — Это действительно очень странно. Здесь в скалах — пещера. Но зачем понадобилось пещеру запирать?

Утка Кика крякает.

— Нет! — возражает ей доктор. — Я не думаю, что там спрятаны каштаны и орехи.

Обезьяна Чи-чи пищит и прыгает, схватившись рукою за замок, висящий в двери.

— Сомневаюсь! — отвечает ей доктор. — Кому нужно прятать тут бананы и апельсины?

Свинья Хрю-хрю хрюкает, глядя на Айболита.

— Глупости! — сердится доктор. — Откуда там могут быть яблоки, пироги и шоколад!

Вдруг сова Бумба, сидящая на плече Айболита, встревожилась, запрыгала, захлопала крыльями.

— Что? — спрашивает ее Айболит.

Сова приближает клюв к самому уху доктора.

— Как? — восклицает удивленный Айболит. — Ты думаешь? Ты уверена? Ты слышишь это? Не может быть!

Звери, заинтересованные, подбегают к доктору. Авва кладет передние лапы на жилет Айболита, Чи-чи хватает его за руку. Хрю-хрю толкает доктора своим пятачком в колено.

— Тише-тише! — останавливает их Айболит. — Тише, не мешайте ей. Бумбе кажется, что там, в пещере, — что-то живое. Человек или зверь.

Авва лает на доктора.

— Напрасно ты не веришь ей, — отвечает доктор Авве. — У всех у вас уши хуже, чем у нее.

Звери шумно выражают свое неудовольствие

— Хуже, хуже! — настаивает доктор. — Замолчите! Не мешайте ей слушать.

Звери замолкают.

Сова несколько мгновений прислушивается и снова приближает свой клюв к уху доктора Айболита.

— Да быть этого не может! — восклицает доктор. — Там человек? Ты слышишь, как он положил руку в карман?

Сова снова шепчет что-то на ухо доктору.

— Он достал... что? Не слышу... Пятак? Ах, платок! Носовой платок? Зачем?

Голова доктора и совы Бумбы показываются крупным планом. В полной тишине раздается тихий, очень тонкий металлический голосок совы Бумбы.

— Я слышу, — говорит сова Бумба, — я слышу, как у этого человека катится по щеке слеза. Он плачет.

Все звери вскрикивают в ужасе, каждый на своем языке.

— Слеза? — спрашивает Айболит, потрясенный. — Слеза? Неужели там, за дверью, кто-то плачет? Нужно ему помочь. Я не люблю, когда плачут! Нужно найти ключ, пойдите найдите ключ!

Звери разбегаются в разные стороны. Хрю-хрю роется под камнями, утка ныряет в море, собака бегает, принюхиваясь, взад и вперед, обезьяна взобралась на скалу, осматривает там каждую расщелину, каждый уступ. Наконец все они возвращаются к доктору.

— Ключа нет.

— Беги домой, — приказывает доктор собаке Авве, — и принеси мне топор.

Авва со всех ног бросается бежать.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара на пороге кухни колет топором толстое полено.

Авва влетает в ворота.

Подбегает к Варваре.

Лает.

— Говори по-человечески, что тебе надо! — спрашивает Варвара свирепо.

Авва лает снова.

— Замолчи! — кричит Варвара. — Не мешай мне! Авва лает все громче и громче.

— Не превращай меня в разбойницу, — визжит Варвара. — Уймись!

Авва заливается, лает, прыгает перед Варварой, не слушает ее.

— Так вот же тебе, дерзкая! — кричит Варвара и бросает в Авву топором. Авве только этого и надо было. Она хватает топор зубами и вихрем уносится прочь.

Варвара столбом стоит посреди двора. Она потрясает головой. Шпильки так и летят во все стороны.

— Беналис! Беналис! — шипит она. — Когда же ты уничтожишь наконец всех этих негодных зверей!

Доктор Айболит ждет у пещеры.

Авва прибегает и приносит топор.

Доктор хватает топор и принимается рубить деревянные ворота, закрывающие вход в пещеру.

Ворота разлетаются в щепки.

Открывается вход в темную-темную пещеру.

Доктор берет щепку, зажигает ее и дает Авве. Авва берет ее зубами. Вторую горящую щепку берет в зубы Хрю-хрю. Третью несет Чи-чи, четвертую — сам Айболит.

Доктор, сопровождаемый зверями, углубляется в темноту. Сталактиты сверкают при свете горящих щепок.

Авва бросается вперед. Доктор и звери за ней. И все они видят: у стены пещеры маленький мальчик, съежившись, сидит на соломе.

Он со страхом глядит на доктора. Слезы бегут по его щекам.

Доктор делает шаг к нему.

Мальчик вскрикивает и в ужасе протягивает вперед обе руки.

— Что ты, что ты, мальчик, — ласково говорит ему доктор Айболит. — Неужели ты, как некоторые глупые дети, боишься докторов?

Ласковый голос Айболита успокаивает мальчика.

— Нет, я не боюсь докторов, — отвечает он. — А вы разве доктор?

— Доктор! — говорит Айболит.

— А вы не морской разбойник?

— Нет, нет, — отвечает доктор, добродушно смеясь. — Я доктор Айболит. Разве я похож на морского разбойника?

— Нет, нет, — говорит мальчик. — Хоть вы и с топором, но я вас не боюсь. Здравствуйте. Меня зовут Пента. Не знаете ли вы, где мой отец?

— Выйдем из пещеры, — говорит доктор Айболит, — здесь очень сыро. Ты можешь простудиться. Идем!

Авва, Хрю-хрю и Чи-чи бегут впереди с горящими щепками и освещают путь.

Доктор и Пента идут следом.

Они выходят на берег моря. Пента щурится от яркого солнечного света. Авва, Хрю-хрю, Чи-чи и доктор бросают горящие щепки. Доктор затаптывает их ногами.

Затем он усаживает мальчика на камень, сам садится напротив. Животные окружают их.

— Ну, — говорит доктор Айболит. — Расскажи нам, что с тобой случилось, как ты попал в эту пещеру, почему ты плакал. Мы постараемся помочь тебе.

— Хорошо, я расскажу вам все, — соглашается Пента. — Слушайте. Мой отец — рыбак. Несколько дней назад мы выехали в море ловить рыбу. Я и отец, вдвоем, в рыбачьей лодке. Вдруг на нашу лодку напали морские разбойники и взяли нас в плен. Их предводитель, усатый, страшный, по имени Беналис…

— Как? — переспрашивает доктор.

— Беналис, — повторяет мальчик. — Беналис захотел, чтобы отец тоже стал пиратом, чтобы он грабил и топил корабли. Но отец не захотел стать пиратом. «Я честный рыбак и не желаю разбойничать», — сказал он. Тогда пираты страшно рассердились, схватили отца и увели неизвестно куда, а меня высадили на берег и заперли в этой пещере. С тех пор я не видел отца. Где он? Что они сделали с ним? Должно быть, они бросили его в море.

Закончив свой рассказ, Пента снова разражается слезами.

— Не плачь! — утешает мальчика Айболит. — Плакать не нужно. Что толку в слезах? Лучше подумаем, как бы нам найти твоего отца. Скажи мне, каков он собой?

Всхлипывая, Пента отвечает:

— У него рыжие волосы и рыжая борода, очень длинная.

— Ага, так... — бормочет доктор Айболит и задумывается.

— Кика! — говорит он наконец.

Утка подбегает к доктору.

Доктор берет ее на руки.

— Чари-бари, — говорит он ей раздельно и внушительно.

— Кря-кря! — отвечает утка.

— Чава-чам! — продолжает Айболит.

— Кря-кря!

— Чука-чук! — заканчивает доктор повелительно и опускает утку на землю.

Утка бежит к морю и плывет прочь от берега, торопясь изо всех сил.

— Как смешно вы говорили с ней, — удивляется маленький Пента, — я не понял ни слова.

— Я часто разговариваю со своими зверями по-звериному, — объясняет добрый доктор Айболит. —

Они понимают по-человечески, но в таких важных делах лучше говорить с ними на их языке.

— Что же вы сказали вашей утке? — спрашивает мальчик.

— Смотри, — говорит доктор, показывая на море.

И мальчик видит: утка, пока он разговаривал с доктором, заплыла довольно далеко.

Она покачивается на волнах и от времени до времени ныряет в воду, задрав кверху хвост.

— Вы ей велели кувыркаться? — спрашивает Пента, недоумевая.

— Смотри, — приказывает опять доктор вместо ответа.

И Пента видит — что-то черное вынырнуло из воды около утки и снова рухнуло в воду. Еще. Еще.

Целое стадо дельфинов прыгает и ныряет вокруг утки Кики.

— Я сказал ей, — говорит доктор Пенте, — чтобы она позвала дельфинов.

— Зачем? — спрашивает Пента.

— Дельфины носятся по морю взад и вперед, ныряют до самого дна и снова подымаются наверх. Они знают все морские новости. Коли твой отец утонул, то им уже это, конечно, известно.

— Ой, — говорит Пента. — Скорей бы вернулась она обратно. — Утка! Утка!

Кика, по-видимому, услышав зов мальчика, поворачивает и мчится к берегу.

Пента бросается к воде, хватает утку, спрашивает ее:

— Ну что? Ну — что?

— Кря-кря! — отвечает утка.

— Не понимаю, — чуть не плача, говорит Пента.

— Погоди, мальчик, — останавливает его доктор. — Дай мне спросить.

Он берет утку на руки и спрашивает нетерпеливо:

— Чари-бари-чав-чам?

Утка крякает в ответ ему.

— Мне не интересно, что краб подрался с морским котом! — сердится Айболит. — Говори, что дельфины сказали об отце Пенты.

Утка снова весело крякает.

— И это мне не интересно! — кричит доктор сердито. — Акула-Каракула простудилась и кашляет! Пусть себе кашляет, я не стану лечить ее. Она злая! Видели эти сплетники отца Пенты? Говори, наконец!

Утка крякает, отвечает.

Лицо доктора просветлело.

— Ну, мальчик, — говорит он Пенте, — я рад за тебя. На дне моря нет рыжего рыбака с длинной рыжей бородой. Значит, твой отец жив!

Мальчик хохочет, прыгает от радости.

Но вдруг лицо его делается снова печальным.

— А где же он, если его нет в море? — спрашивает мальчик грустно.

— Если его нет в море, значит, он на суше, — отвечает доктор.

— А как мы его найдем? — спрашивает мальчик.

— Об этом надо подумать! — отвечает доктор.

И он приказывает зверям:

— Думайте!

И вот все глубоко задумываются, озабоченно расхаживая взад и вперед по берегу моря. Доктор расхаживает у самой воды. Обезьяна Чи-чи шагает за ним по пятам, в точности повторяя его движения. Доктор что-то пробормочет вполголоса — Чи-чи тоже. Доктор остановится и щелкнет пальцами — обезьяна тоже. Доктор в нетерпении — его раздражает трудность задачи — вдруг стукнет себя по лбу кулаком — и Чи-чи за ним.

Возле скал бегает взад и вперед собака Авва и свинка Хрю-хрю.

Утка Кика озабоченно плавает взад и вперед по воде.

Мальчик с надеждою смотрит на них. Шепчет:

— Думайте! Думайте скорей!

Но вот, наконец, собака Авва находит какое-то решение.

Она подбегает к доктору и лает.

К удивлению Пенты, доктор лает ей в ответ, отвечает ей на чисто собачьем языке. Лай его носит несколько вопросительный характер. Доктор как будто не очень уверен в правильности решения, предлагаемого Аввой.

Авва лает, настаивает на своем.

Доктор, еще несколько раз коротко пролаяв и получив ответ Аввы, подходит к Пенте.

Звери подбегают к ним.

— Авва уверяет, что она может найти твоего отца, — сообщает доктор мальчику.

— Как? — спрашивает Пента.

— По запаху, — отвечает доктор. — Ведь ты знаешь, что у собак замечательное чутье. Как бы далеко ни был твой отец — собака найдет его по запаху.

Хрю-хрю насмешливо хрюкает.

Доктор останавливает ее.

— Не смей называть Авву хвастуньей, — говорит он. — Если она найдет отца Пенты, тебе самой будет стыдно. Пента! Есть ли у тебя какая-нибудь вещь, которую держал в руках твой отец?

— Вот, — отвечает мальчик и достает из кармана большой носовой платок. Доктор протягивает платок Авве. Авва жадно его нюхает. Потом лает.

— Пахнет табаком и селедкой, — переводит доктор ее лай. — Авва говорит, что твой отец курил трубку и ел хорошую голландскую селедку. Это хорошо, — говорит она.

Авва бросается бежать.

Все за ней.

Авва подымается на вершину высокого холма и останавливается.

Доктор, Пента и звери окружают ее.

Авва принюхивается.

Она начинает тихонько скулить.

Музыка.

Очертания зверей, Аввы, Пенты, доктора делаются расплывчатыми, почти исчезают.

И зрители видят то, что чутьем чует Авва.

Слышен голос доктора. Он говорит негромко, под музыку, объясняя Пенте все, что, скуля, сообщает ему Авва.

— Ветер дует с севера, — говорит доктор. — Авва чует запах больших-больших дремучих лесов.

И перед зрителям разворачиваются большие дремучие леса, тайга.

— Пахнет белками, — говорит доктор, и зрители видят, как белка прыгает по соснам.

— Пахнет медведем.

Медведь пробирается между кустами.

— Леса исчезли, — говорит доктор. — Пахнет холодной соленой водой. Пахнет смолой, канатами, рыбой. Рыбаки плывут по северному морю.

Теперь море видят зрители, видят рыбацкие суда с белыми парусами, сети, рыбаков у сетей.

— И это исчезло, — продолжает Айболит. — Пахнет только снегом, снегом и льдом, льдом. Ничего живого вокруг. Ах нет! Морж поднял из воды свою голову. Белый медведь стоит на скале. А дальше опять снег, лед, лед и снег.

Зрители видят все, о чем говорит доктор. Музыка затихает, но не прекращается. Авва и все вокруг нее видны теперь ясно.

— На севере нет твоего отца, — говорит Айболит. — К счастью, ветер меняется. Ну, Авва? Что ты скажешь теперь?

Авва поворачивается к югу. Тихо скулит.

Музыка снова делается слышней, и снова расплываются очертания действующих лиц.

— Ветер с юга, — говорит доктор. — Авва слышит запах винограда...

Большие виноградники проплывают мимо зрителей.

— Она чует запах персиков, груш, слив, — говорит доктор.

За виноградниками идут сады. Деревья стоят, опустив ветки под тяжестью плодов.

— Пахнет высокими-высокими, тонкими-тонкими деревьями без веток. Пахнет большими листьями, которые свисают с верхушек этих высоких и тонких деревьев. Это Авва говорит о пальмах, — объясняет Айболит.

И зрители видят пальмовые рощи.

— Обезьяны! Она чует обезьян! — восклицает доктор.

Видно, как радостно взволновалась смутно видимая на экране Чи-чи.

— По пальмам прыгают, носятся обезьяны.

— Пахнет горячим-горячим песком, — рассказывает доктор дальше.

Пальмы уходят. Перед зрителями — пустынные песчаные холмы, залитые ярким солнечным светом.

— Не бойся, Авва! Не бойся! Ведь он далеко. Она почуяла... — говорит доктор.

Лев огромными прыжками взлетает на вершину холма. Останавливается. Поводит своей огромной башкой.

— Успокойся, Авва, успокойся, он не тронет тебя, он далеко, — повторяет доктор.

Пустыня, холмы, лев — все это заволакивается туманом, расплывается, тает. Затихает музыка.

Доктор гладит, успокаивает Авву. Авва рычит встревоженно. Шерсть на ее спине стоит дыбом.

— Успокойся. Смотри. Ветер подул с моря, с запада. Нет ли там нашего рыбака? А ну-ка! Ищи.

Авва поворачивается мордой к западу. Музыка становится слышнее. Морские волны проносятся перед зрителем. И вдруг Авва разражается лаем.

— Он там! Он там! — кричит доктор. — Ветер пахнет табаком и селедкой! Отец Пенты там, за морем! Авва почуяла его!

Музыка обрывается.

Доктор бежит вниз с холма. Звери и Пента за ним.

— Куда вы? — спрашивает Пента на бегу.

— В гавань! — отвечает доктор.

— Зачем?

— К моряку Робинзону!

Мол.

У мола стоит большой парусник.

Бородатый длинноволосый человек в грубой меховой одежде задумчиво ходит взад и вперед по палубе парусника.

Доктор вбегает по сходням на корабль. Все звери и Пента за ним.

— Робинзон! — кричит Айболит. — Нужно немедленно отправляться в путь!

— Куда? — спрашивает спокойно Робинзон.

— Надо спасти отца этого мальчика.

— Ладно! — коротко отвечает Робинзон. Не спеша подымается он на капитанский мостик. Опирается руками на перила — и вдруг разражается ревом, поражающим после негромких его разговоров с доктором.

— Свистать всех наверх! — ревет Робинзон. — Отдай концы! Подымай паруса!

Открытое море.

Корабль Робинзона летит на всех парусах.

Авва стоит на носу корабля.

У штурвала — Робинзон.

Возле — доктор Айболит, окруженный друзьями.

Авва коротко лает, обернувшись к капитанскому мостику.

— Есть два румба вправо, — отвечает Робинзон Авве и поворачивает колесо штурвала.

Доктор Айболит взглядывает на рею, восклицает вдруг:

— Как это кстати! Чайка! Чайка! Поди-ка сюда на минутку. Чайка слетает вниз.

— Чайка! — говорит доктор Айболит. — Будь так добра, отнеси письмо сестре моей Варваре.

Чайка кивает головою в знак согласия.

Доктор Айболит достает из бокового кармана письмо.

— Лети скорее! — просит доктор. — А то Варвара будет ждать меня к ужину и злиться.

Чайка берет письмо в клюв и улетает.

Авва снова лает коротко, обернувшись к Робинзону.

— Есть еще два румба вправо! — отвечает капитан и поворачивает колесо штурвала.

Корабль летит на всех парусах по волнам.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара шагает большими шагами по двору.

— Они опоздали к ужину на целых четыре минуты, — ворчит Варвара свирепо. — Есть от чего сойти с ума! Он опять, конечно, лечит какую-нибудь тварь совершенно бесплатно! Ужасный человек!

Вдруг чайка показывается в небе.

Она спускается, проносится над самой головой Варвары, роняет к ее ногам письмо, вновь взлетает в небо и уносится прочь.

Варвара распечатывает письмо, читает его и радостно вскрикивает:

— Это хорошо! Это очень хорошо.

Она бросается в дом и через миг вылетает обратно, надевая на ходу шляпку, натягивая длинные черные перчатки.

Глухое ущелье в горах.

По ущелью пробирается Варвара, крадучись, озираясь, прячась со всеми приемами настоящей разбойницы.

Вот она поравнялась с густо разросшимся высоким кустарником. Оглянулась. И, засунув два пальца в рот, свистнула разбойничьим посвистом.

Издали-издали ей отвечает шарманка. Она играет три такта вальса — того вальса, что раздавался недавно под окнами доктора Айболита.

Варвара свистит вторично. И снова шарманка отвечает ей вальсом, он звучит теперь ближе.

Третий раз свистит Варвара. Раздается треск веток, шум шагов, и из высоких кустов показывается усатый шарманщик, он же разбойник Беналис.

Разбойник здоровается с Варварой.

— Что слышно, кровь и гром? — спрашивает он хриплым своим басом.

— Прекрасные новости, смерть и молния! — пищит Варвара.

— Какие? — спрашивает Беналис.

— Читай! — отвечает Варвара и протягивает разбойнику письмо доктора.

Разбойник достает из бокового кармана огромные круглые очки в черной оправе и, надев их на нос, читает:

— «Дорогая Варвара! Мы едем на корабле Робинзона искать отца одного мальчика по имени Пента. Его похитил разбойник Беналис. Не жди нас к ужину. Не обижай, пожалуйста, крокодила. Целую тебя. Твой брат, добрый доктор Айболит».

Прочитав письмо, разбойник рвет его в клочки и швыряет на землю.

— Это значит, что он открыл мою пещеру! — ревет Беналис. — Ну, ладно! По крайней мере, десять дней пройдет, пока он разыщет отца Пенты. Тем временем вернется мой корабль, мы выедем навстречу доктору, его возьмем в плен, а всех его зверей — утопим, утопим, утопим!

— Ура! Ура! Ура! — отвечает Варвара, ликуя.

ЧАСТЬ 3

ТИТР: На другой день в два часа дня.

Корабль капитана Робинзона.

Авва по-прежнему стоит на носу корабля. Доктор Айболит, озабоченный, беседует с Робинзоном.

— Авва говорит, что отец Пенты где-то совсем близко!

— Не понимаю, — бормочет капитан. — Земли не видно!

— Но Авва уверяет, что явственно чует запах табака и селедки! — настаивает доктор.

Хрю-хрю насмешливо хрюкает.

— Не понимаю, — бормочет капитан. — Земли не видать.

Пента всхлипывает.

— Чи-чи! — говорит доктор Айболит. — Возьми это!

И доктор дает обезьяне большую подзорную трубу. Обезьяна хватает трубу и вопросительно глядит на доктора.

— Поднимись на мачту, — командует доктор, — и погляди, не видно ли земли.

Обезьяна бросается к мачте. Держа трубку в одной руке, она при помощи трех остальных взбирается на верхушку мачты.

Усевшись там, она оглядывает море в подзорную трубу.

Вдруг обезьяна взвизгивает и соскальзывает с мачты вниз. Взлетев на капитанский мостик, она взбирается к Айболиту на плечи и приставляет к его глазам трубу.

И доктор видит: далеко в море чернеет маленький скалистый островок.

Сияя, доктор протягивает трубу Робинзону.

Робинзон глядит в трубу один миг.

Потом говорит негромко:

— Ладно!

И разражается ревом:

— Свистать всех наверх! Земля на бакборте! Убрать паруса!

Авва громко лает.

Корабль Робинзона причаливает к островку. Авва первая прыгает на берег. За нею Пента. За Пентою доктор. За доктором звери, за ними Робинзон. Они все бегут за Аввой.

Авва мчится к дереву, что растет посреди островка.

Под деревом лежит, спит бородатый человек.

— Папа! Папа! — кричит Пента.

Бородатый человек просыпается, вскакивает и бросается обнимать и целовать сына.

Гремит веселая музыка.

Звери пляшут, прыгают, ревут, визжат, кричат от радости.

Добрый доктор Айболит хохочет и пожимает руку отцу Пенты. Сдержанный Робинзон утратил свою обычную сдержанность и радуется, прыгает вместе со всеми...

Авва скромно сидит в стороне. Вдруг Пента вспоминает о ней.

— Это она, Авва, нашла тебя! — кричит Пента и тащит отца к собаке.

Отец Пенты протягивает Авве руку.

Авва подает ему лапу.

Все, окружая их, поют под музыку:

Честь тебе и слава,
Дорогая Авва,
Дорогая Авва,
Честь тебе и слава.

Авва сконфужена. Она закрывает морду лапами.

А хор гремит:

Дорогая Авва!
Честь тебе и слава.
Честь тебе и слава,
Дорогая Авва!

Когда все немного поуспокоились, доктор укоризненно говорит свинье:

— Вот видишь, Хрю-хрю! А ты говорила, что Авва — хвастунья... Ай-ай-ай!

Свинья, отвернувшись, виновато хрюкает.

— То-то! — говорит ей доктор. — Ну, а теперь скорее на корабль! Нужно отвезти домой Пенту и его отца.

— Да, пожалуйста, — просит Пента. — Мама, наверное, ходит по берегу моря, ждет нас и плачет, и плачет...

— Идем! — приказывает доктор.

— Ладно, — спокойно соглашается Робинзон.

Они идут к кораблю, но вдруг раздается шум крыльев. Все взглядывают наверх — и видят: большая стая журавлей летает, кружится над островком.

— Вы ко мне? — кричит доктор.

Один из журавлей опускается на островок у самых ног Айболита. Кланяясь, переступая с ноги на ногу и щелкая клювом, он просит о чем-то доктора.

— Как же быть? — растерянно говорит доктор, выслушав журавля. — Мне надо немедленно возвращаться домой. Маленькие журавлята заболели ангиной. Надо их скорее вылечить. А если мы поедем сначала домой — мама Пенты будет плакать еще лишний день. Ах! Я придумал, что надо делать! Несите сюда скорее веревки и подушку!

Звери бросаются выполнять приказание доктора.

Авва тащит ему подушку. Чи-чи — веревки.

Доктор привязывает по одной веревке к каждому углу подушки.

Потом кричит журавлям:

— Вы понесете меня домой по воздуху. Хватайте клювами все четыре веревки!

Сказав это, доктор Айболит садится на подушку.

И журавли поднимают его в воздух.

Звери огорчены. Они жалобно воют, пищат, кричат.

— Ничего! Ничего! — кричит доктор, улетая, и машет им рукой.

— Когда вы привезете их домой, Робинзон?

— Завтра вечером! — отвечает тот.

— Смотрите не опоздайте, — раздается уже издали голос доктора.

— Ладно! — отвечает Робинзон коротко. Доктор Айболит исчезает в небе.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара хлещет зонтиком крокодила, выгоняет его.

— Вон! Вон! — кричит она. — Довольно! Довольно! Теперь я хозяйка! Довольно ты пожил у нас совершенно бесплатно. Ступай, ступай!

Крокодил плачет.

— Ничего, ничего! — свирепствует Варвара.

Шпильки так и летят у нее из головы.

— Довольно! Ты думаешь, доктор вернется?

Крокодил щелкает зубами.

— Как же! Жди! Вот так он и свалится сейчас с неба.

И точно в ответ на эти слова с неба, сидя на подушке, спускается доктор Айболит. Варвара взвизгивает. Крокодил радостно щелкает зубами.

— Оставь в покое крокодила, Варвара! — приказывает доктор и бежит в дом. Через миг он выбегает оттуда с сумкой в руках.

— А где все остальные?

— Они повезли Пенту и его отца к ним домой. Завтра вечером они вернутся. Я бегу лечить журавлят. Не смей без меня обижать крокодила.

Сказав это, доктор убегает.

Варвара сначала стоит неподвижно.

Потом бежит в дом, надевает шляпу, перчатки.

Бормочет:

— Вернутся завтра? Как же! Жди! Мы этого не допустим! Никогда! Кровь и молния! Гром и смерть!

ТИТР: На другой день к вечеру.

Высокий маяк стоит на берегу моря.

К маяку подходит доктор Айболит. Он кричит, подняв голову кверху:

— Сторож! Джамбо! Где вы?

Дверь маяка открывается, и оттуда выходит старый седой негр Джамбо.

— А, доктор Айболит! Как я рад видеть вас! Заходите! Поговорите с моей канарейкой, а то она все скучает и капризничает, — говорит Джамбо.

— А это потому, что вы избаловали ее, Джамбо, — говорит доктор. — Я зайду к ней в другой раз. А теперь я к вам по другому делу. В порядке ли у вас на маяке лампы?

— О доктор! — восклицает Джамбо. — Конечно, у меня все в порядке! Ведь если хоть раз не загорятся на верхушке моего маяка лампы, то корабли, проходящие вечером и ночью, разобьются в темноте о камни и потонут.

— Вот поэтому я и приехал к вам, — говорит Айболит. — Будьте так добры, зажгите сегодня свою лампу поярче. Сегодня на корабле капитана Робинзона приедут мои лучшие друзья, все мои звери. Я очень скучаю без них и все время беспокоюсь.

— Ладно! — отвечает Джамбо. — Все будет в порядке!

— До свиданья, Джамбо! — говорит Айболит.

— До свиданья, добрый доктор Айболит, — говорит Джамбо. Доктор уходит.

Джамбо скрывается в маяке.

И сейчас же из-за одной стороны маяка выглядывает голова Варвары, а из-за другой — голова Беналиса.

— Хоть корабль мой и не вернулся... — шипит Беналис.

— Но дела наши блестящи, — шипит Варвара.

— Звери погибнут! — гудит Беналис.

— Никто не спасется! — ликует Варвара.

Заметно стемнело.

На молу уже зажглись фонари.

Под одним из фонарей, вглядываясь в даль, стоит встревоженный доктор Айболит.

— Что это значит? — бормочет он. — Что случилось? Почему на маяке не зажглись огни? Надо побежать туда. Надо узнать, в чем дело! Корабль Робинзона разобьется о скалы!

Доктор бросается бежать.

Вот и маяк.

— Джамбо! Джамбо! — кричит доктор.

Ответа нет.

— Джамбо! Где же ты!

Тишина.

Доктор дергает за ручку двери, ведущей в маяк.

Дверь заперта.

Доктор пробует выломать дверь плечом. Это ему не удается.

Тогда он хватает с земли большой камень, ударяет о дверь раз, другой, третий, и дверь наконец поддается. Доктор распахивает ее и мчится наверх по винтовой лестнице, освещая себе путь карманным электрическим фонариком.

На одном из поворотов лестницы Айболит вдруг спотыкается обо что-то и чуть не падает.

И фонарик освещает связанного по рукам и ногам лежащего на ступеньках Джамбо.

Потрясенный доктор выхватывает из кармана нож и перерезает веревки, связывающие несчастного негра.

— Джамбо! — кричит доктор. — Кто связал тебя? Джамбо!

Негр молчит.

— Он в обмороке, — говорит доктор и бежит дальше. — Мне некогда приводить его в чувство. Надо скорее, скорее зажечь лампы. Иначе все погибнут.

Вот, наконец, и верхняя площадка маяка.

Доктор бросается к лампам и начинает шарить у себя по карманам. Вдруг он кричит не своим голосом:

— Что мне делать! Что мне делать! Я забыл дома спички! Как же я теперь зажгу лампы!

Доктор бросается вниз и обшаривает карманы Джамбы.

И тут нет спичек.

Доктор бежит в комнату негра.

Клетка с канарейкой стоит там на столе.

— Кинзолок! Мелифонт! Кинзолок! Где спички! Скажи мне скорей, где спички! — кричит ей доктор.

— Чик-чирик, — отвечает канарейка тончайшим голоском. — Накройте мою клетку платочком. Сквозит! Чик-чирик.

— Где спички, я тебя спрашиваю!

— Я такая нежная, я обязательно простужусь, накройте клетку! — повторяет канарейка.

— Ах ты, избалованная птица! — ревет доктор. — Из-за тебя может погибнуть целый корабль! Говори, где спички, или я тебя брошу в море.

— Не кричите на меня, а то я оглохну и не буду больше петь! Спички на окошке. Накройте меня платочком, — пищит птица.

Доктор хватает с окна спички и, не обращая внимания на крики канарейки: «Да накройте же мою клетку, грубиян», — бежит прочь.

Вот он на верхней площадке.

Он зажигает огромные лампы маяка.

Вспыхивает ослепительный свет.

Доктор взглядывает на море — и хватается за голову.

Слишком поздно!

Он видит: корабль тонет у подводных скал.

Доктор бросается вниз.

Негр Джамбо уже пришел в себя. Он стоит, покачиваясь, на ступеньках.

— Кто связал тебя? — спрашивает доктор.

— Разбойник Беналис, — отвечает Джамбо.

Доктор бежит дальше, освещая себе путь карманным фонариком. Он видит вдруг — две фигуры на берегу.

— Варвара! — узнает доктор. — Шарманщик!

— Я тебе не шарманщик, я разбойник Беналис, — хохочет тот.

— Ну что, добрый доктор? Где теперь твоя обезьяна? Где все твои звери?

— Ура! Ура! Утонули! — ликует Варвара. Вдруг раздается знакомый лай. Варвара взвизгивает в ужасе.

— Авва! Авва! — кричит доктор — и к нему на грудь с радостным визгом бросается собака. За нею Чи-чи. За Чи-чи — Хрю-хрю. И утка Кика, переваливаясь, спешит к доктору, и сова Бумба взлетает к нему на плечо.

Шарманщик, он же Беналис, пробует бежать, но Авва хватает его за полы плаща. Раздается топот многих ног. Прибегает Робинзон и его матросы. В руках у них факелы.

Беналис схвачен и Варвара тоже.

— Но корабль! Корабль! Я сам видел, как разбился корабль! — восклицает доктор Айболит.

— Это не наш корабль разбился, — спокойно объясняет Робинзон.

— А чей же? — спрашивает доктор.

— Разбойника Беналиса.

Беналис крякает.

— Но никто не утонул, — продолжает Робинзон, — я подобрал всех пиратов и запер их в трюме своего корабля. Только атамана не хватало. Но и его мы сейчас запрем туда же. И Варвару тоже. Я отвезу их всех на необитаемый остров.

— Но вы-то, как вы в темноте не наскочили на камни? — кричит Айболит.

— Вы забыли про сову Бумбу! — отвечает Робинзон. — Она прекрасно видит в темноте! Когда стемнело, я посадил ее на нос корабля, и она закричала, когда увидела камни.

Доктор целует Бумбу.

Гремит веселая музыка.

Доктор Айболит дома. Белые мыши выглядывают из сундука. Белка прыгает на дверце шкафа. Еж бегает по дивану. Остальные звери пляшут вокруг Айболита и поют:

Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда.
Шивандары, шивандары,
Фундуклей и дундуклей!
Хорошо, что нет Варвары,
Без Варвары веселей!
Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда!

К концу песни Чи-чи подымает с пола большую букву «Е». Авва берет в зубы букву «Ц». Хрю-хрю тащит букву «К». Айболит берет со стола букву «Н». Сова Бумба взлетает в воздух, надев на шею букву «О». Затем все выстраиваются так, что Айболит оказывается посередине. Остальные становятся по двое — справа от него и слева. А буквы, которые они держат, составляют слово:

Конец

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Крутые черепичные крыши. Трубы в железных колпаках, как в рыцарских шлемах.

На высоких шпилях флюгеры в виде петухов, драконов, единорогов.

Флюгеры крупным планом.

— Северный ветер, — поет петушиным голосом флюгер-петух.

— Северный ветер, — визжит единорог.

— Северный, северный, северный ветер, — кричат все три головы дракона, дрожа на тонком шпиле.

Начинает падать легкий сухой снег.

Вьется по ветру.

Одна из крыш крупным планом.

Из-за трубы выходит крошечный старичок с бородой до колен. Он натягивает поглубже свой остроконечный вязаный колпачок и отправляется в путь по гребню крыши, шагая спокойно, как по полу.

Он проходит мимо высокого шпиля, на котором стоит флюгер-петух.

Петух при виде старичка почтительно кланяется ему.

— Здравствуйте, господин Домовой! Северный ветер! — поет он тоненько.

— Здравствуйте, петушок-дружище! — отвечает крошечный старичок глубоким басом, можно даже сказать — октавой. — Давно задул северный?

— Со вчерашнего вечера, господин Домовой, — поет флюгер

— Это к морозам, — озабоченно басит старичок. — Худо придется моим соседям, которые как домовые квар-

тируют на чердаке. Надо будет завтра слетать к лешему, попросить у него дров взаймы.

Старичок садится на корточки и, как со снежной горы, съезжает с верхушки крыши вниз по желобу. Здесь окна чердачных жильцов.

Домовой бежит рысцой вдоль желоба мимо окон. Добегает до крайнего из них. Прыгает легко, как кошка, на карниз и пробует заглянуть в окно.

— Ничего не видно, — басит он с досадой. — Все стекла покрылись ледяными узорами и цветами.

— Это оттого, что Снежная королева взглянула на них сегодня ночью, пролетая мимо, — поет издали жестяной петух.

— Она здесь? — восклицает старичок. — Ну, быть беде!

— Почему-у? — кричит петух.

Мячиком взлетает старичок наверх на гребень крыши. Бежит по гребню до шпиля с флюгером. Прыгает петуху на спину. Садится на него верхом.

— Быть беде, — басит старичок. — Ох, быть беде, петушок, дружище. Мой любимец студент Ганс Христиан, который сочиняет такие славные сказки, вырастил среди зимы удивительный розовый куст. Розы на нем цветут и не отцветают, пока люди, владеющие чудесным кустом, живут дружно. Ганс Христиан подарил этот розовый куст своим соседям: девочке Герде, мальчику Кею и их бабушке. Ведь во всем доме нет людей дружнее. И если Снежная королева проведает об этом, быть беде, ох, быть беде!

— Почему-у? — кричит петух.

— Она не простит моему славному сказочнику, что он среди зимы вырастил цветы. Она или украдет розы, или поссорит Бабушку, Герду и Кея, и цветы завянут. Ах, Снежная королева уже, наверное, проведала обо всем! Ведь она заглянула к ним в окна!

Старичок снова слетает вниз, мчится к крайнему окошку, прыгает на карниз и старательно ищет незамерзшего

местечка на стекле. Наконец ему удается заглянуть в комнату.

И мы вместе с Домовым видим в рамке из ледяных цветов и узоров довольно просторную, очень уютную и чистую комнату.

В очаге пылает огонь.

Над огнем висит большой медный чайник.

Стол накрыт к чаю, на три прибора.

Большой пышный цветущий розовый куст стоит в деревянной кадке у стены.

Под кустом сидят мальчик и девочка, взявшись за руки.

Домовой приникает ухом к стеклу. Слышит: два детских голоса поют негромко, мечтательно.

— Снип-снап-снурре...

— Пурре-базелюрре!

— Снип-снап-снурре...

— Пурре-базелюрре!

— Пока все благополучно, — бормочет Домовой. — Посмотрим, что-то дальше будет...

Пение детей становится яснее.

Перед нами та самая комната, которую видел Домовой через замерзшее стекло.

Девочка и мальчик. Герда и Кей поют задумавшись. Вдруг мальчик вскакивает. Подбегает к двери. Прислушивается.

— Ступеньки скрипят, — сообщает он радостно.

— Бабушка идет! — восклицает девочка.

— Давай напугаем ее! Давай спрячемся! — предлагает Кей шепотом.

Герда радостно соглашается.

Дети прячутся под стол.

Раздается стук в дверь.

Дети молчат.

Стук повторяется.

Дети хихикают тихонько.

Дверь медленно открывается, и в комнату входит высокий пожилой человек в цилиндре. На его плечи накинута шинель с меховым воротником.

Лицо этого человека бледно, сурово, неподвижно.

Важно и медленно идет он по комнате, оглядываясь.

Вдруг Кей вылетает из-под стола с криком: «Гав-гав!»

За ним прыгает на четвереньках Герда, крича: «Бу-бу!» Незнакомец, не теряя важного и сурового выражения лица, высоко подпрыгивает от неожиданности.

Дети, увидев чужого человека, замирают в ужасе.

— Невоспитанные дети, — восклицает незнакомец. — Что это за бессмысленный поступок? Я вас спрашиваю, невоспитанные дети.

— Простите, но мы воспитанные, — отвечает Кей.

— Мы очень, очень воспитанные, — поддерживает его Герда.

— Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста.

— Воспитанные дети, — отчеканивает незнакомец, — А — не бегают да четвереньках; В — не кричат «бу-бу»; С — не вопят «гав-гав» и, наконец, D — не бросаются на незнакомых людей.

— Но мы думали, что вы наша бабушка, — оправдывается Герда.

— Вздор! Я вовсе не ваша бабушка! — обрывает ее незнакомец. И, повернувшись спиною к детям, он своей важной, медленной поступью направляется к цветам.

— Действительно ли это живые розы? — ворчит он, наклоняясь над кустом.

— А — они издают запах, свойственный этому растению; В — обладают соответствующей окраской. И наконец, С — растут из подобающей почвы. Живые цветы среди зимы! Какое безобразие!

Дети крупным планом.

Герда шепчет Кею:

— Кей, честное слово, это злой волшебник. Давай убежим.

— Волшебники вроде собак, Герда. Они бросаются как раз на тех, кто их боится. Стой, не двигайся. Улыбайся.

Дети стоят неподвижно, изо всех сил стараясь улыбаться.

Незнакомец оборачивается.

Видит напряженно улыбающихся ребят.

— Что это значит? — восклицает он.

— Ни... ничего, — отвечает Кей, старательно скаля зубы.

— Вы строите мне рожи, невоспитанные дети? — шипит незнакомец.

Он делает шаг вперед.

Герда и Кей в страхе бросаются к дверям, но дверь распахивается, и дети попадают прямо в объятия Бабушки.

— Соскучились? — спрашивает, сияя и обнимая ребят, Бабушка — чистенькая, беленькая, румяная, живая старушка.

— Смотри, кто к нам забрался, — шепчет Герда. Показывает глазами на зловещего незнакомца.

Бабушка отстраняет детей.

Вежливо приседает гостю. Тот хмуро кивает в ответ.

— Я к вам по делу, хозяйка, — заявляет он. — Вы знаете, кто я?

— Не имею чести, — отвечает Бабушка с поклоном.

— Так знайте же, — отчеканивает незнакомец. — Я богатый человек, хозяйка, очень богатый человек. Сам король знает, как я богат, — он дал мне за это звание Коммерции Советника. Вы видели большие фургоны с надписью «лед»? Видели, хозяйка? Лед, ледники, холодильники, подвалы, набитые льдом, — все это мое, хозяйка. Лед сделал меня богачом. Главный Бухгалтер!

В дверях появляется человек в больших очках, лысый, маленький, с большими счетами под мышкой. Он

дрожит от холода, дышит на ладони, топочет ногами, стараясь согреться.

— Покажите этой доброй старушке самую ничтожную долю моего богатства, — приказывает Советник.

— Слушаюсь-с, господин Коммерции Советник! — отвечает Бухгалтер сиплым голосом.

Он берет счеты. Пробует подсчитать с их помощью самую ничтожную долю богатства господина Коммерции Советника, но косточки прилипли друг к другу.

— Прошу прощения, господин Коммерции Советник, — сипит Бухгалтер. — Счеты обледенели. Я пришел сюда из наших главных складов лечебного морковного мороженого. Впрочем, я подсчитаю устно.

Бухгалтер закрывает глаза.

Подсчитывает на пальцах, которые у него еле сгибаются от холода.

Шипит негромко:

— Миллион в уме... Два миллиона в уме... Три миллиона в уме... Так... Готово, господин Коммерции Советник. Эй, вы там, конторщики! Внести сюда сто тысяч талеров. Живо!

Повинуясь приказу Главного Бухгалтера, в комнату, сгибаясь под тяжестью мешков с золотыми монетами, входят четыре замерзших конторщика.

— Глядите, старушка, — говорит Советник гордо. — Перед вами сто тысяч талеров — и это только самая ничтожная доля моих богатств. Я все могу купить, хозяйка. Я пришел сюда, чтобы купить ваши розы.

— Мне очень жаль, что вы потрудились напрасно, господин Коммерции Советник, — отвечает Бабушка спокойно. — Ведь эти цветы не продаются.

— А вот продаются! — говорит Советник упрямо.

— А вот нет! — возражает непокорная Бабушка.

— А вот продаются!

— А вот ни за что!

— Увидим! — восклицает Советник. — Бухгалтер, выдайте ей десять талеров!

Бухгалтер устремляется к Бабушке с десятью талерами, с заранее заготовленной распиской, с чернильницей и гусиным пером. Эти последние вещи он добывает из карманов своего сюртука.

— Не возьму, — заявляет Бабушка.

— Выдайте ей двадцать талеров, — приказывает Советник.

Бабушка столь же решительно отвергает Бухгалтера с двадцатью талерами.

— Выдайте ей тридцать, — повелевает Советник. — Пятьдесят. Сто. И сто мало? Ну, хорошо — двести. Этого на целый год хватит и вам, и этим гадким детям.

— Это очень хорошие дети, — возражает Бабушка. — Отойдите от меня, господин Бухгалтер.

— Сколько же вы хотите, корыстолюбивая старуха? — спрашивает Советник яростно.

— Я уже говорила вам, господин Советник, — отвечает Бабушка вежливо, но твердо. — Эти цветы подарил нам студент, сказочник, учитель моих ребятишек. А подарки не продаются.

— Вздор! — выпаливает Советник.

— Эти розы — наша радость, — поясняет Бабушка.

— Вздор, вздор, вздор! Деньги — вот радость! Я предлагаю вам деньги, слышите — деньги, понимаете — деньги!

— Господин Советник, есть вещи более могущественные, чем деньги, — говорит Бабушка твердо.

Это заявление ужасает Советника, доводит почти до обморока Бухгалтера, приводит в полное недоумение конторщиков, принесших золото.

— Да ведь это бунт! — вопит рассвирепевший богач. — Значит, деньги, по-вашему, ничего не стоят? Сегодня вы говорите, что деньги ничего не стоят, а завтра скажете, что богатые и почтенные люди ничего не стоят! Вы решительно отказываетесь от денег?

— Да, — отвечает Бабушка.

— В таком случае пусть с вами разговаривает сама Королева, слышите вы, сумасшедшая старуха! — кричит Советник и, надев цилиндр, бросается к двери.

На пороге он сталкивается с новым действующим лицом сказки.

Это долговязый, несколько неуклюжий юноша. Несмотря на нескладность свою, он держится уверенно, просто и весело.

— Ах вот кто пришел, — шипит Советник. — Господин Сказочник. Сочинитель сказок, которым грош цена. Это все ваши штуки! Ну, ничего! Мы с вами рассчитаемся, любезный Ганс Христиан!

— Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре! — отвечает ему Сказочник серьезно и спокойно.

— Вздор! — шипит Советник.

— Вздор! — сипит Бухгалтер.

— Вздор! — шепчут конторщики.

— Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре, — повторяет Сказочник многозначительно, без тени улыбки.

Советник пожимает плечами и не находит слов, чтобы ответить юноше.

Гордо подняв голову, он выходит из комнаты.

Так же гордо выплывает прочь замерзший Главный Бухгалтер. Заносчиво подняв носы, шествуют за ними конторщики с золотом.

Дверь с шумом захлопывается за ними.

Сказочник, весело смеясь, поворачивается к детям. И сразу делается серьезным.

— Что случилось? — спрашивает он. — Вы испугались, дети? Не нужно! Смотрите, как розы весело кивают нам всем. Они говорят на своем языке: мы с вами, вы с нами, и все мы вместе. Слышите?

Он поднимает палец. Издали-издали раздается едва слышная музыка.

Сказочник смеется, бросается вперед, взмахивает радостно руками и сбивает со стола чашку.

Едва успевает подхватить ее на лету.

— И не стыдно тебе, чашка, — говорит Сказочник укоризненно. — Все эти чашки, чайники, столы, стулья, сюртуки, башмаки из-за того, что я говорю на их языке

и часто болтаю с ними, считают меня своим братом и ужасно меня не уважают Эта чашка вздумала танцевать со мной. Стой! Смирно!

Установив чашку на подобающем ей месте, Сказочник снова поворачивается к ребятам.

И снова его подвижное лицо темнеет.

Веселая болтовня его не рассмешила и не успокоила Герду и Кея.

Взявшись за руки, стоят они, задумчивые и озабоченные.

Сказочник бросается к ним.

— Дети, дети! Неужели этот ледяной Советник так напугал вас?

Герда и Кей переглядываются.

— Я не боюсь, — говорит Кей.

— Я тоже, — поддерживает его Герда не совсем уверенно. — Я... Я только хотела бы узнать, о какой королеве он говорил.

— О Снежной королеве, — отвечает Сказочник серьезно.

— Она повелевает морозами, снегами и метелями. Советник с нею в большой дружбе, ведь она поставляет ему лед. Живет Королева далеко-далеко на севере, но зимой, когда дует северный ветер, она прилетает на черном облаке сюда к нам.

— Полно вам рассказывать сказки! — добродушно ворчит Бабушка. — Смотрите, вы совсем напугали ребят!

И действительно.

Дети еще больше встревожились. Они косятся на окно.

Там на улице разыгралась метель.

Стекла дребезжат под ударами ветра.

— Подите сюда, дети! — зовет Сказочник. — Смотрите на меня!

Он хватает кочергу, лежащую возле очага, и, установив ее на ладони, идет с нею по комнате.

— Многие уверяют, — говорит Сказочник, жонглируя кочергой, — будто я нескладный, неуклюжий, длинноногий парень. А я — видите, ловок, проворен, точен! Будьте спокойны, друзья мои! Что нам сделают Советник и Снежная королева, пока мы веселы и дружны, пока сердца наши горячи? Да ничего. Ну-ка, попробуй — тронь нас, ты, Снежная королева! Ах!

Сказочник, увлекшись, делает резкое движение рукой.

Кочерга летит далеко в сторону.

Разбивает стекло в окне.

Свист, звон, вой.

Северный ветер врывается в комнату через разбитое окно.

Лампа, висящая над столом, гаснет.

Снежинки, светясь, вьются и пляшут в темноте.

— Спокойно, дети! — кричит Сказочник. — Это я виноват! Сейчас я зажгу лампу.

Вспыхивает свет.

Все вскрикивают.

Сказочник замирает, стоя на стуле под лампой.

Что это?

Прекрасная, богато одетая, высокая, стройная женщина стоит посреди комнаты.

Она в белом с головы до ног. Огромный бриллиант сверкает у нее на груди.

Холодно улыбаясь, глядит она на Бабушку, Герду и Кея.

Сказочник прыгает со стула. Хочет заговорить, но незнакомка делает едва заметный жест рукой — предостерегающий, повелительный.

И Сказочник умолкает, отшатнувшись.

— Это вы? — спрашивает Герда.

— Кто вы? — спрашивает Кей.

Женщина не отвечает ни слова. Она, очевидно, наслаждается замешательством.

Молча проходит она к бабушкиному креслу, которое стоит возле самого разбитого окна.

Спокойно и величественно опускается она в кресло. Ветер и снег, врывающиеся в комнату, как видно, ничуть не беспокоят ее.

— Сейчас я заложу окно подушкой, — говорит Бабушка. Женщина не отвечает. Она не сводит глаз с цветущего розового куста.

Суровое, гневное выражение появляется на ее лице.

Она по очереди оглядывает всех находящихся в комнате. Взгляд ее задерживается на Кее.

И снова она холодно улыбается.

Заложив окно подушкой, Бабушка храбро подходит к незнакомке.

— Чем я могу служить вам, сударыня? — спрашивает она.

— Я пришла сюда за этим мальчиком, — отчетливо, звонко, холодно отвечает женщина, указывая на Кея.

Герда вскрикивает.

— Я не понимаю вас, сударыня, — говорит Бабушка растерянно.

— Я одинока и богата, — продолжает незнакомка. — А вам, при вашей бедности, конечно, трудно содержать приемыша...

— Я не приемыш, — кричит Кей.

— Он говорит правду, сударыня, — поддерживает его Бабушка. — Ему и года не было, когда умерли его родители. Он вырос у меня на руках. Он такой же родной мне, как моя единственная внучка и как мои покойные дети.

— Эти чувства делают вам честь, — говорит незнакомка небрежно. — Но ведь вы старая и можете умереть.

— Бабушка не может умереть! — вскрикивает Герда.

— Тише ты! — сурово останавливает ее незнакомка. — Соглашайтесь же, хозяйка. Я навсегда обеспечу этого мальчика. То, что я предлагаю, выгодно нам всем.

Кей с трудом удерживает слезы, бросается к Бабушке и обнимает ее.

— Бабушка, бабушка, не отдавай меня, дорогая! — умоляет он. — Я не люблю ее, а тебя я так люблю! Розы ты и то пожалела, а я ведь целый мальчик! Я умру, если она возьмет меня к себе!

— Бабушка, ну вот, честное слово, не отдавай его! — плачет Герда.

— Что вы, дети! Я никому и ни за что не отдам Кея, — успокаивает Бабушка ребят.

— Вы слышите! — кричит Кей незнакомке.

Не отвечая, незнакомка хлопает трижды в ладоши.

Двери распахиваются.

В комнату входят мальчики в коротеньких белых меховых плащах, в шелковых белых чулках, в атласных белых туфельках.

Они очень бледны.

Движения их плавны и мягки.

Двое из них несут роскошный наряд, украшенный драгоценными камнями. Наряд этот так и сверкает.

Четверо других несут большой белый ящик.

— Если ты пойдешь ко мне — все эти слуги и еще сотни других будут повиноваться каждому твоему слову, — говорит незнакомка. — Этот наряд и еще сотни других я подарю тебе. В этом ящике сотая доля игрушек, которые будут твоими собственными.

Незнакомка делает знак рукой.

Пажи откидывают боковую стенку ящика.

Рождается негромкая, но звонкая музыка. Кажется, что невидимые музыканты играют в белом ящике на стеклянных инструментах.

И пажи достают из ящика и кладут на пол удивительные игрушки.

Тут и сабли, и панцири, и каски. Они сверкают так, будто сделаны из серебра.

А вот удивительные заводные солдатики.

Они маршируют по полу, как живые, обходят ножки стола, сохраняя равнение, поворачивают и снова шагают без устали.

И солдатики также сверкают так, будто они не оловянные, а серебряные.

Незнакомка подходит к окну и выдергивает прочь подушку, которой Бабушка заткнула разбитое стекло. Ветер затих, как по волшебству. Снег перестал идти. Луна сияет в небе. Женщина знаком подзывает Кея. Кей нехотя повинуется.

— Взгляни, — говорит незнакомка, указывая вниз на улицу.

И Кей видит: у ворот дома стоит просторная белая карета, запряженная четверкой белых коней.

А возле дверцы кареты лакей в белой ливрее с трудом удерживает под уздцы пятого коня. Этот конь оседлан. Он прыгает на месте в нетерпении. Здесь, наверху, явственно слышно, как стучат его копыта и как звенят пустые стремена.

— Этот конь будет твоим, Кей, — говорит женщина. — Слышишь?

Кей молчит.

— Смотри, Бабушка, — шепчет Герда.

Сверкающие солдатики, маршируя, приблизились к очагу и вдруг остановились разом. Все они — и командиры, и рядовые — вдруг покрылись мелкими водяными капельками.

Вот они пошатнулись все разом и, не нарушая строя, повалились ничком на пол.

Незнакомка замечает это.

Она, чуть наклонившись, дует на солдатиков.

И солдатики, окрепнув внезапно, вскакивают все как один.

Пятясь, отступают они в полном боевом порядке от пылающего очага.

— Ну, Кей, — спрашивает незнакомка, снова усаживаясь в кресло. — Отвечай — пойдешь ты со мной?

— Никуда я не пойду! — отвечает мальчик угрюмо.

— Не упрямься, Кей, — говорит незнакомка ласково. — Подумай!

— Не уйду я отсюда, — отвечает Кей твердо.

— В последний раз спрашиваю тебя, Кей, — настаивает женщина. — Подумай, прежде чем ответишь, мальчик. Останешься ли ты в этой жалкой конурке или уедешь со мной в мой дворец?

— Я останусь тут, — отвечает мальчик быстро. — Вот вам!

— Молодец! — начинает Сказочник, но незнакомка вновь делает едва заметный повелительный жест, и он умолкает и отшатывается.

— Будь по-твоему, Кей, — говорит незнакомка и встает с кресла. — Но ты хоть поцелуй меня на прощанье.

Сказочник снова делает движение, собираясь заговорить, но незнакомка опять укрощает его.

Кей стоит неподвижно, упрямо опустив голову.

— Ну же, Кей! — настаивает женщина. — Ты боишься? Вот не думала, что ты трус.

— Я не трус, — отвечает мальчик и храбро направляется к незнакомке.

Поднимается на цыпочки. Протягивает ей губы. Говорит холодно:

— Всего хорошего.

И незнакомка целует его.

Сейчас же за разбитым окном появляется целый рой снежинок. Становится слышно, как отчаянно ревет и свистит ветер.

— До свидания, господа, — говорит незнакомка холодно. — Эй вы, в путь!

Пажи укладывают игрушки в ящик.

Они очень спешат.

Один из пажей роняет нечаянно солдатика.

Упав на пол, солдатик разбивается вдребезги со стеклянным звоном.

И тут происходит нечто страшное.

Незнакомка спокойно и холодно хватает пажа за шиворот. Легко, как котенка, поднимает она его высоко вверх и швыряет в пылающий очаг.

Легкая вспышка пламени — и паж исчезает бесследно. Только белое облачко пара поднимается над угольями и рассеивается в воздухе.

Герда и Бабушка вскрикивают горестно.

А пажи работают молча и сосредоточенно, как будто гибель товарища ничуть не обеспокоила и не огорчила их.

Игрушки уложены.

Незнакомка удаляется величественно.

Пажи следуют за ней, унося роскошный наряд и ящик с удивительными игрушками.

И тут Сказочник приходит в себя, наконец.

— Какой ужас! — восклицает он, бросаясь к Бабушке. — Ведь это была она, она, Снежная королева!

— Почему же вы не сказали? — спрашивает Герда.

— Не мог! — признается Сказочник растерянно. — Она протянула руку, и холод пронизывал меня с головы до ног, и язык отнимался, и…

Резкий, невеселый хохот прерывает его.

Это хохочет Кей.

Никогда он не смеялся так странно.

— Что ты, Кей? — спрашивает Герда испуганно.

— Смотрите, как смешно, — отвечает Кей отчетливо, звонко и холодно. — Наши розы вянут. А какие они стали безобразные, гадкие, фу!

И все видят:

Розы на чудесном розовом кусте с легким шелестом осыпаются, темнея. Несколько мгновений — и вот ни одного цветка нет больше в живых.

— Розы погибли, ах, какое несчастье! — восклицает Бабушка и бежит к кусту.

— Смотрите, какая потеха! — отчеканивает Кей. — Как смешно Бабушка переваливается на ходу. Это пря-

мо утка, а не Бабушка. Перестань таращить на меня глаза, Герда. Если ты заревешь, я дерну тебя за косу!

— Кей, я не узнаю тебя! — говорит Бабушка печально.

— Скажите пожалуйста! — отвечает Кей резко и холодно. — Я из-за них остался в этой конуре, не поехал во дворец, где такие чудесные игрушки, а они ворчат еще!

Бабушка молчит, растерянно опустив руки. Герда начинает всхлипывать.

— Спать, спать! — бросается к ней Сказочник. — Уже поздно, живо спать!

— Я прежде хочу узнать, что с ним сделалось, — плачет Герда.

— А я пойду спать, — отчеканивает Кей. — У-у! Какая ты некрасивая, когда плачешь.

— Спать, спать!

Сказочник выпроваживает детей в спальню и подбегает к Бабушке.

— Вы знаете, что с Кеем? — шепчет он. — Его поцеловала Снежная королева. А у человека, которого она поцелует, сердце застывает и превращается в кусок льда. Теперь у нашего Кея ледяное сердце!

— Ничего, ничего, — говорит Бабушка. — Мы отогреем его! Ведь мы так любим Кея. Я уверена, завтра же к вечеру он станет таким же добрым и веселым, как всегда.

Они разговаривают и не видят, что за разбитым окном во тьме смутно белеет лицо Снежной королевы. Она слышит последние слова Бабушки. Отвечает на них негромко:

— Посмотрим!

ТИТР: На другой день утром.

Солнце только что встало.

Просторная городская площадь.

Посреди площади стоит большое снежное Чучело.

Рано. На площади нет ни одного человека.

Появляется Кей.

Волочит за собой на ремешке санки.

Подходит к чучелу, оглядывает его вяло, без малейшего интереса и усаживается в санки.

Молчит.

Лицо его сердито и брюзгливо. Так проходит несколько мгновений.

И вдруг происходит чудо.

Кей неподвижен по-прежнему, но зато оживает Чучело.

Глаза Чучела, сделанные из угольков, приходят в движение.

Воровато взглянув направо, налево, Чучело шепчет:

— Что так рано сегодня, Кей?

— Они спят еще все, — отвечает Кей звонко, отчетливо, холодно. — Я потихоньку оделся и убежал сюда. Мне скучно в нашей конуре.

Чучело снова оглядывается осторожно.

Шепчет:

— Покатать тебя, мальчик?

— Покатай, Чучело, — соглашается Кей равнодушно.

Неуклюжее, рыхлое, огромное тело снежного Чучела приходит в движение. Шевельнулись плечи. Едва намеченные, бесформенные ручищи с трудом отделились от туловища.

Чучело медленно и осторожно направляется к санкам, чтобы взяться за ремешок.

Но тут случается беда.

Голова Чучела, плохо укрепленная, валится с плеч.

Это не обескураживает чудовище.

Чучело нащупывает голову своими неуклюжими ручищами и осторожно ставит ее на место.

Старательно поправляет сделанный из моркови нос. Он при падении свернулся на сторону.

Все приведено в порядок.

И Чучело снова нагибается, придерживая голову одной рукой.

На этот раз Чучелу удается благополучно зажать в кулак ремешок, привязанный к санкам.

И чудовище пускается в путь.

Кей, неподвижный, равнодушный, сидит в санках, а Чучело бегает кругами по площади все быстрее и быстрее.

Не спеша входит на площадь Снежная королева.

Следом за нею шагает Коммерции Советник.

— Домой! — кричит Королева звонко.

И Чучело, словно подстегнутое этим криком, бросается вперед.

Оно несется вдоль по улице как вихрь и мчит за собою санки с неподвижным, застывшим мальчиком.

Исчезает вдали в вихре снега.

— Следите за Гердой, — отчетливо и холодно приказывает Королева Советнику. — Эта упрямая девчонка пойдет за Кеем на край света. Задержите ее.

— Слушаю-с, ваше величество, — отвечает Советник почтительно.

ЗАТЕМНЕНИЕ

Снова показываются остроконечные черепичные крыши домов.

— Южный ветер, — поет флюгер-петух.

— Южный ветер, — визжит единорог.

— Южный, южный, южный ветер, — кричат все три головы дракона, дрожа на тонком шпиле.

Мягко сияет весеннее солнышко. Оно только что встало. Его первые лучи упали на трубы в железных колпаках.

Домовой идет мимо флюгера-петуха.

— Доброе утро, господин Домовой! — поет тот. — Южный ветер.

— Здравствуй, петушок-дружище, — отвечает Домовой глубоким басом. — Вот и весна пришла, а я все грущу.

— Почему-у? — поет петух.

— Соседку мою жалко, — басит Домовой. — Бабушку жалко. Вот уже четыре месяца, как пропал Кей. А теперь Герда собирается идти искать его. Ох, быть беде, быть беде. И куда же это их носит! Сидели бы дома, как мы, домовые, и все было бы ладно!

Как со снежной горы, съезжает Домовой с гребня крыши вниз к желобу, к окнам чердачных жильцов.

Бежит рысцой вдоль окон.

Останавливается у последнего из них.

Прыгает, как кошка, на карниз.

Заглядывает осторожно в окно.

Герда, положив на подоконник листок бумаги, пишет старательно, выводит большие буквы гусиным пером.

«Весна пришла, дорогая Бабушка, — пишет Герда, — а сердце Кея не ожило, он не вернулся к нам. Я пойду его искать. Прости меня. Твоя Герда».

Домовой соскакивает в карниза. Ходит взад и вперед по желобу. Охает глубоким басом.

— Что случилось? — поет петух.

— Она уходит, петушок-дружище, — басит Домовой. — Что-то будет, что-то будет!

Он взглядывает вниз.

Видит: Герда идет по пустынной улице одна-одинешенька.

Домовой машет ей колпачком.

Петух кивает ей вслед.

А девочка идет, не оглядываясь.

Скрывается за углом.

Лес.

Маленькие весенние цветочки.

Герда идет по тропинке.

Река.

Плывет большая барка с большим неуклюжим парусом.

Герда сидит на корме, за грудой канатов.

Высокие скалистые горы.

Узенькая тропинка вьется среди скал.

Герда идет по тропинке, не отдыхая, не останавливаясь.

И всюду: в лесу, на реке, в горах — она поет свою песенку.

Жили-были Кей да я,
С нами Бабушка моя,
Мы друг друга уважали,
Никого не обижали.
Вдруг в разбитое стекло
Снег и горе принесло.
Что такое, в самом деле?
Мы за что осиротели?
Почему пропал наш Кей,
Самый лучший из детей?
Я на все добьюсь ответа,
Доберусь до края света
И найду тебя, родной,
Приведу тебя домой!

Огромный дворец с башнями, башенками, балконами, высокими и узкими окнами.

Тяжелая, украшенная резьбой и металлическими украшениями парадная дверь.

На двери белая эмалевая дощечка:

КОРОЛЬ ЭРИК XXIX.
ПРИЕМ ОТ 3 ДО 5
ЗВОНИТЬ ДВА РАЗА.

Появляется Герда.

Перед огромной парадной дверью дворца она кажется крошечной.

Большой сытый ворон, сидя на карнизе, с глубоким вниманием разглядывает девочку.

Герда читает табличку.

Находит кнопку звонка.

Звонит дважды.

Ответа нет.

Девочка, подождав немного, звонит снова.

Ждет.

Ворон раскрывает клюв.

Говорит глухо, слегка картавя:

— Простите, барышня, вы не швырнете в меня камнем? Герда поражена тем, что с нею заговорила птица, но, как хорошо воспитанная девочка, она не показывает этого.

— О, что вы, сударь, конечно, нет! — отвечает она очень вежливо.

Ворон приходит в восхищение от того, что его назвали сударем.

— Ха-ха-ха! — кричит он. — Это приятно слышать. А палкой вы не швырнете в меня?

— Что вы, сударь...

— Ха-ха-ха! А кирпичом?

— Никогда, сударь.

— Позвольте почтительнейше поблагодарить за вашу удивительнейшую учтивость! Красиво я говорю?

— Очень, сударь, — хвалит Герда искренно.

— Ха-ха-ха! — ликует ворон. — Это оттого, что я вырос в парке королевского дворца. Я почти придворный ворон. А невеста моя — настоящая придворная ворона, она питается объедками королевской кухни. Вы не здешняя, конечно?

— Нет, я пришла издалека, — отвечает девочка, вздыхая.

— Я так и думал, — говорит ворон. — Иначе бы вы знали, что во дворце сегодня нет приема. Дочь короля, принцесса, вышла нынче утром замуж. Целый месяц теперь, кроме поваров и музыкантов, никто не будет работать во дворце. Кра-кра, праздник, праздник! Но, прошу прощенья, вы чем-то огорчены? Расскажите, расскажите, я добрый ворон, а вдруг я помогу вам!

— Видите ли, сударь, я ищу одного мальчика, который пропал этой зимой, — объясняет Герда. — Он взял

свои санки, ушел и больше не возвращался. Имя этого мальчика...

— Кей! — кричит ворон. — Кей! Кей!

Это открытие приводит его в необычайный восторг. Он, как безумный, носится вокруг девочки, крича:

— Кей! Кей! Кей!

— Но откуда вы знаете, что его так зовут? — спрашивает Герда, пораженная.

— А вас зовут Герда! — кричит ворон.

— Но откуда вы знаете все это?

— Наша родственница — сорока, ужасная сплетница, — поясняет ворон. — Она знает все, что делается на свете, и все новости приносит нам на хвосте. Так мы узнали и вашу историю. Вы думаете, что Кей у нас во дворце?

— Я ищу его всюду, сударь, — отвечает Герда.

— Стойте! — говорит ворон. — Дайте мне подумать!

Герда ждет терпеливо, а ворон думает.

Этот процесс выражается у него очень бурно. Ворон то взлетает в небо, то камнем устремляется вниз, то принимается каркать во все горло, то безмолвно замирает, уткнувшись носом в землю.

— Очень может быть, — говорит он наконец.

— Что может быть, сударь? — спрашивает Герда.

— Очень может быть, что Кей у нас во дворце. Вы не трусиха?

— Я боюсь лягушек, а больше ничего на свете, — отвечает Герда.

— В таком случае возьмите меня за лапки и держите крепко-крепко, — приказывает ворон.

Герда так и делает.

Ворон взмахивает крыльями и взлетает вместе с Гердой в воздух.

Они летят вокруг дворца, над высокою решеткою дворцового парка, над огромными, аккуратно подстриженными деревьями и наконец опускаются на одной из полянок в парке.

Здесь стоит маленький позолоченный изящный домик.

— Многоуважаемая Герда, — говорит ворон, — сейчас я познакомлю вас с моею невестой — придворной вороной. Это ее резиденция. Она будет в восторге. Клара, Клара!

— Карл, Карл! — отвечает голос из домика.

Дверцы открываются, и оттуда выходит ворона, как две капли воды похожая на своего жениха.

— Здравствуй, Карл! — говорит она и церемонно кланяется.

— Здравствуй, Клара! — отвечает ворон, кланяясь точно так же.

— Здравствуй, Карл!

— Здравствуй, Клара!

— Здравствуй, Карл!

— Здравствуй, Клара!

— У меня крайне интересные новости, — говорит ворон, поклонившись в последний раз. — Ты сейчас раскроешь клюв от удивления, Клара. Эту девочку зовут Герда!

— Герда! — кричит Клара и широко открывает клюв.

— Клара, — продолжает ворон, — это еще не все. Мне кажется, что жених принцессы Эльзы — это и есть Кей.

— Что вы! — возражает Герда. — Ведь Кей — простой мальчик, а не принц.

— Но ведь жених принцессы еще вчера тоже был простым мальчиком, — говорит Клара. — Принцесса выбрала его только за то, что он очень храбро разговаривал с ней.

— А как зовут вашего принца? — спрашивает Герда.

— Его зовут — ваше высочество, — отвечает Клара.

— У него с собой санки? — спрашивает Герда.

— Да, он что-то нес в котомке за спиною, — отвечает Клара.

— Идемте во дворец, я поговорю с принцем. Если это Кей, я попрошу его написать Бабушке записку, что он жив и здоров, и уйду к себе.

Вороны переглядываются.

— Ах! — говорит Клара. — Я боюсь, что вас не пустят туда! Ведь это все-таки королевский дворец, а вы простая девочка. Как быть? Я не очень люблю детей. Они вечно дразнят меня. Они кричат: «Карл у Клары украл кораллы». Но вы не такая. Вы сразу покорили мое сердце. Что же делать?

Некоторое время вороны оживленно разговаривают на своем языке.

Затем Клара спрашивает:

— Вы храбрая девочка, Герда?

— Я боюсь лягушек, а больше ничего на свете, — отвечает Герда.

— В таком случае мы сейчас спрячем вас на чердаке, а ночью проберемся во дворец. Возьмите нас за лапки и держитесь крепко-крепко.

Герда так и делает.

По небу летят ворон и ворона.

Герда летит с ними.

— Урра, урра, урра! — кричит Клара. — Верность, храбрость, дружба...

— Разрушают все преграды, — подхватывает Карл. — Урра, урра, урра!

Парадная дверь королевского дворца.

Подъезжает черная карета, в которую запряжены белые кони.

Из кареты выходит Советник.

Двери дворца распахиваются перед ним.

Советник входит во дворец.

ЗАТЕМНЕНИЕ

Огромный тронный зал дворца.

Ночь.

Зал освещен луной.

При лунном свете ясно видна черта, проведенная по полу, по задней стене и по потолку зала.

Эта черта делит зал аккуратно пополам.

Бесшумно открывается одна из дверей. Появляется Клара, держа в клюве фонарь.

Она зовет негромко:

— Карл, Карл!

Входят ворон и Герда.

— Держитесь правой стороны, — предупреждает Клара. — Не переступайте черту.

— Скажите, пожалуйста, а зачем проведена эта черта? — спрашивает Герда.

— Король подарил принцу полцарства, — отвечает Клара, — и все апартаменты дворца государь тоже аккуратно поделил пополам. Правая сторона — принца и принцессы, а левая — королевская. Нам благоразумнее держаться правой стороны. Вперед!

Едва успевают они сделать несколько шагов, как раздается негромкая музыка. В полуосвещенном зале появляются легкие, прозрачные фигуры. Они приближаются, светясь. Это роскошно одетые дамы в кринолинах. Они церемонно приседают, кланяются, кружатся под музыку.

— Что это? — спрашивает Герда испуганно.

— Это просто сны придворных дам, — отвечает ворона. — Придворным дамам снится, что они на балу.

Вдруг музыку заглушает лай собак, топот коней, глухие крики «Ату его, ату-ту! Улю-лю! Держи! Режь! Бей!..»

Фигуры танцующих дам тают и расплываются.

В зале появляется полупрозрачный светящийся дикий кабан. Его преследуют призрачные всадники на призрачных конях.

— А это кто? — спрашивает Герда.

— А это сны придворных кавалеров, — отвечает Клара. — Кавалерам снится, что они на охоте.

Раздается легкая, веселая, радостная музыка.

Охотники тают и расплываются в воздухе.

Из-под земли подымаются худые изможденные люди.

Они пляшут радостно.

Исчезают. На их место из-под земли поднимаются все новые и новые призраки изможденных людей.

— А это кто? — спрашивает Герда

— А это — сны узников, заточенных в подземелье, — отвечает ворона. — Узникам снится, что их отпустили на свободу.

Вдруг раздается звон бубенцов и громкий топот.

Сны узников исчезают разом.

— А это что такое? — спрашивает Герда.

— Я не понимаю, — отвечает ворона растерянно.

Звон бубенцов и топот приближаются.

— Давайте спрячемся, — говорит Клара испуганно.

Герда и птицы прячутся за высоким двойным троном, стоящим на половине принца и принцессы.

Едва они успевают скрыться, как двери на половине принца и принцессы широко распахиваются.

В зал галопом врываются две шеренги рослых лакеев. В руках у лакеев канделябры с зажженными свечами.

В зале становится светло как днем.

Между шеренгами лакеев бегут принц и принцесса.

Они играют в лошадки.

Принц изображает лошадь.

Он прыгает, роет ногами пол, лихо бегает по своей половине зала.

На груди его звенят бубенцы игрушечной сбруи.

Лакеи, сохраняя на лицах важное, строгое, невозмутимое выражение, носятся следом за детьми.

— Ну, довольно, — говорит принц, останавливаясь внезапно. — Надоело в лошадки. Давай играть в прятки.

— Давай, — радостно соглашается принцесса. — Считай до ста. Принц старательно считает до ста.

Принцесса, сопровождаемая лакеями, ищет, где бы ей спрятаться.

Она заглядывает за трон.

Взвизгивает.

Обе шеренги лакеев взвизгивают тоже.

Отскакивает в ужасе.

Обе шеренги лакеев тоже отскакивают.

Принц бросается на помощь принцессе.

Навстречу ему из-за трона выходит плачущая Герда, сопровождаемая низко кланяющимися воронами.

Принц и принцесса глядят на них с глубоким удивлением.

— Как ты попала сюда, девочка? — спрашивает принц. — Мордочка у тебя довольно славная. Почему ты пряталась от нас?

Герда с трудом удерживает слезы.

— Ах, принц, — говорит она. — Я давно бы вышла к вам. Но, увидев вас, я заплакала. А я очень не люблю плакать при всех... Я вовсе не плакса, поверьте мне.

Сказав это, Герда снова разражается слезами.

— Что вы тут стоите? — говорит принц лакеям. — Слыхали, кажется, девочка не любит плакать при всех. Поставьте подсвечники и уходите.

Лакеи ставят канделябры у стены и удаляются с поклонами.

— Почему ты заплакала, увидев меня, отвечай, девочка, — спрашивает принц ласково. — Отвечай же! Я ведь такой же простой мальчик, как и ты. Я был пастухом. А в принцы попал только потому, что не испугался, как все другие женихи, войдя во дворец. Ну же! Не бойся.

— Я не боюсь, — говорит Герда, всхлипывая. — Я плачу потому, что вы вовсе не Кей.

— Конечно, нет, — отвечает принц. — Меня зовут Клаус. Но почему это так огорчает тебя?

— Ах! Я угадала почему! — вскрикивает принцесса. — Помнишь, Клаус, я рассказывала тебе историю Герды и Кея, которую слышала от вороны. Тебя зовут Герда, да, девочка?

Герда молча кивает головой.

Это открытие поражает принца.

Он хватает принцессу за руку и отводит ее в сторону.

— Эльза, — говорит он решительно. — Мы должны сделать что-нибудь для Герды. Думай!

Принцесса думает старательно.

Восклицает, просияв:

— Придумала! Давай пожалуем ей голубую ленту через плечо и подвязку с мечами, бантиками и колокольчиками.

— Глупости, — отвечает принц. — Герда, ты в какую сторону сейчас пойдешь?

— На север, — отвечает Герда. — Я боюсь, что Кея унесла она. Снежная королева.

— Хорошо, — говорит принц. — Я знаю, что надо делать. — Ворона, летите в конюшню и прикажите от моего имени заложить в карету четверку вороных коней.

Вороны кланяются и улетают.

— Герда, садись в кресло и жди нас. Мы сейчас пойдем в гардеробную и принесем тебе оттуда муфту, перчатки, шапку, меховые сапожки и шубу, — продолжает принц.

— Пожалуйста, Герда, — говорит принцесса ласково. — Мне не жалко. У меня четыреста восемьдесят девять шуб.

— Жди нас! Отдыхай! Не бойся. Ты только не переходи на королевскую половину, а на нашей тебя никто не посмеет тронуть. Эльза, за мной!

Принц хватает один из канделябров и убегает, сопровождаемый принцессой.

— Спасибо, Клаус! Спасибо, Эльза! — кричит Герда им вслед. Принц и принцесса исчезли.

Герда остается одна в огромном тронном зале.

Она сидит в большом кресле, сжавшись в комочек.

Чувствуется, ей здесь неуютно и жутко.

Вдруг дверь на королевской половине зала открывается.

Герда вскакивает испуганно.

Появляется невысокий полный пожилой человек в пенсне.

На голове его корона.

На плечах — горностаевая мантия.

На ногах — ночные туфли. Они так и шлепают на ходу.

Важно и медленно этот человек шагает к трону. Усаживается.

Принимает величественную позу.

Говорит:

— Девочка, перед тобою король Эрик двадцать девятый. Сделай реверанс.

Герда приседает послушно.

— Так, — говорит король. — А теперь поди сюда, мне надо с тобой поговорить.

Герда идет и вдруг у самой черты, отделяющей королевскую половину, останавливается как вкопанная. Это приводит короля в крайнее изумление.

— Что это? — спрашивает он. — Что это такое? Ты меня, понимаешь, меня, заставляешь ждать? Иди же.

— Простите, но только дальше я не пойду, — отвечает Герда решительно.

— Как это так? — недоумевает король. — А если я приказываю?

— Все равно! — отвечает Герда. — Друзья мои не советовали мне покидать половину принцессы.

Король, разгневанный, вскакивает с трона.

Бежит к черте.

— Иди сюда, говорят тебе! — кричит он.

— Не пойду, — отвечает Герда.

— А я тебе говорю, что пойдешь!

— А я говорю, что нет.

— Сюда! Слышишь, ты, цыпленок!

— Я вас очень прошу не кричать на меня, ваше величество, — говорит Герда сурово. — Я столько за это время перевидала, что вовсе не пугаюсь, только сама тоже начинаю сердиться.

Король задумывается на миг.

Затем улыбается.

— Какая храбрая девочка! — говорит он с восхищением. — Я люблю храбрецов. Дай руку, не бойся!

И он протягивает Герде руку через черту.

Герда доверчиво подает ему свою.

И тут происходит нечто неожиданное.

Король одним движением перетягивает Герду на свою половину зала.

Кричит:

— Эй, стража!

На зов его, сталкиваясь в дверях, толпою летят солдаты с обнаженными шпагами.

Но, прежде чем они успевают добежать до короля, Герда кусает его за руку.

Король вскрикивает и выпускает девочку.

Солдаты замирают в ужасе.

Герда на половине принцессы.

— Это мошенничество! Это нечестно! — кричит она королю.

— Уши заткнуть! — приказывает король.

Солдаты выполняют приказание.

Король машет рукой.

Солдаты уходят.

— Ты что же это делаешь? — кричит король Герде. — Ты ругаешь меня, понимаешь, меня, при моих подчиненных! Ведь перед тобою сам я! Ты всмотрись, это я, король!

Герда отвечает тихо и рассудительно:

— Ваше величество, скажите, пожалуйста, что вы ко мне привязались? Я веду себя тихо, никого не трогаю. Что вам от меня надо?

Король не находит ответа на этот простой вопрос.

Угрюмо шагает он взад и вперед по своей половине тронного зала.

Ночные туфли его так и шлепают. Вдруг он останавливается.

— Ты права! — говорит он кротко. — Ты наша гостья, а с гостями следует быть терпеливыми. Прости меня.

— Пожалуйста, ваше величество, — отвечает Герда вежливо.

Король подходит к высокому узкому дубовому шкафу, стоящему у стены.

Отпирает его.

Достает оттуда лыжи — небольшие, изящные, отделанные серебром.

— Ты ищешь мальчика по имени Кей? — спрашивает король.

— Да, ваше величество, — отвечает Герда.

— Эти волшебные лыжи-самоходы помогут тебе в твоих поисках, — говорит король. — Смотри!

Он сбрасывает ночные туфли.

Надевает лыжи.

Приказывает:

— Вперед!

И лыжи сами собой, без малейшего усилия со стороны ездока, мчат его по паркетному полу тронного зала.

— Видишь! — приговаривает король. — Вот оно как! Хороша штука? Гоп!

Лыжи прыгают.

— Выше!

Лыжи несут короля над полом.

— Еще выше!

Лыжи поднимают короля под самый потолок.

— Вниз!

Король плавно снижается, снимает лыжи, натягивает свои ночные туфли и прислоняет лыжи к стене.

— Бери их себе, Герда, — говорит он мягко. — Помни, что и у короля есть сердце, девочка.

Герда не двигается с места.

Король добродушно хохочет.

— Ты не веришь мне? Какая потешная девочка! Смотри, я ухожу. Видишь? Спокойной ночи, дорогая.

— Спокойной ночи, ваше величество. Улыбаясь, король удаляется. Плотно закрывает за собой дверь. Герда не знает, что ей делать.

Она подбегает к двери, за которой скрывался король.

Прислушивается, перегнувшись через пограничную черту.

Шлепанье королевских ночных туфель замирает вдали.

И девочка решается.

Не сводя глаз с двери, за которой скрылся король, Герда переходит за черту.

Крадется на цыпочках к лыжам.

Хватает их крепко.

И вскрикивает от ужаса.

С грохотом распахивается железная потайная дверь в стене возле того самого места, где стоят волшебные лыжи.

Король легко, как мячик, прыгает оттуда.

За ним целый отряд стражи.

Потайная дверь захлопывается.

Солдаты бегут к черте и выстраиваются вдоль нее, отрезают Герде путь на половину принцессы.

— Что?! — вопит, ликуя, король. — Чья взяла? Ты забыла, что в каждом дворце есть потайные двери! Взять ее!

Начальник стражи в панцире, латах и шлеме неуклюже двигается к Герде.

Но храбрая девочка не растерялась.

Она быстро надевает волшебные лыжи.

Кричит:

— Вперед!

Лыжи мчат ее прочь от начальника стражи.

— Ловите ее! Держите! — ревет король.

Солдаты цепью двигаются к девочке.

Герда приказывает лыжам:

— Гоп!

Лыжи взвиваются в воздух.

— Вниз.

И лыжи мягко снижаются на половине принцессы.

— Стыдно, стыдно, ваше величество! — кричит Герда оттуда.

— Уши заткнуть и вон отсюда! — приказывает король.

Стража удаляется, заткнув уши.

— Стыдно, стыдно, стыдно, король! — кричит Герда.

— Не говорите глупостей, — возражает король сердито. — Король имеет право быть коварным! Отдавай мои лыжи, дерзкая девчонка!

— Пожалуйста! — отвечает девочка. — От такого обманщика мне ничего не надо.

Снимает лыжи.

Приказывает:

— Ступайте к своему хозяину.

Лыжи покорно бегут к королю.

Он ловит их и запирает в шкаф. Пауза.

— Ну, ладно, — говорит король наконец. — Я вижу, что силой с тобой ничего не поделаешь... Войди в мое положение... Пожалуйста, сдайся. Мне очень нужно заточить тебя в подземелье.

— Зачем? — удивляется Герда.

— Коммерции Советник требует этого, — отвечает король, вздыхая.

— Он здесь? — вскрикивает в ужасе девочка.

— Да. Он, оказывается, все время следил за тобой. Ну! Соглашайся же! Я должен этому Советнику массу денег! Горы! Я у него в руках. Если я не схвачу тебя — он меня разорит! Он прекратит поставку льда, и мы останемся без мороженого. Он прекратит поставку холодного оружия, и соседи мои разобьют меня! Понимаешь? Очень прошу тебя, пойдем в темницу. Я сам выберу тебе местечко посуше. Ладно?

— Нет! — отвечает Герда твердо.

Оба вздрагивают.

Потайная дверь вновь распахивается с шумом.

Коммерции Советник появляется оттуда.

Подходит к королю.

Говорит ему презрительно:

— Король должен быть: А — холоден, как снег; В — тверд, как лед, и С — быстр, как северный ветер. Почему девчонка не схвачена еще?

— Она на половине принцессы, — оправдывается король угрюмо.

— Вздор! — обрывает его Советник.

С ледяным спокойствием направляется он к пограничной черте, без малейшего колебания переходит ее. Бросается к Герде, замершей от ужаса. Хватает девочку на руки.

— Все! — говорит он самодовольно.

— Нет, это еще не все, Советник! — раздается веселый голос.

Распахивается потайная дверь на половине принцессы.

Оттуда выскакивает Сказочник, спокойный, улыбающийся.

В правой руке у него пистолет, в левой — шпага.

— Отпустите девочку! — приказывает он Советнику, прицеливаясь в него из пистолета.

Тот повинуется.

— Как вы попали сюда? — спрашивает он угрюмо.

— Я переодевался до неузнаваемости и следил за каждым вашим шагом, Советник. А когда вы уехали из города, я отправился за вами следом.

— Зовите стражу, государь! — кричит Советник.

— Ни с места, король, — приказывает Сказочник и прицеливается в короля.

Король приседает от страха, закрывшись обеими руками.

— Зовите стражу, — настаивает Советник. — Пистолет не выстрелит. Этот нескладный человек забыл насыпать на полку пороху.

— Ни с места, король! — кричит Сказочник. — А вдруг пистолет все-таки выстрелит!

— Король! Пистолет не заряжен. Слышите! — шипит Советник.

— А… а он говорит, что заряжен, — отвечает король, дрожа.

— Ну, ладно, я сам справлюсь с этим нескладным человеком, — говорит угрожающе Советник.

Он выхватывает шпагу и бросается на Сказочника.

Тот очень ловко отбивается шпагой, которую держит в левой руке.

Сражаясь, он продолжает держать короля под прицелом.

— Крибле! Крабле! Бумс! — приговаривает Сказочник при каждом ударе.

Обе стороны бьются яростно.

От шпаг летят искры.

Король воровато, тихонечко пробирается к пограничной черте.

Сражающиеся бегают по всему залу.

Вот пробегают они мимо самой черты.

И король с неожиданной легкостью подкрадывается и дает Сказочнику подножку.

Сказочник падает.

Советник приставляет шпагу к его горлу.

— Иди немедленно на половину короля, — приказывает Советник Герде, — иначе я убью этого мальчишку.

Герда тихо, опустив голову, двигается к черте.

Но тут дверь распахивается и в зал вбегают принц и принцесса

Они несут шубу, шапку и меховые сапожки для Герды.

— Клаус! Эльза! — кричит Герда. — Они хотят убить лучшего моего друга!

Наклонив голову, как бычок, бросается принц прямо на Советника.

Тот невольно отступает. Сказочник вскакивает.

— Король подставил ему ножку, — жалуется Герда принцу и принцессе.

Принцесса вспыхивает.

— Ах вот как! — кричит она. — Ну, сейчас, государь, вы свету не взвидите! Сейчас, сейчас я начну капризничать...

— Я больше не буду, — бормочет король испуганно.

В окно влетают вороны.

— Каррета подана, — докладывают они.

— Молодцы, — кричит Клаус. — Жалую вам за это ленту через плечо и эту самую... подвязку со звоночками.

Ворон и ворона низко кланяются.

— Идем!

Клаус берет Герду за одну руку, принцесса — за другую, и они бегут к двери.

Король тихонько скрывается.

— Я догоню тебя, девочка, — кричит Сказочник Герде вслед.

И вот они остаются одни друг против друга, Сказочник и Советник.

— Ну, Советник, не советую вам больше трогать нас, — говорит Сказочник.

— Я не нуждаюсь в ваших советах, Сочинитель, — отчеканивает тот.

— Вы проиграли, Советник!

— Игра еще не кончена, Сочинитель!

Враги, угрожающе глядя друг на друга, выходят каждый в свою дверь.

ЗАТЕМНЕНИЕ

Поляна в необычайно густом лесу. Посреди поляны дуб в три обхвата.

Тихо.

Слышно, как поют птицы.

Кажется, что ни одного человека нет вокруг.

Вдруг издали раздается пронзительный зловещий свист.

В ответ свистят совсем близко.

Трещат сучья.

И на поляне появляется усатый человек необычайно свирепого вида.

Он в широкополой шляпе, в сапогах со шпорами.

За кушак заткнуты три пистолета и нож.

Этот человек ведет за руку Коммерции Советника.

Глаза Советника завязаны платком.

Оглядевшись внимательно, человек свирепого вида свистит трижды.

В ответ раздается сухое щелканье.

В стволе огромного дуба, растущего посреди поляны, открывается вдруг круглое окошечко.

В окошечко выглядывает пожилая женщина в очках. Она курит трубку. На голове ее широкополая шляпа, одетая набекрень.

— Сними с него платок и убирайся, — приказывает женщина.

Человек свирепого вида с поклоном выполняет приказание.

— Что вам нужно? — спрашивает женщина Советника.

— Мне нужно видеть атамана разбойников, сударыня.

— Это я, — отвечает женщина. — Вы?

— Да, я.

Окошечко захлопывается, и тотчас же со скрипом открывается целая дверь.

Обнаруживается, что за дверью, в стволе дуба, скрывается большое дупло.

На стенах дупла висят ножи разнообразнейших размеров и форм.

Столик стоит посреди.

На столике счеты и большая бухгалтерская книга.

Женщина, которая выглядывала в окошечко, сидит за столиком.

Работает.

— Ну? — ворчит она. — Что вы замолчали? Я Атаманша разбойников. С тех пор как умер от простуды мой муж, дело в свои руки взяла я. Чего вы хотите от меня?

Советник подходит поближе к дуплу. Шепчет:

— Я могу вам указать на великолепную добычу, Атаманша. — Ну?

— Сейчас по дороге проедет золотая карета, запряженная четверкой вороных лошадей из королевской конюшни.

— Так... Однако карета в самом деле золотая?

— Да. И поэтому едет она тихо. Ведь золото — тяжелая вещь.

— Кто в карете?

— Девчонка.

— Есть охрана? — Нет.

Атаманша вылезает из дупла.

Позванивая шпорами, подходит к Советнику вплотную.

Спрашивает строго:

— Какую долю добычи вы требуете? Только не запрашивайте — пристрелю.

— Вы отдадите мне девчонку, — отвечает Советник спокойно. — Это нищая девчонка. Вам не дадут за нее выкупа.

— Ладно, — отвечает Атаманша. — Дежурный!

Появляется дежурный разбойник, тот самый, что привел

Советника.

— Подзорную трубу! — приказывает Атаманша.

С подзорной трубой в руках она ловко по замаскированной лестнице забирается быстро на верхушку дуба.

Смотрит в трубу.

Видит:

Далеко-далеко среди деревьев белеет дорога.

Четверка сытых больших вороных коней, запряженных цугом, с трудом тянут тяжелую золотую карету.

— Он не соврал! — кричит Атаманша. — Карета едет по дороге и вся так и сверкает.

— Золото, — говорит Советник веско.

— Золото! — кричит дежурный разбойник.

— Золото... — заключает Атаманша.

Она сбегает вниз.

Закладывает два пальца в рот.

Свистит оглушительно.

И тотчас же во всех деревьях, окружающих поляну, открываются круглые окошечки. В деревьях потолще открываются даже по три, по четыре окошечка.

Изо всех окошечек выглядывают мрачные, свирепые, зверские физиономии.

— Выходи! — кричит Атаманша.

Скрипят двери. Из логовищ, скрытых внутри деревьев, вылезают вооруженные до зубов разбойники.

Свирепо глядя на Советника, они поют:

Дважды два —
Четыре трупа,
Берегись, прохожий!

Слово скажешь —
Потом ляжешь,
Трупом ляжешь тоже!
Ради золота
Тут заколото
Шестью шесть — тридцать шесть храбрецов.
Ради золота
Тут заколото
Семью семь — сорок девять купцов.

Окончив песню, разбойники все как один выхватывают из ножен сабли, машут ими в воздухе.

Советник взирает на все это без малейшего страха, скорее даже с удовольствием.

— Ну, любезный друг, — говорит Атаманша, — если вы обманули нас, если возле кареты нас встретит засада — вам отсюда не уйти живым.

— Вздор! — отвечает Советник. — Мы люди деловые. Мы прекрасно поладим друг с другом.

— Новичок! — зовет Атаманша.

Из толпы разбойников выходит один, самый свирепый на вид из всех.

У него огромная борода. Один его глаз закрыт черным пластырем.

Голова под шляпой повязана платком, очевидно, он был ранен недавно.

От времени до времени разбойник не то откашливается, не то рычит.

— Ты останешься здесь, — приказывает ему Атаманша.

— Атаманша, возьмите меня с собой! — ревет Бородач. — В бою я зверь!

— Там не будет боя. Охраны нет. Кучер, лакей да девчонка.

— Девчонка! — ревет разбойник. — Возьмите меня, Атаманша. Я ее заколю!

— Зачем? — удивляется Атаманша.

— С детства детей ненавижу, — хрипит Бородач.

— Мало ли что! — отвечает Атаманша. — Ты останешься здесь. Следи за этим человеком и, если он вздумает бежать, убей его. По коням!

Разбойники бросаются в чащу, выводя оттуда взнузданных и оседланных коней.

Дежурный подводит коня Атаманше.

Она одним прыжком вскакивает в седло.

Скачет галопом по тропинке. Разбойники за нею.

Поют:

Мы охотимся ночами,
Мы садимся на коня,
Опоясавшись мечами,
Тихо шпорами звеня.
Золотые, золотые
Полновесные, литые.
Эй, прохожий, смирно стой!
Жизни стоит золотой!
На охоту выезжая,
Мы собаки не берем.
Где добыча дорогая,
Без собаки разберем.
Золотые, золотые,
Полновесные, литые.
Эй, прохожий, смирно стой!
Жизни стоит золотой.

Советник расхаживает взад и вперед по поляне. Бородач ходит за ним следом, не спуская с него глаз. Советник в прекрасном настроении. Он напевает:

— Дважды два — четыре, все идет разумно. Дважды два — четыре, все идет, как должно. Пятью пять — двадцать пять, слава Королеве! Шестью шесть — тридцать шесть, горе дерзким детям!

— Дети, дети... — ворчит Бородач. — Я бы держал всех детей в клетке, пока они не вырастут.

— Очень разумная мысль, — соглашается Советник. — Слушай, разбойник. Если Атаманша не выдаст мне девчонки, я поручу тебе одно дельце.

— За деньги? — спрашивает Бородач.

— Разумеется.

— Тогда что хотите — пожалуйста.

Советник кладет руку на плечо Бородача.

— Разбойник, ты мне нравишься!

Бородач отскакивает.

— Какие у вас холодные руки, — шипит он. — Я чувствую это даже через одежду!

— Я ведь всю жизнь возился со льдом. Нормальная температура моя — тридцать три и два, — поясняет Советник. — Здесь нет детей?

— Не знаю. Я в этой шайке недавно. С полчаса всего, — отвечает Бородач. — Однако откуда тут быть детям?

— Конечно, — соглашается Советник. — Детей тут нет. Сказочник следил за мной, но я запутал следы, и он теперь за тридевять земель. Кто за тебя заступится, дерзкая девчонка?

ЗАТЕМНЕНИЕ

Приятный легкий мелодический звон.

Это звенит золотая карета, мягко покачиваясь на рессорах.

Два толстых лакея спят на запятках.

Толстый кучер дремлет на козлах.

Герда задумчиво сидит у открытого окна.

Напевает:

> Я на все добьюсь ответа,
> Доберусь до края света.
> Я найду тебя, родной,
> Приведу тебя домой.
> Кругом мирно и спокойно.

И вдруг раздается свист, такой страшный и пронзительный, что вороные кони, храпя, оседают на задние ноги.

Кучера и лакея как ветром сдуло.

На четвереньках удирают они в лесную чащу.

Герда остается одна.

Она пробует открыть тяжелую дверцу кареты.

Топот копыт.

Влетает Атаманша.

За ней вся шайка.

На всем скаку останавливает Атаманша своего коня возле окна кареты.

Хватает Герду.

Сажает на седло перед собой.

— Подождите, дорогие разбойники, — кричит девочка.

Громовый хохот шайки раздается ей в ответ.

Только Атаманша сохраняет полное спокойствие делового человека.

— За мной! — кричит она. — Карету везите на поляну. Вперед!

Она мчится с Гердой по дороге.

Большая часть шайки скачет за ней.

Остальные медленно двигаются за тяжелой золотой каретой.

Карета звенит печально, медленно, негромко.

Галопом влетает на поляну Атаманша.

Спешивается.

Разбойники, сопровождающие ее, тоже соскакивают на землю.

Снимают с коня Герду.

Умные кони по свисту скрываются в чаще.

— Эй, ты, незнакомец! — кричит Атаманша. — Ты свободен, ты не обманул нас.

— Напоминаю вам о нашем условии, Атаманша, — говорит Советник. — Отдайте мне девчонку.

— Можешь забрать ее с собой, — разрешает Атаманша.

Герда бежит прочь от Советника, но разбойники не дают ей уйти.

Куда бы ни бросилась Герда, всюду свирепые усатые лица, сверкающие сабли, угрожающие окрики.

Бородач доволен.

Он рычит от восторга.

— Отпустите меня, милые разбойники, — умоляет Герда. — Ведь я маленькая девочка, я уйду потихонечку, как мышка, вы даже не заметите. Без меня погибнет Кей — это очень хороший мальчик. Поймите меня! Ведь есть же у вас друзья!

— Не говори глупостей, девчонка! — ревет Бородач. — Мы люди серьезные, деловые, у нас нет ни друзей, ни жен, ни семьи. Жизнь научила нас, что единственный верный друг — золото.

— Разумно сказано! — отвечает Советник. — Вяжите ее!

— Лучше выдерите меня за уши или отколотите меня, если вы такие злые, — умоляет Герда. — Но только отпустите. Да неужели же здесь нет никого, кто заступился бы за меня?

— Нет! — отвечает Советник гордо.

Но едва он успевает сказать это, как на поляне появляется крепкая миловидная черноволосая девочка.

Одета она так же, как и Атаманша — по-разбойничьи.

За плечами у нее ружье.

На поясе — два убитых зайца.

— Здесь есть дети! — вскрикивает Советник в ужасе.

Бородач рычит.

— Здравствуй, дочь! — кричит Атаманша радостно и дает девочке щелчок в нос.

— Здравствуй, мать! — отвечает девочка приветливо и тоже щелкает мать по носу.

— Как поохотилась, дочь?

— Отлично, мать. Подстрелила двух зайцев. А ты?

— И я ничего. Добыла золотую карету, четверку вороных коней и маленькую девочку.

— Девочку! — кричит радостно Маленькая разбойница. Она оглядывается и видит Герду.

Хохочет от восторга во все горло.

Швыряет на землю ружье и зайцев.

Бросается к Герде.

Вертит ее во все стороны, разглядывая, как новую игрушку. Треплет ее по щеке, ласково.

Заявляет решительно:

— Я беру девочку себе.

— Протестую! — кричит Советник.

— Это еще что за старый сухарь? — удивляется Маленькая разбойница. — Мама, застрели-ка его. Не бойся, девочка, пока я с тобой не поссорилась, никто тебя пальцем не тронет. Идем ко мне.

Маленькая разбойница хватает девочку за руку.

Взбирается с нею по лестнице на дуб, растущий посреди поляны. Здесь обнаруживаются легкие мостики с перилами, переброшенные с верхушки дуба на соседние деревья. Этот легкий качающийся воздушный путь уходит зигзагами далеко в глубь леса.

Девочки бегут по мосткам.

Исчезают.

— Что это значит? — ревет Советник. — Вы нарушаете наши условия, Атаманша?

— Да! — отвечает та спокойно. — Раз моя дочь взяла девочку себе — я ничего не могу поделать. Я дочери ни в чем не отказываю. Детей надо баловать — тогда из них вырастают настоящие разбойники.

Раздается легкий мелодический звон.

Показывается золотая карета.

Атаманша сразу забывает о Советнике.

— Выпрягать коней! — приказывает она. — Взять топоры! Разрубить карету! Поделить ее!

Восторженные вопли.

Разбойники со всех ног бросаются выполнять приказание Атаманши.

Советник хватает за руки Бородача.

— Не спеши, — шепчет он и тянет его за собой в глубь леса.

— Но ведь там будут делить золото, — упирается Бородач.

— Ты ничего не потеряешь, — шипит Советник. — Я заплачу тебе.

Они скрываются в чаще.

Отсюда в просветы между стволами видно, как тяжелыми топорами рубят на части золотую карету.

Карета звенит, как большой тяжелый колокол.

— Ты должен будешь заколоть девчонку, — шепчет Советник.

— Которую? — спрашивает Бородач.

— Пленницу.

— Сколько заплатишь?

— Не обижу.

— Сколько? Я не мальчик: знаю, как делают дела.

— И это говорит благородный разбойник!

— Благородные разбойники были когда-то, да повымерли. Остались ты да я. Дело есть дело. Тысячу талеров.

— Пятьсот! — торгуется Советник.

— Тысячу.

— Семьсот.

— Тысячу, и деньги вперед. Не хочешь? Прощай.

— Постой! — пугается Советник.

Достает из кармана туго набитый кошелек. Швыряет разбойнику.

— Только сделай свое дело поскорее! — шипит он.

— Будьте покойны, — отвечает Бородач, зловеще усмехаясь. — Сегодня же ночью, как только шайка уедет на охоту, все будет сделано.

Мостки, идущие по деревьям.

Заходит солнце.

Девочки, обнявшись, шагают по качающейся воздушной дороге.

Вокруг мостков, куда ни взглянешь, как зеленые холмики, верхушки огромного леса.

Герда, очевидно, только что кончила рассказывать о своих приключениях.

Маленькая разбойница говорит ей:

— Твоя история мне понравилась, Герда. — Теперь, даже если мы поссоримся, я никому не позволю тебя тронуть. Я сама тогда тебя убью.

Мостки делают неожиданный поворот, и перед девочками появляется верхушка старинной зубчатой башни.

Воздушная деревянная дорожка кончается у одной из башенных бойниц.

Маленькая разбойница вводит Герду в башню.

Полукруглая комната внутри башни.

Это настоящее разбойничье логово.

Пол покрыт звериными шкурами. В углу горой насыпаны золотые монеты и драгоценные камни. Большие свечи вставлены в золотые канделябры, прибитые к каменным стенам. Разнообразнейшее оружие свалено в беспорядке у стен.

— Ну, вот мы и дома, — говорит Маленькая разбойница. — Давай сюда твою шубу, шапку и меховые сапожки. Я заберу их себе. Ведь подруги должны делиться.

Герда повинуется не совсем охотно.

— Тебе жалко этих вещей? — спрашивает Маленькая разбойница гневно.

— Нет, — отвечает Герда. — Я только боюсь, что очень замерзну, когда поеду на север за Кеем.

— Ты не поедешь туда! — возражает Маленькая разбойница решительно. — Вот еще глупости, только что подружились, и вдруг уезжать! Смотри, как у меня интересно. Вот золото — бери его сколько хочешь. Вот пистолеты — можешь стрелять из них в кого тебе угодно. Вот драгоценные камни, возьми себе горсточку. А за этой дверью самое интересное. Здесь живет мой любимый Северный олень. Он умеет разговаривать.

— Покажи мне его, — просит Герда.

Маленькая разбойница зажигает все свечи в канделябрах — в башне уже темно. Подходит к стене.

Снимает огромный заржавленный ключ, висящий на гвозде.

Отпирает большую железную дверь.

За дверью — никого.

— Прячется! — говорит Маленькая разбойница. — Боится! Я каждый вечер щекочу ему шею острым ножом. Он так уморительно дрожит, когда я это делаю! Эй, ты! Иди сейчас же сюда. Ну! Живо!

В дверях появляется Северный олень.

Стоит угрюмо, понурившись.

Маленькая разбойница выхватывает из-за пояса нож.

Проводит по шее оленя.

Тот прыгает, вертит головой.

— Не надо! — просит Герда.

— Почему? — удивляется Маленькая разбойница. — Ведь это так весело!

— Мне хочется поговорить с ним. Можно?

— Говори, — разрешает Маленькая разбойница.

— Олень, — спрашивает Герда, — ты знаешь, где страна Снежной королевы?

Олень кивает головой.

— А Снежную королеву ты когда-нибудь видел?

Олень кивает головой.

— А скажи, пожалуйста, не видел ли ты когда-нибудь вместе с Королевой маленького мальчика?

Олень кивает головой.

Герда потрясена.

Маленькая разбойница хмурится.

— Расскажи, — умоляет Герда. — Пожалуйста, расскажи, как это было.

Олень тихо, с трудом подбирая слова, рассказывает:

— Я… прыгал… по снежному полю… вдруг летит… Снежная королева… Я ей сказал: «Здравствуйте»… А она не ответила… Она разговаривала… с мальчиком…

Он был совсем белый от холода... Снежное чучело тащило его санки...

— Санки! — восклицает Герда. — Значит, это был действительно Кей.

— Да... Это был Кей, — подтверждает Олень. — Так называла его.... Королева.

— Девочка! — умоляет Герда в отчаянии. — Девочка, отпусти меня. Белый от холода... Надо растереть его рукавицей и потом дать ему горячего чая с малиной. Ах, я избила бы его, глупый мальчишка! Может, он превратился теперь в кусок льда! Девочка, отпусти меня, дорогая!

Маленькая разбойница молчит, отвернувшись.

— Отпусти! — вмешивается Олень. — Она... сядет... ко мне на спину, и я... отвезу... ее туда. Там моя родина. Отпусти...

Маленькая разбойница вдруг бросается к двери, захлопывает ее и запирает на ключ. Кричит Герде:

— Не смей смотреть на меня так жалобно, а то я застрелю тебя!

Вдали раздается пронзительный свист.

— Спать! — приказывает Маленькая разбойница. — Уже стемнело. Наши поехали на охоту. Спать!

— Отпусти! — ревет за дверью Северный олень.

— Замолчи, ты! — кричит Маленькая разбойница.

Она оглядывается.

Находит на полу веревку.

— Я привяжу тебя, — говорит она Герде, — тройным секретным разбойничьим узлом к этому кольцу в стене. Веревка длинная, она не помешает тебе спать. Спи, моя крошка, а то я заколю тебя. Слышишь? Прощай.

И она тушит все свечи, кроме одной.

В комнате воцарился полумрак.

Открыв узкую дверь в стене, Маленькая разбойница исчезает.

Слышно, как топочет копытами, стучит рогами Олень.

Герда лежит на медвежьей шкуре, подперев голову рукой.

— Девочка, девочка, убежим! — вдруг вскрикивает Олень за железной дверью.

— Я привязана, — отвечает Герда печально.

— Это мне моими копытами не развязать узла, а у тебя есть пальцы, — ревет Олень. — Попробуй!

— Хорошо, — отвечает Герда, — я попробую.

Встав на колени, трудится Герда над тройным секретным разбойничьим узлом.

А в одной из узких бойниц в стене комнаты показывается Бородач.

В зубах у него нож.

Он легко соскакивает в комнату.

Герда оглядывается.

Вскрикивает:

— Кто это?

Одним прыжком подлетает разбойник к Герде.

Взмахивает ножом.

Перерезает веревку, которой девочка была привязана к стене.

Прежде чем Герда успевает опомниться, разбойник с силой дергает себя за бороду.

Борода остается у него в руках.

Затем он срывает приклеенный нос, освобождает глаз от пластыря, голову от платка.

— Ганс Христиан! — радостно вскрикивает девочка.

Сказочник радостно смеется.

— Я, переодевшись до неузнаваемости, следил за Советником, — поясняет он. — Советник прямо из дворца отправился к разбойникам. Я обогнал его и поступил в шайку. И он не узнал меня. И дал мне тысячу талеров, чтобы я убил тебя. Бежим!

Он хватает Герду за руку, бежит с нею, и вдруг оба замирают в ужасе.

Узенькая дверца в стене распахивается, и дорогу беглецам преграждает Маленькая разбойница. В одной руке у нее ярко пылающий факел, в другой — пистолет.

Она целится прямо в Сказочника.

— Это еще кто такой? — спрашивает она угрожающе.

— Это тот друг мой, который знает так много сказок, — робко отвечает Герда. — Он пришел сюда, чтобы спасти меня.

Молча укрепляет Маленькая разбойница факел в стене.

Подходит к Герде.

— Так ты хотела убежать от меня? — спрашивает она грозно.

— Я бы оставила тебе записку, девочка, — шепчет та.

Маленькая разбойница стоит несколько мгновений неподвижно.

Она бормочет что-то про себя свирепо.

Кажется, что вот-вот она бросится на Герду.

Но Маленькая разбойница говорит вдруг тихо:

— Да ты хоть поцелуй меня на прощанье.

Герда бросается к ней в объятия.

Крепко поцеловав Герду несколько раз, сохраняя суровое неприступное выражение лица, Маленькая разбойница возвращает Герде шубу, шапку, меховые сапожки.

Снимает ключ с гвоздя.

Отпирает железную дверь.

Выпускает Оленя.

Приказывает Герде кратко:

— Садись верхом.

Герда выполняет приказание.

Маленькая разбойница достает откуда-то из-под половицы ключ, еще более заржавленный и огромный, чем тот, которым запиралась дверь к Оленю.

Находит в стене большую замочную скважину.

Поворачивает ключ трижды.

Скрип, щелканье, грохот.

Часть стены, дрогнув, опускается со звоном.

Открывается пологий спуск, ведущий вниз к лесу.

— Уезжай! — приказывает Маленькая разбойница.

— Спасибо, девочка, — благодарит Герда.

— Спасибо, — ревет Олень.

— Спасибо, — говорит Сказочник.

— А ты меня за что благодаришь? — набрасывается на него Маленькая разбойница. — Ты останешься здесь. Будешь развлекать меня, рассказывать сказки, пока она не вернется.

— Но позвольте… — начинает было растерянно Ганс Христиан.

— Молчи! — обрывает его Маленькая разбойница. — Скачи, скачи, Олень, пока я не передумала!

Она еще раз целует Герду с таким строгим лицом, что может показаться, будто она кусает ее. Кричит:

— Вперед!

Олень срывается с места и стрелой мчится по пологому спуску к лесу.

Полная луна сияет на небе.

Олень скрывается среди деревьев. Показывается далеко-далеко на дороге.

— Прощай, — доносится издали его рев.

— До свидания! — кричит Герда.

Маленькая разбойница снова трижды поворачивает ключ. Стена становится на свое место. Сказочник молчит, глубоко задумавшись.

— Ну, ты! — набрасывается на него Маленькая разбойница. — Чего ты стоишь как пень? Рассказывай сказку да посмешнее! Если ты меня не рассмешишь — застрелю. Ну?

И Маленькая разбойница прицеливается в беднягу из пистолета.

— Начинай! Раз, два, три!

— Много-много лет назад, — начинает Сказочник послушно, — жил да был снежный болван. Стоял он во дворе против кухонных окон. И вот однажды он сказал… Бедная девочка, бедная Герда!

Маленькая разбойница начинает плакать. Вытирает слезы рукояткой пистолета.

— Герда такая маленькая, — продолжает Сказочник, — одна среди метелей, снегов, ледяных гор. Но не надо плакать. Нет, не надо. Может быть, она победит все-таки? Полмира обошла она, и ей служили и люди, и звери, и птицы. Она маленькая, но она сильна. Непобедимая сила в ее горячем сердце.

Когда Сказочник говорит последние слова — стены башни, он сам, Маленькая разбойница исчезают постепенно во мгле и снежном вихре.

И когда Сказочник затихает, мы видим огромный дворец Снежной королевы.

Стены дворца состоят из бесчисленных снежных вихрей. Крошечная Герда появляется перед этими гигантскими живыми стенами.

Идет смело прямо в дворцовые двери. Герда в бесконечном ледяном зале.

— Кей! — кричит она.

— Кей!

— Кей!

— Кей! — отвечает эхо.

Герда бежит вперед.

И вдруг навстречу ей выходят знакомые бледные пажи в коротеньких белоснежных меховых плащах. Они преграждают девочке путь.

— Ее величества дома нет! — говорят они мягко и негромко, все разом.

— Я хочу видеть Кея! — кричит Герда.

— Господин Кей занят! — отвечают пажи вежливо. Герда бросается вперед.

Пажи хотят задержать ее, но, прикоснувшись к ней, — вдруг мягко опускаются на землю обессиленные, превращаются в снежные груды.

Герда в новом зале.

Навстречу ей бросается отряд снежных чучел.

Герда отталкивает их — они рассыпаются. И они тоже превращаются в бесформенные груды снега.

Герда вбегает в третий зал и останавливается неподвижно.

С ужасом глядит вверх.

На необычайно высоком троне сидит бледный, мрачный, сосредоточенный Кей.

В руках у него длинный ледяной жезл.

Он перебирает своим жезлом квадратные многоугольные крупные льдинки, лежащие у подножия трона.

— Кей, Кей! — зовет Герда испуганно.

Он отвечает ей сухо, глуховатым голосом:

— Тише, Герда, ты сбиваешь меня.

— Кей, милый, это я! — кричит Герда.

— Да, — отвечает мальчик.

— Ты забыл меня?

— Я никогда и ничего не забываю.

— Кей, Кей! — умоляет девочка. — Ты нарочно пугаешь меня, дразнишь? Или нет? Ты подумай, я столько дней все иду, иду, и вот нашла тебя, а ты даже не сказал мне «здравствуй».

— Здравствуй, Герда, — говорит мальчик равнодушно.

— Как ты это говоришь? — жалуется Герда. — Что мы с тобой в ссоре, что ли? Ты даже не взглянул на меня. Я не испугалась короля, я ушла от разбойников, я не побоялась замерзнуть, а с тобой мне страшно. Я боюсь подойти к тебе. Кей, это ты?

— Я, — отвечает мальчик вяло.

— А что ты делаешь?

— Я должен сложить из этих льдинок слово «вечность».

— Зачем?

— Не знаю. Так велела мне Королева. Если я сложу слово «вечность», Королева подарит мне весь мир и пару коньков в придачу.

Герда в отчаянии, скользя и падая, устремляется вверх по ледяным ступенькам трона.

Вот она возле Кея.

Обнимает его.

Уговаривает, чуть не плача.

— Кей, Кей, бедный мальчик, что ты делаешь, дурачок? Пойдем домой! Ты тут все забыл. А там что делается! Я столько увидела, пока искала тебя! А ты сидишь и сидишь, как будто на свете нет ни хороших людей, ни разбойников, ни детей, ни взрослых, а только есть, что эти кусочки льда. Ты бедный, глупый Кей.

— Нет, я разумный, право, так, — возражает Кей тихо.

— Кей, Кей, — будит его Герда. — Встань! Пойдем домой! Там уже весна, колеса стучат, прилетели ласточки. Там небо чистое — слышишь, Кей? Чистенькое, будто оно умылось. Слышишь? Ну, засмейся, что я говорю такие глупости. Ведь небо не умывается.

— Ты... — шепчет Кей, — ты беспокоишь меня.

— Там весна! — говорит Герда, плача и обнимая Кея. — Мы вернемся и пойдем на речку, когда у Бабушки будет свободное время. Мы посадим ее на траву! Мы ей руки разотрем. Ведь, когда она не работает, у нее руки болят... Помнишь?

Кей молчит.

— Кей! Без тебя во дворе все идет худо! — кричит Герда громко, будто разговаривает с глухим. — Ты помнишь сына слесаря? Того, что зовут Ганс? Того, что всегда хворает? Так вот, его побил соседский мальчишка, которого ты прозвал Булкой.

— Из чужого двора? — спрашивает Кей и роняет свой ледяной жезл.

— Да, — рыдает Герда. — Да! Он толкнул Ганса. Ганс упал, ухо поцарапал и заплакал. А я подумала: «Если бы Кей был дома, то заступился бы за него». Ведь правда, Кей?

— Правда, — отвечает Кей, как бы сквозь сон.

И жалуется вдруг тихо:

— Мне холодно.

— Видишь! — радуется Герда и обнимает Кея еще крепче. — Я ведь правду говорю! Кей! Оживи совсем! Миленький! А прыгает дальше всех теперь Оле. А у соседской кошки три котенка, одного нам дадут. А Бабуш-

ка все плачет и стоит у ворот. Кей, ты слышишь? Дождик идет, а она все стоит и ждет, ждет, ждет...

Совершается чудо.

Кей вскакивает.

Оглядывается, шатаясь.

Герда поддерживает его.

— Герда! — восклицает Кей звонко. — Герда, это ты? Что случилось? Ты плачешь? Кто тебя посмел обидеть? Как ты попала сюда? Уйдем скорее. Здесь холодно...

Он пробует идти, но ноги плохо повинуются ему.

Герда сводит Кея вниз, заботливо помогая ослабевшему мальчику.

— Ничего... — приговаривает она, — шагай. Вот так... Ты научишься... Ноги разойдутся... Дорога впереди такая трудная, такая длинная, что непременно научишься ходить... Вот так... Шагай... Мы дойдем, дойдем, дойдем...

ЗАТЕМНЕНИЕ

Знакомые крутые черепичные крыши. Небо покрыто тяжелыми грозовыми тучами.

Маленький Домовой выходит из-за трубы.

Идет по острому гребню крыши, как по полу. Проходит мимо острого шпиля, на котором сидит флюгер-петух.

— Добрый вечер, господин Домовой, — поет петух едва слышно. — Ветра совсем нет нынче.

— Да, петушок-дружище, — басит Домовой. — Это затишье перед грозой. Я с утра томлюсь. Все мне кажется, что не только гроза приближается к нам.

— А что же еще? — шепчет петух.

— Что-то случится сегодня необыкновенное. Близится, близится что-то! — предрекает старичок, подняв палец вверх.

— Хорошее или худое? — поет петушок едва слышно.

— А вот этого-то я и не знаю, петушок-дружище, — басит Домовой. — Рад бы знать, да не знаю. Но что-то случится, ох, что-то случится!

Домовой садится на корточки и съезжает с верхушки крыши к желобу.

Заглядывает вниз во двор.

— Петушок-дружище! — вопит он. — Началось, петушок! Гляди, кто приехал!

Во двор дома въезжает целая кавалькада.

Впереди на маленьких лошадках ворон и ворона.

На груди у птиц ленты.

На лапах — подвязки с мечами, бантиками и колокольчиками.

Следом за ними едут верхом принц и принцесса.

А за принцем и принцессой — Сказочник и Маленькая разбойница.

Все они спешиваются.

Входят в дом.

Домовой бежит к крайнему окну.

Прыгает на подоконник.

Заглядывает в открытое окно.

В комнате уже сумерки.

Горит висячая лампа.

Бабушка, грустная, похудевшая, сидит одна-одинешенька у стола.

Вяжет чулок.

Стук в дверь.

— Войдите, — говорит Бабушка.

Дверь открывается и входит Сказочник. За ним Маленькая разбойница, Клаус, Эльза, ворона и ворон. Бабушка бросается к Сказочнику.

— Что с детьми? — спрашивает она, глядя на него умоляюще. — Вы... вы боитесь сказать?

— Ах, нет, уверяю вас. — Мы просто сами ничего не знаем, — кричит ворона. — Поверьте мне! Птицы никогда не врут.

— Мы думали, что они уже дома, — говорит Маленькая разбойница. — Мы приехали сюда, а тут пусто...

Бабушка грустно качает головой.

— Да, здесь так пусто, — говорит она. — Я вяжу чулки моим ребятишкам. Я связала уже две дюжины чулок, а они все еще не вернулись. Уже больше года я все жду, жду, жду...

Домовой, подслушивающий у окна, вытирает слезы своим колпачком.

Принцесса тоже плачет.

Маленькая разбойница выхватывает вдруг пистолет.

Кричит свирепо:

— Сядьте, Бабушка, милая Бабушка, и не надрывайте мне сердце, я этого терпеть не могу. Сядьте, родная, а то я всех расстреляю из пистолета!

Бабушка садится в кресло.

— Ты права, девочка, — говорит она. — Не надо унывать. Может быть, они спасутся. Тише!

— Что такое? — спрашивает Сказочник.

— Ступеньки скрипят! — отвечает Бабушка. — Я за все эти долгие вечера стала очень чуткой. Слышите?

Все прислушиваются..

Действительно: ступеньки скрипят все громче и громче.

И что-то музыкальное есть в этом скрипе.

— Это идут хорошие люди! — радуется Сказочник. — Под ногами плохих людей ступеньки ворчат, как собаки, а сейчас они поскрипывают, как скрипочки. Идут сюда, сюда! Я уверен, что это...

Сказочник бросается к двери, распахивает ее, и тотчас же оглушительный удар грома потрясает стены.

Град обрушивается на крышу с грохотом.

— Гроза началась! — кричит Домовой и вертится на подоконнике.

А в открытую дверь быстро и гневно входит Снежная королева, сопровождаемая Советником.

— Извольте немедленно вернуть мне мальчишку, — говорит повелительно Королева. — Слышите? Иначе я превращу всех вас в лед!

— А я после этого расколю вас на кусочки и продам, — шипит Советник.

— Ищите его! — приказывает Королева.

Советник, извиваясь, как змея, заглядывает под столы, ныряет под стулья, бежит в спальню и возвращается.

Гроза бушует за окном.

Град стучит по крыше.

— Его действительно нет, — докладывает Советник Снежной королеве.

— Отлично! — Значит, дерзкие дети погибли в пути. Идем!

Королева делает шаг к двери, но Маленькая разбойница и принц Клаус бросаются ей наперерез.

За ними остальные.

Все, взявшись за руки, преграждают путь Королеве и Советнику.

— Имейте в виду, любезные, — отчеканивает Снежная королева, — что довольно мне взмахнуть рукой, и тут навеки воцарится полная тишина и мертвое спокойствие.

— Маши руками, ногами, хвостом — все равно мы тебя не выпустим! — кричит Маленькая разбойница.

Снежная королева взмахивает рукой.

Удар грома.

Вой и свист ветра.

— Ну и что? — спрашивает Маленькая разбойница.

— Мне даже и холодно не сделалось, — говорит принц.

— Я очень легко простуживаюсь, а теперь я даже насморка не схватила, — радуется принцесса.

Королева кусает губы от гнева.

Советник с ненавистью глядит на Сказочника.

— Все равно мы заморозим вас! — шипит он.

— Нет! — отвечает Сказочник спокойно и весело. — Тех, у кого горячее сердце, вам не превратить в лед. Мы победим!

— Никогда! — кричит Советник яростно. — Власти нашей не будет конца. Скорей повозки побегут без коней! Скорей люди полетят по воздуху, как птицы!

— Да, так оно и будет, Советник, — смеется Сказочник.

— Дорогу Королеве! — приказывает Советник.

— Простите, но мы ни за что не дадим вам дороги, — говорит Бабушка твердо. — А вдруг дети близко и вы нападете на них? Нет, нет, нельзя, нельзя.

Королева поворачивается к открытому окну и шепчет что-то.

Отчаянный порыв ветра врывается в комнату.

Лампа гаснет.

— Держите дверь! — кричит Сказочник.

— Сейчас я зажгу свет, — говорит Бабушка. Свет вспыхивает.

Дети держат дверь, навалившись на нее всей тяжестью.

Но Советник и Королева исчезли бесследно, несмотря на это.

— Где же они? — кричит принц.

— Ее величество, — говорит ворона.

— И их превосходительство, — говорит ворон.

— Изволили отбыть...

— Через открытое окно.

Вдруг Бабушка бросается к увядшему розовому кусту.

— Смотрите! — кричит она.

Розы с легким шелестом распускаются одна за другой. Проходит несколько мгновений, и вот чудесный розовый куст цветет пышно, цветет еще богаче, чем прежде.

— Что это значит? — спрашивает Бабушка.

— Это значит, — отвечает Сказочник, — это значит — вот что это значит!

Он указывает на дверь.

Дверь открывается тихо.

Герда и Кей, сияющие, появляются на пороге. Шум.

Все сбиваются в один ликующий, плачущий и смеющийся клубок.

Сначала нельзя разобрать ни слова.

Но вот говорит Герда:

— Бабушка, у него было ледяное сердце. Но я обняла его, плакала, плакала, и сердце его вдруг растаяло. И мы пошли сначала потихоньку, а потом все быстрее и быстрее...

— И, крибле-крабле-бумс, вы пришли домой! — подхватывает Сказочник. — И друзья ждали вас, а враги удрали в открытое окно. Все идет отлично. Мы с вами, вы с нами, и все мы вместе. Что враги сделают нам, пока сердца наши горячи? Да ничего. Пусть только появятся, и мы скажем им. Эй, вы...

И тут Сказочник запевает, и все подхватывают хором:

Снип-снап-снурре
Пурре-базелюрре!

Комната исчезает в тумане.

Домовой сидит верхом на петухе.

Оба они поют радостно:

Снип-снап-снурре
Пурре-базелюрре!

Исчезают во мгле и они.

И из темноты выступает, светясь, слово:

Конец

ЗОЛУШКА

Скромный ситцевый занавес. Тихая, скромная музыка. На занавесе появляется надпись:

ЗОЛУШКА

Старинная сказка,
которая родилась
много, много веков назад,
и с тех пор все живет да живет,
и каждый рассказывает ее на свой лад.

Пока эти слова пробегают по скромному ситцевому занавесу, он постепенно преображается. Цветы на нем оживают. Ткань тяжелеет. Вот занавес уже бархатный, а не ситцевый.

А надписи сообщают:

Мы сделали из этой сказки музыкальную комедию,
понятную даже самому взрослому зрителю.

Теперь и музыка изменилась — она стала танцевальной, праздничной, и, пока проходят остальные полагающиеся в начале картины надписи, занавес покрывается золотыми узорами. Он светится теперь. Он весь приходит в движение, как будто он в нетерпении, как будто ему хочется скорее, скорее открыться.

И вот, едва последняя надпись успевает исчезнуть, как занавес с мелодичным звоном раздвигается.

За занавесом ворота, на которых написано:

ВХОД В СКАЗОЧНУЮ СТРАНУ

Два бородатых привратника чистят не спеша бронзовые буквы надписи. Раздается торжественный марш.

Вбегают, строго сохраняя строй, пышно одетые музыканты.

За ними галопом влетает К о р о л ь. Вид у него крайне озабоченный, как у хорошей хозяйки во время большой уборки. Полы его мантии подколоты булавками, под мышкой метелка для обметания пыли, корона сдвинута набекрень.

За Королем бежит почетный караул — латники в шлемах с копьями.

Король останавливается у ворот, и музыканты разом обрывают музыку.

К о р о л ь. Здорово, привратники сказочного королевства!

П р и в р а т н и к и. Здравия желаем, ваше королевское величество!

К о р о л ь. Вы что, с ума сошли?!

П р и в р а т н и к и. Никак нет, ваше величество, ничего подобного!

К о р о л ь *(все более и более раздражаясь)*. Спорить с королем! Какое сказочное свинство! Раз я говорю: сошли — значит, сошли! Во дворце сегодня праздник. Вы понимаете, какое великое дело — праздник! Порадовать людей, повеселить, приятно удивить — что может быть величественнее? Я с ног сбился, а вы? Почему ворота еще не отперты, а? *(Швыряет корону на землю.)* Ухожу, к черту, к дьяволу, в монастырь! Живите сами как знаете. Не желаю я быть королем, если мои привратники работают еле-еле, да еще с постными лицами.

1-й п р и в р а т н и к. Ваше величество, у нас лица не постные!

К о р о л ь. А какие же?

1-й п р и в р а т н и к. Мечтательные.

К о р о л ь. Врешь!

1-й п р и в р а т н и к. Ей-богу, правда!

К о р о л ь. О чем же вы мечтаете?

2-й п р и в р а т н и к. О предстоящих удивительных событиях. Ведь будут чудеса нынче вечером во дворце на балу.

1-й привратник. Вот видите, ваше величество, о чем мы размышляем.

2-й привратник. А вы нас браните понапрасну.

Король. Ну ладно, ладно. Если бы ты был королем, может, еще хуже ворчал бы. Подай мне корону. Ладно! Так и быть, остаюсь на престоле. Значит, говоришь, будут чудеса?

1-й привратник. А как же! Вы — король сказочный? Сказочный! Живем мы в сказочном королевстве? В сказочном!

2-й привратник. Правое ухо у меня с утра чесалось? Чесалось! А это уже всегда к чему-нибудь трогательному, деликатному, завлекательному и благородному.

Король. Ха-ха! Это приятно. Ну, открывай ворота! Довольно чистить. И так красиво.

Привратники поднимают с травы огромный блестящий ключ, вкладывают в замочную скважину и поворачивают его в замке. И ворота, повторяя ту же мелодию, с которой раздвигался занавес, широко распахиваются.

Перед нами — сказочная страна.

Это страна прежде всего необыкновенно уютная. Так уютны бывают только игрушки, изображающие деревню, стадо на лугу, озера с лебедями и тому подобные мирные, радующие явления.

Дорога вьется между холмами. Она вымощена узорным паркетом и так и сияет на солнце, до того она чистая. Под тенистыми деревьями поблескивают удобные диванчики для путников.

Король и привратники любуются несколько мгновений своей уютной страной.

Король. Все как будто в порядке? А, привратники? Не стыдно гостям показать? Верно я говорю?

Привратники соглашаются.

Король. До свидания, привратники. Будьте вежливы! Всем говорите: добро пожаловать! И смотрите у меня, не напейтесь!

П р и в р а т н и к и. Нет, ваше величество, мы — люди разумные, мы пьем только в будни, когда не ждешь ничего интересного. А сегодня что-то будет, что-то будет! До свидания, ваше величество! Бегите, ваше величество! Будьте покойны, ваше величество!

Король подает знак музыкантам, гремит марш. Король устремляется вперед по дороге.

Уютная усадьба, вся в зелени и цветах. За зеленой изгородью стоит очень рослый и очень смирный человек.

Он низко кланяется Королю, вздрагивает и оглядывается.

К о р о л ь. Здравствуйте, господин Лесничий!

Л е с н и ч и й. Здравствуйте, ваше королевское величество!

К о р о л ь. Слушайте, Лесничий, я давно вас хотел спросить: отчего вы в последнее время все вздрагиваете и оглядываетесь? Не завелось ли в лесу чудовище, угрожающее вам смертью?

Л е с н и ч и й. Нет, ваше величество, чудовище я сразу заколол бы!

К о р о л ь. А может быть, у нас в лесах появились разбойники?

Л е с н и ч и й. Что вы, государь, я бы их сразу выгнал вон!

К о р о л ь. Может быть, какой-нибудь злой волшебник преследует вас?

Л е с н и ч и й. Нет, ваше величество, я с ним давно расправился бы!

К о р о л ь. Что же довело вас до такого состояния?

Л е с н и ч и й. Моя жена, ваше величество! Я человек отчаянный и храбрый, но только в лесу. А дома я, ваше величество, сказочно слаб и добр.

К о р о л ь. Ну да?!

Л е с н и ч и й. Клянусь вам! Я женился на женщине прехорошенькой, но суровой, и они вьют из меня верев-

ки. Они, государь, — это моя супруга и две ее дочери от первого брака. Они вот уже три дня одеваются к королевскому балу и совсем загоняли нас. Мы, государь, — это я и моя бедная крошечная родная дочка, ставшая столь внезапно, по вине моей влюбчивости, падчерицей.

К о р о л ь *(срывает с себя корону и бросает на землю)*. Ухожу, к черту, к дьяволу, в монастырь, если в моем королевстве возможны такие душераздирающие события, живите сами как знаете! Стыдно, стыдно, Лесничий!

Л е с н и ч и й. Ах, государь, не спешите осуждать меня. Жена моя — женщина особенная. Ее родную сестру, точно такую же, как она, съел людоед, отравился и умер. Видите, какие в этой семье ядовитые характеры. А вы сердитесь!

К о р о л ь. Ну хорошо, хорошо! Эй! вы там! Подайте мне корону. Так уж и быть, остаюсь на престоле. Забудьте все, Лесничий, и приходите на бал. И родную свою дочку тоже захватите с собой.

При этих словах Короля плющ, закрывающий своими побегами окна нижнего этажа, раздвигается. Очень молоденькая и очень милая, растрепанная и бедно одетая девушка выглядывает оттуда. Она, очевидно, услышала последние слова Короля. Она так и впилась глазами в Лесничего, ожидая его ответа.

— Золушку? Нет, что вы, государь, она совсем еще крошка! Девушка вздыхает и опускает голову.

— Ну, как хотите, но помните, что у меня сегодня такой праздник, который заставит вас забыть все невзгоды и горести. Прощайте!

И Король со свитой уносится прочь по королевской дороге.

А девушка в окне вздыхает печально. И листья плюща отвечают ей сочувственным вздохом, шелестом, шорохом.

Девушка вздыхает еще печальнее, и листья плюща вздыхают с нею еще громче.

Девушка начинает петь тихонько. Стена и плющ исчезают. Мы видим просторную кухню со сводчатым потолком, огромным очагом, полками с посудой. Девушка поет:

Дразнят Золушкой меня,
Оттого что у огня,
Силы не жалея,
В кухне я тружусь, тружусь,
С печкой я вожусь, вожусь,
И всегда в золе я.
Оттого что я добра,
Надрываюсь я с утра
До глубокой ночи.
Всякий может приказать,
А спасибо мне сказать
Ни один не хочет.
Оттого что я кротка,
Я чернее уголька.
Я не виновата.
Ах, я беленькой была!
Ах, я миленькой слыла,
Но давно когда-то!
Прячу я печаль мою.
Я не плачу, а пою,
Улыбаюсь даже.
Но неужто никогда
Не уйти мне никуда
От золы и сажи!

— Тут все свои, — говорит Золушка, кончив песню и принимаясь за уборку, — огонь, очаг, кастрюли, сковородки, метелка, кочерга. Давайте, друзья, поговорим по душам.

В ответ на это предложение огонь в очаге вспыхивает ярче, сковородки, начищенные до полного блеска, подпрыгивают и звенят, кочерга и метелка шевелятся, как живые, в углу, устраиваются поудобней.

— Знаете, о чем я думаю? Я думаю вот о чем: мачеху и сестриц позвали на бал, а меня — нет. С ними будет танцевать Принц, а обо мне он даже и не знает. Они там будут есть мороженое, а я не буду, хотя никто в мире не любит его так, как я! Это несправедливо, верно?

Друзья подтверждают правоту Золушки сочувственным звоном, шорохом и шумом.

— Натирая пол, я очень хорошо научилась танцевать. За шитьем я очень хорошо научилась думать. Терпя напрасные обиды, я научилась сочинять песенки. За прялкой я их научилась петь. Выхаживая цыплят, я стала доброй и нежной. И ни один человек об этом не знает. Обидно! Правда?

Друзья Золушки подтверждают и это.

— Мне так хочется, чтобы люди заметили, что я за существо, но только непременно сами. Без всяких просьб и хлопот с моей стороны. Потому что я ужасно гордая, понимаете?

Звон, шорох, шум.

— Неужели этого никогда не будет? Неужели не дождаться мне веселья и радости? Ведь так и заболеть можно. Ведь это очень вредно — не ехать на бал, когда ты этого заслуживаешь! Хочу, хочу, чтобы счастье вдруг пришло ко мне! Мне так надоело самой себе дарить подарки в день рождения и на праздники! Добрые люди, где же вы? Добрые люди, а добрые люди!

Золушка прислушивается несколько мгновений, но ответа ей нет.

— Ну что же, — вздыхает девочка, — я тогда вот чем утешусь: когда все уйдут, я побегу в дворцовый парк, стану под дворцовыми окнами и хоть издали полюбуюсь на праздник.

Едва Золушка успевает произнести эти слова, как дверь кухни с шумом распахивается. На пороге — Мачеха Золушки. Это рослая, суровая, хмурая женщина, но голос ее мягок и нежен. Кисти рук она держит на весу.

З о л у ш к а. Ах, матушка, как вы меня напугали!

М а ч е х а. Золушка, Золушка, нехорошая ты девочка! Я забочусь о тебе гораздо больше, чем о родных своих дочерях. Им я не делаю ни одного замечания целыми месяцами, тогда как тебя, моя крошечка, я воспитываю с утра до вечера. Зачем же ты, солнышко мое, платишь мне за это черной неблагодарностью? Ты хочешь сегодня убежать в дворцовый парк?

З о л у ш к а. Только когда все уйдут, матушка. Ведь я тогда никому не буду нужна!

М а ч е х а. Следуй за мной!

Мачеха поднимается по лестнице. Золушка — следом. Они входят в гостиную. В креслах сидят сводные сестры Золушки — Анна и Марианна. Они держат кисти рук на весу так же, как мать. У окна стоит Лесничий с рогатиной в руках. Мачеха усаживается, смотрит на Лесничего и на Золушку и вздыхает.

М а ч е х а. Мы тут сидим в совершенно беспомощном состоянии, ожидая, пока высохнет волшебная жидкость, превращающая ногти в лепестки роз, а вы, мои родные, а? Вы развлекаетесь и веселитесь. Золушка разговаривает сама с собой, а ее папаша взял рогатину и пытался бежать в лес. Зачем?

Л е с н и ч и й. Я хотел сразиться с бешеным медведем.

М а ч е х а. Зачем?

Л е с н и ч и й. Отдохнуть от домашних дел, дорогая.

М а ч е х а. Я работаю как лошадь. Я бегаю, хлопочу, очаровываю, ходатайствую, требую, настаиваю. Благодаря мне в церкви мы сидим на придворных скамейках, а в театре — на директорских табуреточках. Солдаты отдают нам честь! Моих дочек скоро запишут в бархатную книгу первых красавиц двора! Кто превратил наши ногти в лепестки роз? Добрая волшебница, у дверей которой титулованные дамы ждут неделями. А к нам волшебница пришла на дом. Главный королевский повар вчера прислал мне в подарок дичи.

Л е с н и ч и й. Я ее сколько угодно приношу из лесу.

М а ч е х а. Ах, кому нужна дичь, добытая так просто! Одним словом, у меня столько связей, что можно с ума сойти от усталости, поддерживая их. А где благодарность? Вот, например, у меня чешется нос, а почесать нельзя. Нет, нет, отойди, Золушка, не надо, а то я тебя укушу.

З о л у ш к а. За что же, матушка?

М а ч е х а. За то, что ты сама не догадалась помочь бедной, беспомощной женщине.

З о л у ш к а. Но ведь я не знала, матушка!

А н н а. Сестренка, ты так некрасива, что должна искупать это чуткостью.

М а р и а н н а. И так неуклюжа, что должна искупать это услужливостью!

А н н а. Не смей вздыхать, а то я расстроюсь перед балом.

З о л у ш к а. Хорошо, сестрицы, я постараюсь быть веселой.

М а ч е х а. Посмотрим еще, имеешь ли ты право веселиться. Готовы ли наши бальные платья, которые я приказала тебе сшить за семь ночей?

З о л у ш к а. Да, матушка!

Она отодвигает ширмы, стоящие у стены. За ширмами на трех ивовых манекенах — три бальных платья. Золушка, сияя, глядит на них. Видимо, она вполне удовлетворена своей работой, гордится ею. Но вот девочка взглядывает на Мачеху и сестер, и у нее опускаются руки. Мачеха и сестры смотрят на свои роскошные наряды недоверчиво, строго, холодно, мрачно.

В напряженном молчании проходит несколько мгновений.

— Сестрицы! Матушка! — восклицает Золушка, не выдержав. — Зачем вы смотрите так сурово, как будто я сшила вам саваны? Это нарядные, веселые бальные платья. Честное слово, правда!

— Молчи! — гудит Мачеха. — Мы обдумали то, что ты натворила, а теперь обсудим это!

Мачеха и сестры перешептываются таинственно и зловеще. И вот Мачеха изрекает наконец:

— У нас нет оснований отвергать твою работу. Помоги одеться.

К усадьбе Лесничего подкатывает коляска. Толстый усатый кучер в ливрее с королевскими гербами осаживает сытых коней, затем он надевает очки, достает из бокового кармана записку и начинает по записке хриплым басом петь:

Уже вечерняя роса
Цветочки оросила.
Луга и тихие леса
К покою пригласила.

(Лошадям.) Тпру! Проклятые!

А я, король, наоборот,
Покою не желаю.
К себе любезный мой народ
На бал я приглашаю.

(Лошадям.) Вы у меня побалуете, окаянные!

А чтоб вернее показать
Свою любовь и ласку,
Я некоторым велел послать
Свою личную, любимую,
Ах, ах, любимую,
Да, да, любимую,
Любимую, любимую
Коляску.

Двери дома распахиваются. На крыльцо выходят Мачеха, Анна, Марианна в новых и роскошных нарядах. Лесничий робко идет позади. Золушка провожает старших. Кучер снимает шляпу, лошади кланяются дамам.

Перед тем как сесть в коляску, Мачеха останавливается и говорит ласково:

— Ах да, Золушка, моя звездочка! Ты хотела побежать в парк, постоять под королевскими окнами.

— Можно? — спрашивает девочка радостно.

— Конечно, дорогая, но прежде прибери в комнатах, вымой окна, натри пол, выбели кухню, выполи грядки, посади под окнами семь розовых кустов, познай самое себя и намели кофе на семь недель.

— Но ведь я и в месяц со всем этим не управлюсь, матушка!

— А ты поторопись!

Дамы усаживаются в коляску и так заполняют ее своими пышными платьями, что Лесничему не остается места. Кучер протягивает ему руку, помогает взобраться на козлы, взмахивает бичом, и коляска с громом уносится прочь.

Золушка медленно идет в дом. Она садится в кухне у окна. Мелет кофе рассеянно и вздыхает.

И вдруг раздается музыка легкая-легкая, едва слышная, но такая радостная, что Золушка вскрикивает тихонько и весело, будто вспомнила что-то очень приятное. Музыка звучит все громче и громче, а за окном становится все светлее и светлее. Вечерние сумерки растаяли.

Золушка открывает окно и прыгает в сад. И она видит: невысоко, над деревьями сада, по воздуху шагает не спеша богато и вместе с тем солидно, соответственно возрасту одетая пожилая дама. Ее сопровождает Мальчик-паж. Мальчик несет в руках футляр, похожий на футляр для флейты.

Увидев Золушку, солидная дама так и расцветает в улыбке, отчего в саду делается совсем светло, как в полдень.

Дама останавливается над лужайкой в воздухе так просто и естественно, как на балконе, и, опершись на невидимые балконные перила, говорит:

— Здравствуй, крестница!

— Крестная! Дорогая крестная! Ты всегда появляешься так неожиданно! — радуется Золушка.

— Да, это я люблю! — соглашается крестная.

— В прошлый раз ты появилась из темного угла за очагом, а сегодня пришла по воздуху...

— Да, я такая выдумщица! — соглашается крестная.

И, подобрав платье, она неторопливо, как бы по невидимой воздушной лестнице, спускается на землю. Мальчик-паж — за нею. Подойдя к Золушке, крестная улыбается еще радостнее. И совершается чудо.

Она молодеет.

Перед Золушкой стоит теперь стройная, легкая, высокая, золотоволосая молодая женщина. Платье ее горит и сверкает, как солнце.

— Ты все еще не можешь привыкнуть к тому, как легко я меняюсь? — спрашивает крестная.

З о л у ш к а. Я восхищаюсь, я так люблю чудеса!

К р е с т н а я. Это показывает, что у тебя хороший вкус, девочка! Но никаких чудес еще не было. Просто мы, настоящие феи, до того впечатлительны, что стареем и молодеем так же легко, как вы, люди, краснеете и бледнеете. Горе — старит нас, а радость — молодит. Видишь, как обрадовала меня встреча с тобой. Я не спрашиваю, дорогая, как ты живешь... Тебя обидели сегодня...

Фея взглядывает на пажа.

П а ж. Двадцать четыре раза.

Ф е я. Из них напрасно...

П а ж. Двадцать четыре раза.

Ф е я. Ты заслужила сегодня похвалы...

П а ж. Триста тридцать три раза!

Ф е я. А они тебя?

П а ж. Не похвалили ни разу.

Ф е я. Ненавижу старуху лесничиху, злобную твою Мачеху, да и дочек ее тоже. Я давно наказала бы их, но у них такие большие связи! Они никого не любят, ни о чем не думают, ничего не умеют, ничего не делают, а ухитряются жить лучше даже, чем некоторые настоящие феи. Впрочем, довольно о них. Боюсь постареть. Хочешь поехать на бал?

З о л у ш к а. Да, крестная, но…

Ф е я. Не спорь, не спорь, ты поедешь туда. Очень вредно не ездить на балы, когда ты заслужил это.

З о л у ш к а. Но у меня столько работы, крестная!

Ф е я. Полы натрут медведи — у них есть воск, который они наворовали в ульях. Окна вымоет роса. Стены выбелят белки своими хвостами. Розы вырастут сами. Грядки выполют зайцы. Кофе намелют кошки. А самое себя ты познаешь на балу.

З о л у ш к а. Спасибо, крестная, но я так одета, что…

Ф е я. И об этом я позабочусь. Ты поедешь на бал в карете, на шестерке коней, в отличном бальном платье. Мальчик!

Паж открывает футляр.

Ф е я. Видишь, вот моя волшебная палочка. Очень скромная, без всяких украшений, просто алмазная с золотой ручкой.

Фея берет волшебную палочку. Раздается музыка, таинственная и негромкая.

Ф е я. Сейчас, сейчас буду делать чудеса! Обожаю эту работу. Мальчик!

Паж становится перед Феей на одно колено, и Фея, легко прикасаясь к нему палочкой, превращает мальчика в цветок, потом в кролика, потом в фонтан и наконец снова в пажа.

— Отлично, — радуется Фея, — инструмент в порядке, и я в ударе. Теперь приступим к настоящей работе. В сущности, все это нетрудно, дорогая моя. Волшебная палочка подобна дирижерской. Дирижерской — повинуются музыканты, а волшебной — все живое на свете. Прежде всего прикатим сюда тыкву.

Фея делает палочкой вращательные движения. Раздается веселый звон. Слышен голос, который поет без слов, гулко, как в бочке. Звон и голос приближаются, и вот к ногам Феи подкатывается огромная тыква. Повинуясь движениям палочки, вращаясь на месте, тыква начинает расти, расти… Очертания ее расплываются,

исчезают в тумане, а песня без слов переходит в нижеследующую песню:

Я тыква, я, дородная
Царица огородная,
Лежала на боку,
Но, палочке покорная,
Срываюсь вдруг проворно я
И мчусь, мерси боку!
Под музыку старинную
Верчусь я балериною,
И вдруг, фа, соль, ля, си,
Не тыквой огородного —
Каретой благородною
Я делаюсь, мерси!

С последними словами песни туман рассеивается, и Золушка видит, что тыква действительно превратилась в великолепную золотую карету.

— Какая красивая карета! — восклицает Золушка.

— Мерси, фа, соль, ля, си! — гудит откуда-то из глубины экипажа голос.

Волшебная палочка снова приходит в движение. Раздается писк, визг, шум, и шесть крупных мышей врываются на лужайку. Они вьются в бешеном танце. Поднимается облако пыли и скрывает мышей.

Из облака слышится пение: первые слова песни поют слабые высочайшие сопрано, а последние слова — сильные глубокие басы. Переход этот совершается со строгой постепенностью.

Дорогие дети,
Знайте, что для всех
Много есть на свете
Счастья и утех.
Но мы счастья выше
В мире не найдем,
Чем из старой мыши
Юным стать конем!

Пыль рассеивается — на лужайке шестерка прекрасных коней, в полной упряжке. Они очень веселы, бьют копытами, ржут.

— Тпру! — кричит Фея. — Назад! Куда ты, демон! Балуй!

Лошади успокаиваются. Снова приходит в движение волшебная палочка. Не спеша входит старая, солидная крыса. Отдуваясь, тяжело дыша, нехотя она встает на задние лапки и, не погружаясь в туман, не поднимая пыли, начинает расти. Ставши крысой в человеческий рост, она подпрыгивает и превращается в кучера — солидного и пышно одетого. Кучер тотчас же идет к лошадям, напевая без всякого аккомпанемента:

Овес вздорожал,
Овес вздорожал,
Он так вздорожал,
Что даже кучер заржал.

— Через пять минут подашь карету к крыльцу, — приказывает Фея.

Кучер молча кивает головой.

— Золушка, идем в гостиную, к большому зеркалу, и там я одену тебя.

Фея, Золушка и паж — в гостиной. Фея взмахивает палочкой, и раздается бальная музыка, мягкая, таинственная, негромкая и ласковая.

Из-под земли вырастает манекен, на который надето платье удивительной красоты.

Ф е я. Когда в нашей волшебной мастерской мы положили последний стежок на это платье, самая главная мастерица заплакала от умиления. Работа остановилась. День объявили праздничным. Такие удачи бывают раз в сто лет. Счастливое платье, благословенное платье, утешительное платье, вечернее платье.

Фея взмахивает палочкой, гостиная на миг заполняется туманом, и вот Золушка, ослепительно прекрасная,

в новом платье стоит перед зеркалом. Фея протягивает руку. Паж подает ей лорнет.

— Удивительный случай, — говорит Фея, разглядывая Золушку, — мне нечего сказать! Нигде не морщит, нигде не собирается в складки, линия есть, удивительный случай! Нравится тебе твое новое платье?

Золушка молча целует Фею.

— Ну вот и хорошо, — говорит Фея, — идем. Впрочем, постой. Еще одна маленькая проверка. Мальчик, что ты скажешь о моей крестнице?

И маленький Паж отвечает тихо, с глубоким чувством:

— Вслух я не посмею сказать ни одного слова. Но отныне — днем я буду молча тосковать о ней, а ночью во сне рассказывать об этом так печально, что даже домовой на крыше заплачет горькими слезами.

— Отлично, — радуется Фея. — Мальчик влюбился. Нечего, нечего смотреть на него печально, Золушка. Мальчуганам полезно безнадежно влюбляться. Они тогда начинают писать стихи, а я это обожаю. Идем!

Они делают несколько шагов.

— Стойте, — говорит вдруг маленький паж повелительно.

Фея удивленно взглядывает на него через лорнет.

— Я не волшебник, я еще только учусь, — говорит мальчик тихо, опустив глаза, — но любовь помогает нам делать настоящие чудеса.

Он взглядывает на Золушку. Голос его звучит теперь необыкновенно нежно и ласково:

— Простите меня, дерзкого, но я осмелился чудом добыть для вас это сокровище.

Мальчик протягивает руки, и прозрачные туфельки, светясь в полумраке гостиной, спускаются к нему на ладони.

— Это хрустальные туфельки, прозрачные и чистые, как слезы, — говорит мальчик, — и они принесут вам

счастье потому, что я всем сердцем жажду этого! Возьмите их!

Золушка робко берет туфельки.

— Ну, что скажешь? — спрашивает Фея, еще более молодея и сияя. — Что я тебе говорила? Какой трогательный, благородный поступок. Вот это мы и называем в нашем волшебном мире — стихами. Обуйся и поблагодари.

— Спасибо, мальчик, — говорит Золушка, надевши туфельки. — Я никогда не забуду, как ты был добр ко мне.

Золотая карета, сверкая, стоит у калитки. На небе полная луна. Кучер с трудом удерживает шестерку великолепных коней. Мальчик-паж, распахивая дверцу кареты, осторожно и почтительно помогает девочке войти.

Сияющее лицо Золушки выглядывает из окошечка. И Фея говорит ей:

— А теперь запомни, дорогая моя, твердо запомни самое главное. Ты должна вернуться домой ровно к двенадцати часам. В полночь новое платье твое превратится в старое и бедное. Лошади снова станут мышами...

Лошади бьют копытами.

— Кучер — крысой.

— Эх, черт, — ворчит кучер.

— А карета — тыквой!

— Мерси сан суси! — восклицает карета.

— Спасибо вам, крестная, — отвечает Золушка, — я твердо запомню это.

И Фея с маленьким Пажом растворяются в воздухе.

Золотая карета мчится по дороге к королевскому замку.

Чем ближе карета к замку, тем торжественнее и праздничнее все вокруг. Вот подстриженное деревцо, сплошь украшенное атласными ленточками, похожее на малень-

кую девочку. Вот деревцо, увешанное колокольчиками, которые звенят на ветру.

Появляются освещенные фонариками указатели с надписями:

ОТКАШЛЯЙСЯ,
СКОРО САМ КОРОЛЬ БУДЕТ ГОВОРИТЬ С ТОБОЙ.
УЛЫБАЙСЯ,
ЗА ПОВОРОТОМ ТЫ УВИДИШЬ КОРОЛЕВСКИЙ ЗАМОК.

И действительно, за поворотом Золушка видит чудо. Огромный, многобашенный и вместе с тем легкий, праздничный, приветливый дворец сказочного короля весь светится от факелов, фонариков, пылающих бочек. Над дворцом в небе висят огромные грозди воздушных разноцветных шариков. Они привязаны ниточками к дворцовым башням.

Увидя все это сказочное великолепие, Золушка хлопает в ладоши и кричит:

— Нет, что-то будет, что-то будет, будет что-то очень хорошее!

Карета со звоном влетает на мост, ведущий к воротам королевского замка. Это необыкновенный мост. Он построен так, что, когда гости приезжают, доски его играют веселую, приветливую песню, а когда гости уезжают, то они играют печальную, прощальную.

Весь огромный плац перед парадным входом в замок занят пышными экипажами гостей.

Кучера в богатых ливреях стоят покуривают у крыльца.

Увидя карету Золушки, кучера перестают курить, глядят пристально. И Золушкин кучер на глазах у строгих ценителей осаживает коней на всем скаку перед самой входной дверью. Кучера одобрительно гудят:

— Ничего кучер! Хороший кучер! Вот так кучер!

Парадная дверь королевского дворца распахивается, два лакея выбегают и помогают Золушке выйти из кареты.

Золушка входит в королевский замок. Перед нею — высокая и широкая мраморная лестница.

Едва Золушка успевает взойти на первую ступень, как навстречу ей с верхней площадки устремляется Король. Он бежит так быстро, что великолепная мантия развевается за королевскими плечами.

К о р о л ь. Здравствуйте, неизвестная, прекрасная, таинственная гостья! Нет, нет, не делайте реверанс на ступеньках. Это так опасно. Не снимайте, пожалуйста, перчатку. Здравствуйте! Я ужасно рад, что вы приехали!

З о л у ш к а. Здравствуйте, ваше величество! Я тоже рада, что приехала. Мне очень нравится у вас.

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Вот радость-то! Она говорит искренне!

З о л у ш к а. Конечно, ваше величество.

К о р о л ь. Идемте, идемте.

Он подает руку Золушке и торжественно ведет ее вверх по лестнице.

К о р о л ь. Старые друзья — это, конечно, штука хорошая, но их уж ничем не удивишь! Вот, например, Кот в сапогах. Славный парень, умница, но, как приедет, сейчас же снимет сапоги, ляжет на пол возле камина и дремлет. Или Мальчик-с-пальчик. Милый, остроумный человек, но отчаянный игрок. Все время играет в прятки на деньги. А попробуй найди его. А главное, у них все в прошлом. Их сказки уже сыграны и всем известны. А вы... Как король сказочного королевства, я чувствую, что вы стоите на пороге удивительных сказочных событий.

З о л у ш к а. Правда?

К о р о л ь. Честное королевское!

Они поднимаются на верхнюю площадку лестницы, и тут навстречу им выходит Принц. Это очень красивый и очень юный человек.

Увидев Золушку, он останавливается как вкопанный. А Золушка краснеет и опускает глаза.

— Принц, а Принц! Сынок! — кричит К о р о л ь. — Смотри, кто к нам приехал! Узнаешь?

Принц молча кивает головой.

К о р о л ь. Кто это?

П р и н ц. Таинственная и прекрасная незнакомка!

К о р о л ь. Совершенно верно! Нет, вы только подумайте, какой умный мальчик! Ты выпил молоко? Ты скушал булочку? Ты на сквозняке не стоял? Отчего ты такой бледный? Почему ты молчишь?

П р и н ц. Ах, государь, я молчу потому, что я не могу говорить.

К о р о л ь. Неправда, не верьте ему! Несмотря на свои годы, он все, все говорит: речи, комплименты, стихи! Сынок, скажи нам стишок, сынок, не стесняйся!

П р и н ц. Хорошо, государь! Не сердитесь на меня, прекрасная барышня, но я очень люблю своего отца и почти всегда слушаюсь его.

Принц поет:

Ах, папа, я в бою бывал,
Под грохот барабана
Одним ударом наповал
Сразил я великана.
Ах, папа, сам единорог
На строгом поле чести
Со мною справиться не мог
И пал со свитой вместе.
Ах, папа, вырос я большой,
А ты и не заметил.
И вот стою я сам не свой —
Судьбу мою я встретил!

К о р о л ь. Очень славная песня. Это откуда? Нравится она вам, прекрасная барышня?

— Да, мне все здесь так нравится, — отвечает Золушка.

— Ха-ха-ха! — ликует Король. — Искренне! Ты заметь, сынок, она говорит искренне!

И Король устремляется вперед по прекрасной галерее, украшенной картинами и скульптурами на истори-

ческие сюжеты: «Волк и Красная Шапочка», «Семь жен Синей Бороды», «Голый король», «Принцесса на горошине» и т. п.

Золушка и Принц идут следом за Королем.

П р и н ц *(робко)*. Сегодня прекрасная погода, не правда ли?

З о л у ш к а. Да, Принц, погода сегодня прекрасная.

П р и н ц. Я надеюсь, вы не устали в дороге?

З о л у ш к а. Нет, Принц, я в дороге отдохнула, благодарю вас!

Навстречу Королю бежит пожилой, необыкновенно подвижный и ловкий человек. Собственно говоря, нельзя сказать, что он бежит. Он танцует, мчась по галерее, танцует с упоением, с наслаждением, с восторгом. Он делает несколько реверансов Королю, прыгая почти на высоту человеческого роста.

— Позвольте мне представить моего министра бальных танцев господина маркиза Падетруа, — говорит Король. — В далеком-далеком прошлом маркиз был главным танцмейстером в замке Спящей красавицы. Сто лет он проспал вместе со всем штатом королевского замка. Вы представляете, как он выспался! Он теперь совсем не спит. Вы представляете, как он стосковался по танцам! Он теперь танцует непрерывно. И как он проголодался за сто лет! У маркиза теперь прекрасный аппетит.

Маркиз низко кланяется Золушке и начинает исполнять перед нею сложный и изящный танец.

— Вы понимаете балетный язык? — спрашивает К о р о л ь.

— Не совсем, — отвечает Золушка.

— В торжественных случаях маркиз объясняется только средствами своего искусства. Я переведу вам его приветственную речь.

И, внимательно глядя на танец маркиза, Король переводит:

— Человек сам не знает, где найдет, где потеряет. Рано утром, глядя, как пастушок шагал во главе стада коров...

Маркиз вдруг останавливается, укоризненно взглядывает на Короля и повторяет последние па.

— Виноват, — поправляется Король, — глядя на пастушка, окруженного резвыми козочками, маркиз подумал: ах, жизнь пастушка счастливее, чем жизнь министра, отягощенного рядом государственных забот и треволнений. Но вот пришел вечер, и маркиз выиграл крупную сумму в карты...

Маркиз останавливается и повторяет последние па, укоризненно глядя на своего государя.

— Виноват, — поправляется Король, — но вот пришел вечер, и судьба послала маркизу неожиданное счастье. Даже дряхлая, но бойкая старушка.

Маркиз снова повторяет па.

— Виноват, — поправляется Король, — даже сама муза Терпсихора менее грациозна и изящна, чем наша грациознейшая гостья. Как он рад, как он рад, как он рад, ах-ах-ах!

Закончив танец, министр кланяется Золушке и говорит:

— Черт, дьявол, демон, мусор! Простите, о прелестная незнакомка, но искусство мое так изящно и чисто, что организм иногда просто требует грубости! Скоты, животные, интриганы! Это я говорю обо всех остальных мастерах моего искусства! Медведи, жабы, змеи! Разрешите пригласить вас на первый танец сегодняшнего бала, о прелестная барышня!

— Простите, — вмешивается Принц решительно, — но гостья наша приглашена мною!

Бальный зал — роскошный и вместе с тем уютный. Гости беседуют, разбившись на группы.

Мачеха Золушки шепчется с Анной и Марианной, склонившись над большой записной книжкой, очень похожей на счетную.

Лесничий дремлет возле.

А н н а. Запиши, мамочка, Принц взглянул в мою сторону три раза, улыбнулся один раз, вздохнул один, итого — пять.

М а р и а н н а. А мне Король сказал: «очень рад вас видеть» — один раз, «ха-ха-ха» — один раз и «проходите, проходите, здесь дует» — один раз. Итого — три раза.

Л е с н и ч и й. Зачем вам нужны все эти записи?

М а ч е х а. Ах, муженек дорогой, не мешай нам веселиться!

А н н а. Папа всегда ворчит.

М а р и а н н а. Такой бал! Девять знаков внимания со стороны высочайших особ!

М а ч е х а. Уж будьте покойны, теперь я вырву приказ о зачислении моих дочек в бархатную книгу первых красавиц двора.

Гремят трубы. Гости выстраиваются двумя рядами.

Входят Король, Золушка, Принц и министр бальных танцев.

Гости низко кланяются Королю.

К о р о л ь. Господа! Позвольте вам представить девушку, которая еще ни разу не была у нас, волшебно одетую, сказочно прекрасную, сверхъестественно искреннюю и таинственно скромную.

Гости низко кланяются. Золушка приседает. И вдруг Мачеха Золушки выступает из рядов.

М а ч е х а. Ах, ах, ваше величество, я знаю эту девушку. Клянусь, что знаю.

К о р о л ь. Закон, изданный моим прадедом, запрещает нам называть имя гостьи, пожелавшей остаться неизвестной.

З о л у ш к а. Ах, ваше величество, я вовсе не стыжусь своего имени.

— Говорите, сударыня, прошу вас!

М а ч е х а. Ах, слушайте, сейчас вы все будете потрясены. Эта девушка...

Мачеха выдерживает большую паузу.

— ...эта девушка — богиня красоты. Вот кто она такая...

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Довольно эффектный комплимент. Мерси.

М а ч е х а. Многоуважаемая богиня...

З о л у ш к а. Уверяю вас, вы ошибаетесь, сударыня. Меня зовут гораздо проще, и вы меня знаете гораздо лучше, чем вам кажется.

М а ч е х а. Нет, нет, богиня! А вот, богиня, мои дочери. Эту зовут...

З о л у ш к а. Анна!

М а ч е х а. Ах! А эту...

З о л у ш к а. Марианна!

М а ч е х а. Ах!

З о л у ш к а. Анна очень любит землянику, а Марианна — каштаны. И живете вы в уютной усадьбе, возле королевской дороги, недалеко от чистого ручья. И я рада видеть вас всех, вот до чего я счастлива сегодня.

Золушка подходит к Лесничему.

— А вы меня не узнаете? — спрашивает она его ласково.

— Я не смею, — отвечает ей Лесничий робко. Золушка нежно целует отца в лоб и проходит с Королем дальше, мимо низко кланяющихся гостей.

Раздаются звуки музыки. Гости выстраиваются парами. Бал открылся.

В первой паре — Принц и Золушка.

П р и н ц. Я знаю, что вы думаете обо мне.

З о л у ш к а. Нет, Принц, нет, я надеюсь, что вы не знаете этого!

П р и н ц. Я знаю, к сожалению. Вы думаете: какой он глупый и неповоротливый мальчик.

З о л у ш к а. Слава тебе господи, вы не угадали, Принц!

Танцами дирижирует маркиз Падетруа. Он успевает и танцевать, и следить за всеми. Он птицей вьется по всему залу и улыбается блаженно.

З о л у ш к а. А скажите, пожалуйста, Принц, кто этот высокий человек в латах, который танцует одно, а думает о другом?

П р и н ц. Это младший сын соседнего короля. Два его брата уехали искать приключений и не вернулись. Отец захворал с горя. Тогда младший отправился на поиски старших и по дороге остановился у нас отдохнуть...

З о л у ш к а. А кто этот милый старик, который все время путает фигуры?

П р и н ц. О, это самый добрый волшебник на свете. Он по доброте своей никому не может отказать, о чем бы его ни попросили. Злые люди так страшно пользовались его добротой, что он заткнул уши воском. И вот теперь он не слышит ничьих просьб, но и музыки тоже. От этого он и путает фигуры.

З о л у ш к а. А почему эта дама танцует одна?

П р и н ц. Она танцует не одна. Мальчик-с-пальчик танцует с ней. Видите?

И действительно, на плече у дамы старательно пляшет на месте веселый, отчаянный мальчуган, с палец ростом, в коротеньких штанишках. Он держит свою даму не за руку, а за бриллиантовую сережку и кричит ей в самое ухо что-то, должно быть, очень веселое, потому что дама хохочет во весь голос.

Вот танец окончен.

— Играть, давайте играть, — кричит К о р о л ь.

— В кошки-мышки, — кричит Кот в сапогах, выскакивая из-под камина.

— В прятки! — просит Мальчик-с-пальчик.

— В фанты, — приказывает Король. — В королевские фанты. Никаких фантов никто не отбирает, никто ничего не назначает, а что, ха-ха, Король прикажет — то все, ха-ха, и делают.

Он знаками подзывает доброго волшебника. Тот вынимает воск из ушей и идет к Королю.

Сразу к доброму волшебнику бросаются просители с Мачехой Золушки во главе. Но стража окружает волшебника и оттесняет просителей.

Подойдя к Королю, добрый волшебник чихает.

— Будьте здоровы! — говорит К о р о л ь.

— Не могу отказать вам в вашей просьбе, — отвечает добрый волшебник старческим, дребезжащим голосом — и необычайно здоровеет. Плечи его раздвигаются. Он становится много выше ростом. Через миг перед Королем стоит богатырь.

— Спасибо, дорогой волшебник, — говорит Король, — хотя, откровенно говоря, просьбу свою я высказал нечаянно.

— Ничего, ваше величество, — отвечает добрый волшебник великолепным баритоном, — я только выиграл на этом!

— Мы сейчас будем играть в королевские фанты, — объясняет К о р о л ь.

— Ха-ха-ха! Прелестно! — радуется волшебник.

— Первый фант — ваш! Сделайте нам что-нибудь этакое... — Король шевелит пальцами, — доброе, волшебное, чудесное и приятное всем без исключения.

— Это очень просто, ваше величество, — отвечает волшебник весело.

Он вынимает из кармана маленькую трубочку и кисет. Тщательно набивает трубочку табаком. Раскуривает трубку, затягивается табачным дымом во всю свою богатырскую грудь и затем принимается дуть, дуть, дуть.

Дым заполняет весь бальный зал. Раздается нежная, негромкая музыка.

Дым рассеивается.

Принц и Золушка плывут по озеру, освещенному луной. Легкая лодка скользит по спокойной воде не

спеша, двигается сама собой, слегка покачиваясь под музыку.

— Не пугайтесь, — просит Принц ласково.

— Я нисколько не испугалась, — отвечает Золушка, — я от сегодняшнего вечера ждала чудес — и вот они пришли. Но все-таки где мы?

— Король попросил доброго волшебника сделать что-нибудь доброе, волшебное, приятное всем. И вот мы с вами перенеслись в волшебную страну.

— А где же остальные?

— Каждый там, где ему приятно. Волшебная страна велика. Но мы здесь ненадолго. Человек может попасть сюда всего на девять минут, девять секунд и ни на один миг больше.

— Как жалко! Правда? — спрашивает Золушка.

— Да, — отвечает Принц и вздыхает.

— Вам грустно?

— Я не знаю, — отвечает Принц. — Можно задать вам один вопрос?

— Конечно, прошу вас!

— Один мой друг, — начинает Принц после паузы, запинаясь, — тоже принц, тоже, в общем, довольно смелый и находчивый, тоже встретил на балу девушку, которая вдруг так понравилась ему, что он совершенно растерялся. Что бы вы ему посоветовали сделать?

Пауза.

— А может быть, — спрашивает Золушка робко, — может быть, принцу только показалось, что эта девушка ему так нравится?

— Нет, — отвечает Принц, — он твердо знает, что ничего подобного с ним не было до сих пор и больше никогда не будет. Не сердитесь.

— Нет, что вы! — отвечает Золушка. — Знаете, мне грустно жилось до сегодняшнего вечера. Ничего, что я так говорю? А сейчас я очень счастлива! Ничего, что я так говорю?

В ответ Золушке Принц поет:

Перед вашей красотою
Словно мальчик я дрожу.
Нет, я сердца не открою,
Ничего я не скажу.
Вы как сон или виденье.
Вдруг нечаянно коснусь,
Вдруг забудусь на мгновенье
И в отчаяньи проснусь...

И тут музыка затихает, Принц умолкает, а чьи-то нежные голоса объявляют ласково и чуть печально:

— Ваше время истекло, ваше время истекло, кончайте разговор, кончайте разговор!

Исчезают озеро, лодка и луна.

Перед нами снова бальный зал.

— Благодарю, — говорит Король, пожимая руку доброму волшебнику. — Вино, которое мы пили с вами из волшебных бокалов в волшебном кабачке, было сказочно прекрасным!

— Какие там магазины! — восхищается Мачеха Золушки.

— Какие духи! — стонет Анна.

— Какие парикмахерские! — кричит Марианна.

— Как там тихо и мирно! — шепчет Лесничий.

— Какой успех я там имел! — ликует маркиз Падетруа.

Он делает знак музыкантам, и они начинают играть ту же самую музыку, которую мы слышали в волшебной стране. Все танцуют. Принц и Золушка в первой паре.

— Мы вернулись из волшебной страны? — спрашивает Принц.

— Не знаю, — отвечает Золушка, — по-моему, нет еще. А как вы думаете?

— Я тоже так думаю, — говорит Принц.

— Знаете что, — говорит Золушка, — у меня бывали дни, когда я так уставала, что мне даже во сне снилось,

будто я хочу спать! А теперь мне так весело, что я танцую, а мне хочется танцевать все больше и больше!

— Слушаюсь, — шепчет маркиз Падетруа, услышавший последние слова Золушки.

Он дает знак оркестру. Музыка меняется. Медленный и чинный бальный танец переходит в веселый, нарядный, живой, быстрый, отчаянный.

Золушка и Принц пляшут вдохновенно.

Музыканты опускаются на пол в изнеможении.

Танец окончен.

Принц и Золушка на балконе.

— Принц, а Принц! — весело говорит Золушка, обмахиваясь веером. — Теперь мы знакомы с вами гораздо лучше! Попробуйте, пожалуйста, угадать, о чем я думаю теперь.

Принц внимательно и ласково смотрит Золушке в глаза.

— Понимаю! — восклицает он. — Вы думаете: как хорошо было бы сейчас поесть мороженого.

— Мне очень стыдно, Принц, но вы угадали, — признается Золушка.

Принц убегает.

Внизу — дворцовый парк, освещенный луной.

— Ну вот, счастье, ты и пришло ко мне, — говорит Золушка тихо, — пришло неожиданно, как моя крестная! Глаза у тебя, счастье мое, ясные, голос нежный. А сколько заботливости! Обо мне до сих пор никто никогда не заботился. И мне кажется, счастье мое, что ты меня даже побаиваешься. Вот приятно-то! Как будто я и в самом деле взрослая барышня.

Золушка подходит к перилам балкона и видит справа от себя на башне большие, освещенные факелами часы. На часах без двадцати одиннадцать.

— Еще целый час! Целый час и пять минут времени у меня, — говорит Золушка, — за пятнадцать минут я,

конечно, успею доехать до дому. Через час и пять минут я убегу. Конечно, может быть, счастье мое, ты не оставишь меня, даже когда увидишь, какая я бедная девушка! Ну, а если вдруг все-таки оставишь? Нет, нет... И пробовать не буду... Это слишком страшно... А кроме того, я обещала крестной уйти вовремя. Ничего. Час! Целый час, да еще пять минут впереди. Это ведь не так уж мало!

Но тут перед Золушкой вырастает Паж ее крестной.

— Дорогая Золушка! — говорит мальчик печально и нежно. — Я должен передать вам очень грустное известие. Не огорчайтесь, но Король приказал перевести сегодня все дворцовые часы на час назад. Он хочет, чтобы гости танцевали на балу подольше.

Золушка ахает:

— Значит, у меня почти совсем не осталось времени?!

— Почти совсем, — отвечает Паж. — Умоляю вас, не огорчайтесь. Я не волшебник, я только учусь, но мне кажется, что все еще может кончиться очень хорошо.

Паж исчезает.

— Ну, вот и все, — говорит девочка печально.

Вбегает Принц, веселый и радостный. За ним — три лакея. Один лакей несет поднос, на котором сорок сортов мороженого, другой несет легкий столик, третий — два кресла.

Лакеи накрывают на стол и убегают с поклонами.

— Это лучшее мороженое на всем белом свете, — говорит Принц, — я сам выбирал его. Что с вами?

З о л у ш к а. Спасибо вам, Принц, спасибо вам, дорогой Принц, за все. За то, что вы такой вежливый. За то, что вы такой ласковый. И заботливый, и добрый. Лучше вас никого я не видела на свете!

П р и н ц. Почему вы говорите со мной так печально?

З о л у ш к а. Потому что мне пора уходить.

П р и н ц. Нет, я не могу вас отпустить! Честное слово, не могу! Я... я все обдумал... После мороженого я

сказал бы вам прямо, что люблю вас... Боже мой, что я говорю. Не уходите!

З о л у ш к а. Нельзя!

П р и н ц. Подождите! Ах, я вовсе не такой смешной, как это кажется. Все это потому, что вы мне слишком уж нравитесь. Ведь за это сердиться на человека нехорошо! Простите меня. Останьтесь! Я люблю вас!

Золушка протягивает Принцу руки, но вдруг раздается торжественный и печальный звон колоколов. Куранты башенных часов отбивают три четверти!

И, закрыв лицо руками, Золушка бросается бежать.

Принц несколько мгновений стоит неподвижно. И вдруг решительно устремляется в погоню.

В большом зале веселье в полном разгаре. Идет игра в кошки-мышки. Принц видит: платье Золушки мелькнуло у выхода в картинную галерею. Он бежит туда, но хоровод играющих преграждает ему путь.

Бледный, сосредоточенный, мечется Принц перед веселым, пляшущим препятствием, и никто не замечает, что Принцу не до игры.

Король стоит у колонны с бокалом вина в руках.

— Ха-ха-ха! — радуется он. — Мальчик-то как развеселился. Счастливый возраст!

Принцу удалось наконец вырваться. Он выбегает в галерею, а Золушка исчезает в противоположном ее конце.

Принц выбегает на верхнюю площадку лестницы.

Золушка спешит вниз по широким мраморным ступеням.

Она оглядывается.

Принц видит на миг ее печальное, бледное лицо. Золушка, узнав Принца, еще быстрее мчится вниз.

И хрустальная туфелька соскальзывает с правой ее ноги. У нее нет времени поднять туфельку. На бегу

снимает она левую и в одних чулочках выскальзывает на крыльцо.

Карета ее уже стоит у дверей.

Мальчик-паж печально улыбается Золушке. Он помогает ей войти в карету. Входит вслед за ней и кричит кучеру:

— Вперед!

И когда Принц выбегает на крыльцо, он слышит, как доски моста играют печальную прощальную песенку.

Принц стоит на крыльце опустив голову. В руках его сияет хрустальная туфелька.

А Золушка, сидя в карете, глядит на туфельку, оставшуюся у нее, и плачет.

И Мальчик-паж, сидя на скамеечке напротив, негромко всхлипывает из сочувствия.

— Дорогая Золушка, — говорит он сквозь слезы, — я, чтобы хоть немножко развеселить вас, захватил один рубиновый стаканчик со сливочным мороженым. Попробуйте, утешьте меня, а стаканчик я потом верну во дворец.

— Спасибо, мальчик, — говорит Золушка.

И она ест мороженое, продолжая тихонько плакать. Карета бежит все быстрее и быстрее.

— Ох, натерпелся я страху! — бормочет кучер. — Обратиться в крысу при лучших кучерах королевства! Нет, уж лучше в крысоловке погибнуть.

— Да, уж за это мерси, фа, соль, ля, си! — бормочет карета.

Кучер лихо осаживает коней у самой калитки усадьбы Лесничего. И в тот же миг раздается отдаленный звон часов, бьющих двенадцать.

Все исчезает в вихре тумана.

Тоненькие голоса кричат издали:

— Прощай, хозяйка! Прощай, хозяйка!

Голос гулкий, как из бочки, бормочет, замирая:

— Адье, адье, адье, ма пти, тюр-лю-тю-тю!..

И когда затихает вихрь и рассеивается туман, мы видим прежнюю Золушку, растрепанную, в старень-

ком платьице, но в руках ее сияет драгоценная хрустальная туфелька.

Бальный зал королевского дворца.

Король, веселый, сдвинув корону на затылок, стоит посреди зала и кричит во весь голос:

— Ужинать, ужинать, господа, ужинать! Таинственная гостья, где вы?

Старик лакей наклоняется к уху Короля и шепчет:

— Они изволили отбыть в три четверти одиннадцатого по дворцовому времени.

— Какой ужас! — пугается Король. — Без ужина?! Ты слышишь, сынок? Принц, где ты?

— Их королевское высочество изволят тосковать на балконе с одиннадцати часов по дворцовому времени, ваше величество!

— Садитесь за стол без меня, господа, — кричит Король, — я сейчас: тут меня вызывают на минутку.

Принц стоит у перил балкона, задумчивый и печальный. В руках у него хрустальная туфелька.

Вихрем врывается К о р о л ь.

К о р о л ь. Мальчик, что случилось? Ты заболел? Так я и знал!

П р и н ц. Нет, государь, я совершенно здоров!

К о р о л ь. Ай-яй-яй! Как нехорошо обманывать старших! Сорок порций мороженого! Ты объелся! Фу, стыд какой! Сорок порций! С шести лет ты не позволял себе подобных излишеств. Конечно, конечно — ты отморозил себе живот!

П р и н ц. Я не трогал мороженого, папа!

К о р о л ь. Как не трогал? Правда, не трогал! Что же тогда с тобой?

П р и н ц. Я влюбился, папа.

Король с размаху падает в кресло.

П р и н ц. Да, папа, я влюбился в нашу таинственную, прекрасную, добрую, простую, правдивую гостью.

Но она вдруг убежала так быстро, что эта хрустальная туфелька соскользнула с ее ноги на ступеньках лестницы.

К о р о л ь. Влюбился? Так я и знал... Впрочем, нет, я ничего не знал. *(Срывает корону и швыряет ее на пол.)* Ухожу, к черту, к дьяволу, в монастырь, живите сами как знаете! Почему мне не доложили, что ты уже вырос?

П р и н ц. Ах, папа, я еще сегодня спел тебе об этом целую песню.

К о р о л ь. Разве? Ну ладно, так и быть, остаюсь. Ха-ха! Мальчик влюбился. Вот счастье-то!

П р и н ц. Нет, папа! Это несчастье!

К о р о л ь. Ерунда!

П р и н ц. Она не любит меня.

К о р о л ь. Глупости! Любит, иначе не отказалась бы от ужина. Идем искать ее!

П р и н ц. Нет, папа, я обиделся!

К о р о л ь. Хорошо, я сам ее разыщу!

Он складывает ладони рупором и кричит:

— Привратники сказочного королевства! Вы меня слышите? Издали-издали доносится ответ:

— Мы слушаем, ваше величество!

К о р о л ь. Не выезжала ли из ворот нашего королевства девушка в одной туфельке?

Г о л о с и з д а л и. Сколько туфелек было, говорите, на ней?

К о р о л ь. Одна, одна!

Г о л о с и з д а л и. Блондинка? Брюнетка?

К о р о л ь. Блондинка! Блондинка!

Г о л о с и з д а л и. А лет ей сколько?

К о р о л ь. Примерно шестнадцать.

Г о л о с и з д а л и. Хорошенькая?

К о р о л ь. Очень!

Г о л о с и з д а л и. Ага, понимаем. Нет, ваше величество, не выезжала. И никто не выезжал! Ни один человек! Муха и та не пролетала, ваше величество!

К о р о л ь. Так чего же вы меня так подробно расспрашивали, болваны?

Г о л о с и з д а л и. Из интереса, ваше величество!

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Дураки! Никого не выпускать! Поняли? Запереть ворота! Поняли? Сынок, все идет отлично! Она у нас в королевстве, и мы ее найдем! Ты знаешь мою распорядительность. Дай сюда эту туфельку!

Король вихрем уносится прочь. Он подбегает к столу, за которым ужинают гости, и кричит:

— Господа, радуйтесь! Принц женится! Свадьба завтра вечером. Кто невеста? Ха-ха-ха! Завтра узнаете! Маркиз Падетруа, за мной!

И Король бежит из зала, сопровождаемый министром бальных танцев.

Раннее утро.

На лужайке позади двора выстроился отряд королевской стражи. Выбегает Король, сопровождаемый министром бальных танцев. Король останавливается перед стражей в позе величественной и таинственной.

К о р о л ь. Солдаты! Знаете ли вы, что такое любовь?

Солдаты вздыхают.

К о р о л ь. Мой единственный сын и наследник влюбился, и влюбился серьезно.

Солдаты вздыхают.

К о р о л ь. И вот какая, вы понимаете, штука получилась. Только он заговорил с девушкой серьезно, как она сбежала!

С о л д а т ы. Это бывает!

К о р о л ь. Не перебивайте! Что тут делать? Искать надо! Я и министр знаем девушку в лицо. Мы будем ездить взад и вперед, глядеть в подзорные трубы. А вы будете ловить невесту при помощи этой хрустальной туфельки. Я знаю, что все вы отлично умеете бегать за девушками.

С о л д а т ы. Что вы, ваше величество!

К о р о л ь. Не перебивайте! Я приказываю вам следующее: ловите всех девушек, каких увидите, и примеряйте им туфельку. Та девушка, которой хрустальная туфелька придется как раз по ноге, и есть невеста Принца. Поняли?

С о л д а т ы. Еще бы, ваше величество!

К о р о л ь. А теперь отправляйтесь в мою сокровищницу. Там каждому из вас выдадут по паре семимильных сапог. Для скорости. Берите туфельку и бегите. Шагом марш!

Солдаты удаляются.

Король бежит к королевским конюшням. Министр — за ним.

Коляску уже выкатили из конюшни, но коней еще не запрягли.

Король и министр усаживаются в коляску. Король прыгает на месте от нетерпения.

— Кучер! — кричит Король. — Да что же это такое, кучер!

Королевский кучер выходит из конюшни.

К о р о л ь. Где кони?

К у ч е р. Завтракают, ваше величество!

К о р о л ь. Что такое?

К у ч е р. Овес доедают, ваше величество. Не позавтракавши разве можно? Кони королевские, нежные!

К о р о л ь. А сын у меня не королевский? А сын у меня не нежный? Веди коней!

К у ч е р. Ладно! Пойду потороплю!

Кучер уходит не спеша. Король так и вьется на месте.

— Не могу! — вскрикивает он наконец. — Да что же это такое? Я — сказочный король или нет? А раз я сказочный — так к черту коней! Коляска — вперед!

И коляска, повинуясь сказочному Королю, срывается с места, подняв оглобли, и вот уже несется по королевской дороге.

Семь розовых кустов, выросших под окнами Золушкиного дома.

Золушка выходит из дверей.

— Здравствуйте, дорогие мои, — говорит она приветливо цветам.

И розы кивают ей.

— Знаете, о чем я думаю? — спрашивает девушка.

Розы качают головами отрицательно.

— Я скажу вам, но только шепотом. Он мне так понравился, что просто ужас! Понимаете?

Розы дружно кивают в ответ.

— Только, смотрите, никому ни слова, — просит Золушка.

Розы изо всех сил подтверждают, что они не проболтаются.

— Дорогие мои, — шепчет Золушка, — я пойду в лес и помечтаю о том, что все, может быть, кончится хорошо.

Золушка идет по лесу по тропинке и поет. И вдруг останавливается. Лицо ее выражает ужас. Она опускает голову, и длинные ее волосы, распустившись, закрывают лицо.

Из лесной чащи навстречу Золушке выходит Принц.

Он бледен.

П р и н ц. Я испугал вас, дитя мое? Не бойтесь! Я не разбойник, не злой человек, я просто несчастный принц! С самого рассвета я брожу по лесу и не могу найти места с горя. Помогите мне.

Золушка отворачивается.

П р и н ц. Скажите мне: кто пел сейчас здесь в лесу, где-то недалеко? Вы никого не встретили?

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Вы говорите мне правду? Вы в самом деле не знаете, кто пел?

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Я не вижу вашего лица, но мне думается почему-то, что вы девушка добрая. Будьте добры! Помогите мне. Мне так грустно, как никогда в жизни! Мне нужно, непременно нужно найти одну девушку и спросить ее, за что она так обидела меня. Нет, нет, не уходите, стойте! Покажите мне ваше лицо!

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Ну пожалуйста! Не знаю, может быть, я сошел с ума, но скажите, это не вы пели здесь сейчас?

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Что-то очень знакомое есть в ваших руках, в том, как вы опустили голову... И эти золотые волосы... Вы не были вчера на балу? Если это вы, то не оставляйте больше меня. Если злой волшебник околдовал вас, я его убью! Если вы бедная, незнатная девушка, то я только обрадуюсь этому. Если вы не любите меня, то я совершу множество подвигов и понравлюсь вам наконец!.. Скажите мне хоть слово! Нет, нет — это вы! Я чувствую, что это вы!

Принц делает шаг вперед, но Золушка прыгает от него легко, как котенок, и исчезает в чаще.

Она мчится без оглядки между кустами и деревьями и у калитки своего дома оглядывается. Никто не преследует ее. Золушка подбегает к розовым кустам и шепчет им:

— Я встретила Принца!

Розы дрожат, пораженные.

— Что со мной сталось! — шепчет Золушка. — Я такая правдивая, а ему не сказала правды! Я такая послушная, а его не послушалась! Я так хотела его видеть — и задрожала, когда встретила, будто волк попался мне навстречу. Ах, как просто все было вчера и как странно сегодня.

Золушка входит в дом.

Вся семья сидит в столовой и пьет кофе.

М а ч е х а. Где ты пропадала, нехорошая девочка? Бери пример с моих дочек. Они сидят дома, и судьба на-

граждает их за это. Они пользовались вчера на балу таким успехом! И я нисколько не удивлюсь, если Принц женится на одной из присутствующих здесь девушек.

З о л у ш к а. Ах, что вы, матушка!

М а ч е х а. Как ты смеешь сомневаться, негодная!

З о л у ш к а. Простите, матушка, я думала, что вы говорите обо мне.

Мачеха и дочки переглядываются и разражаются хохотом.

— Прощаю тебя, самодовольная девочка, потому что я в духе. Идемте, постоим у изгороди, дочки. Может, проедет какая-нибудь важная особа и мы крикнем ей «здравствуйте». Иди за нами, Золушка, я подумаю, что тебе приказать.

Мачеха и сестры выходят из дому и замирают на месте в крайнем удивлении: мимо дома по королевской дороге проносится отряд солдат в семимильных сапогах.

Их едва можно разглядеть, с такой быстротой они мчатся. Вот они уже превратились в едва заметные точки на горизонте. Но сейчас же точки эти начинают расти, расти. Солдаты летят обратно.

Поравнявшись с домом Лесничего, солдаты разом, не нарушая строя, валятся на спину, снимают с себя семимильные сапоги.

Вскакивают.

Капрал отдает честь дамам и говорит:

— Здравия желаем, сударыня. Простите, известно, что снимать сапоги при дамах некрасиво. Но только они, извините, сударыня, семимильные.

М а ч е х а. Да я это заметила, капрал. А зачем их надели, капрал?

К а п р а л. Чтобы поймать невесту Принца, сударыня.

Дамы ахают.

К а п р а л. С этими семимильными сапогами мы просто извелись. Они, черти, проносят нас бог знает куда, мимо цели. Вы не поверите, сударыня, мимо какого

количества девушек мы проскочили с разгона, а еще большее количество напугали до полусмерти. Однако приказ есть приказ, сударыня. Разрешите примерить вашим дочкам эту туфельку.

М а ч е х а. Какой номер?

К а п р а л. Не могу знать, сударыня, но только кому туфелька как раз, та и есть невеста Принца.

Дамы ахают.

М а ч е х а. Капрал! Зовите Короля! Туфелька как раз по ноге одной из моих дочек.

К а п р а л. Но, сударыня...

М а ч е х а. Зовите Короля! *(Многозначительно.)* Я вам буду очень благодарна. Вы понимаете меня? Очень! *(Тихо.)* Озолочу!

К а п р а л. За это спасибо, но как же без примерки?

М а ч е х а *(тихо)*. Водка есть. Два бочонка. Слышите?

К а п р а л. Еще бы! Однако не могу. Приказ есть приказ!

М а ч е х а. Дайте туфлю.

Она примеряет туфельку Анне. Анна стонет.

Примеряет Марианне — та кряхтит.

М а ч е х а. Других размеров нету?

К а п р а л. Никак нет, сударыня.

Мачеха еще раз пробует надеть своим дочерям хрустальную туфельку, но ничего у нее не получается. Она думает напряженно несколько мгновений, потом говорит нежно и мягко:

— Золушка!

З о л у ш к а. Да, матушка!

М а ч е х а. Мы иногда ссорились с тобою, но ты не должна на меня сердиться, девочка. Я всегда хотела тебе добра. Отплати и ты мне добром. Ты все можешь — у тебя золотые руки. Надень эту туфельку Анне.

З о л у ш к а. Матушка, я...

М а ч е х а. Я очень тебя прошу, крошка моя, голубушка, дочка моя любимая.

Золушка не может противиться ласковым речам. Она подходит к Анне. Осторожно и ловко действуя, она каким-то чудом ухитряется надеть сестре туфлю.

М а ч е х а. Готово! Кончено! Поздравляю тебя, Анна, ваше королевское высочество! Готово! Все! Ну, теперь они у меня попляшут во дворце! Я у них заведу свои порядки! Марианна, не горюй! Король — вдовец! Я и тебя пристрою. Жить будем! Эх, жалко — королевство маловато, разгуляться негде! Ну ничего! Я поссорюсь с соседями! Это я умею. Солдаты! Чего вы стоите, рот раскрыли?! Кричите «ура» королевским невестам!

Солдаты повинуются.

М а ч е х а. Зовите Короля!

Капрал трубит в трубу.

Раздается шум колес.

К калитке подкатывает королевская коляска без коней. Король, сияющий, прыгает из коляски, как мальчик. За ним, танцуя и кружась, вылетает маркиз Падетруа.

Король мечется по лужайке и вопит:

— Где она, дорогая! Где она, моя дочка?

Золушка робко выглядывает из-за розовых кустов.

М а ч е х а. Вот она, ваше величество, дорогой зятек.

И она, торжествуя, указывает на Анну.

К о р о л ь. Ну вот еще, глупости какие!

М а ч е х а. Взгляните на ее ножки, государь!

К о р о л ь. Чего мне смотреть на ножки?! Я по лицу вижу, что это не она.

М а ч е х а. Но хрустальный башмачок пришелся ей впору, государь!

К о р о л ь. И пусть! Все равно это не она!

М а ч е х а. Государь! Слово короля — золотое слово. Хрустальная туфелька ей впору?! Впору. Следовательно, она и есть невеста. Вы сами так сказали солдатам. Верно, солдаты? Ага, молчат! Нет, нет, зятек, дельце обделано. Муж!

Вбегает Лесничий.

М а ч е х а. Твоя дочка выходит за Принца!

Л е с н и ч и й. Золушка?

М а ч е х а. При чем тут Золушка? Вот эта дочь! Чего ты стоишь как пень? Кричи «ура»!

К о р о л ь. Ах, черт побери, какая получается неприятность! Что делать, маркиз?

М а р к и з. Танцевать, конечно.

Он протягивает Анне руку и ведет ее в танце.

М а р к и з. Что с вами, красавица? Вы прихрамываете, красавица? Эге! Да туфелька убежала от вас, красавица!

И он поднимает с травы хрустальную туфельку.

Пробует надеть ее Анне.

— Но она вам невозможно мала! Какой чудодей ухитрился обуть вас?

Маркиз пробует надеть туфельку Марианне.

— Увы, и вам она мала, барышня!

— Это ничего не значит! — кричит Мачеха. — Неизвестная невеста тоже потеряла эту туфельку во дворце.

М а р к и з. Неизвестной красавице туфелька была чуть-чуть великовата.

К о р о л ь. Ну, ничего, ничего, это бывает, не расстраивайтесь, сударыня. Больше здесь нет девушек?

Л е с н и ч и й. Есть, государь, моя дочка Золушка.

К о р о л ь. Но ведь вы говорили, Лесничий, что она еще совсем крошка?

Л е с н и ч и й. Так мне казалось вчера, государь.

И он выводит из-за розовых кустов упирающуюся Золушку. Мачеха и сестры хохочут.

К о р о л ь. Приказываю не хихикать! Не смущайтесь, бедная девочка. Посмотрите мне в глаза. Ах! Что такое?! Какой знакомый взгляд. Примерить ей немедленно туфельку.

Маркиз повинуется.

— Государь, — кричит он, — это она! А это что? Смотрите, государь!

Он достает из кармана Золушкиного фартука вторую туфельку.

Король подпрыгивает, как мячик. Целует Золушку, кричит:

— Где Принц? Принца сюда! Скорее! Скорее!

Топот копыт. Верхом на коне влетает галопом старый лакей.

— Где Принц? — спрашивает К о р о л ь.

Старый лакей соскакивает с седла и говорит негромко:

— Его высочество, чтобы рассеять грусть-тоску, изволили бежать за тридевять земель в одиннадцать часов дня по дворцовому времени.

Король плачет, как ребенок. Дамы торжествующе улыбаются.

— Боже мой! Это я виновата, — убивается Золушка, — почему я не заговорила с ним в лесу? Он погибнет теперь из-за моей застенчивости. Принц! Милый Принц! Где ты?

И нежный детский голосок отвечает Золушке:

— Он здесь!

И из дома выходит мальчик Паж. Он ведет за руку улыбающегося Принца. Король хохочет, как ребенок.

— Я не волшебник. Я только учусь. Но ради тех, кого люблю, я способен на любые чудеса, — говорит мальчик.

Музыка.

Фея появляется среди присутствующих. Она взмахивает волшебной палочкой — и вот Золушка одета так же блистательно, как была вчера.

Новый взмах палочкой — и знакомая золотая карета со знакомым кучером и знакомыми конями лихо подкатывает к калитке.

— Ну, что скажешь, старуха лесничиха? — спрашивает Фея.

Мачеха молчит.

— Венчаться! — кричит Король. — Скорее, скорее во дворец венчаться!

— Но, — говорит Принц тихо, — но Золушка так и не сказала, любит ли она меня.

И Золушка подходит к Принцу.

Она робко улыбается ему.

Он наклоняется к ней, и тут Король хлопотливо и озабоченно задергивает тот самый занавес, который мы видели в начале сказки.

К о р о л ь. Не люблю, признаться, когда людям мешают выяснять отношения. Ну вот, друзья, мы и добрались до самого счастья. Все счастливы, кроме старухи лесничихи. Ну, она, знаете ли, сама виновата. Связи связями, но надо же и совесть иметь. Когда-нибудь спросят: а что ты можешь, так сказать, предъявить? И никакие связи не помогут тебе сделать ножку маленькой, душу — большой, а сердце — справедливым. И, знаете, друзья мои, Мальчик-паж тоже в конце концов доберется до полного счастья. У Принца родится дочь, вылитая Золушка. И мальчик в свое время влюбится в нее. И я с удовольствием выдам за мальчугана свою внучку. Обожаю прекрасные свойства его души: верность, благородство, умение любить. Обожаю, обожаю эти волшебные чувства, которым никогда, никогда не придет...

И Король указывает на бархатный занавес, на котором загорается слово:

Конец

ПЕРВОКЛАССНИЦА

На экране появляется тетрадь — обыкновенная, всем нам с детства знакомая, тоненькая синяя школьная тетрадка.

Детская рука выводит старательно посреди обложки, там, где обыкновенно пишется фамилия ученика, крупными буквами название фильма:

ПЕРВОКЛАССНИЦА
(Рассказ о приключениях Маруси Орловой)

Сразу же вслед за этим тетрадь открывается. На экране чистая страница в косую линейку, на каких пишут в первом классе наши школьники.

Та же детская рука пишет с начальной строки название первой главы:

КАК МАРУСЯ ПЕРВЫЙ РАЗ ПРИШЛА В ШКОЛУ

Большое, сияющее чистотой, очевидно, только что отремонтированное школьное здание. У двери табличка:

156-я ЖЕНСКАЯ ШКОЛА СТАЛИНСКОГО РАЙОНА.

Против этого огромного здания стоит маленькая семилетняя Маруся Орлова. В руках у нее сверток в газетной бумаге.

С глубоким интересом разглядывает девочка и сверкающие на солнце стекла окон, и табличку у дверей, и самые двери.

Но вот она храбро входит в школу.

Большой пустынный вестибюль.

Маруся идет мимо пустых вешалок. Растерянно оглядывается.

Гулко звучат ее шаги.

Длинный высокий коридор. Светлый, солнечный, с рядом свежеокрашенных дверей.

На полу лежат четкие квадраты — тени от оконных переплетов.

Маруся идет, осторожно ступая по ним, прислушиваясь.

За одной из дверей слышна песня, такая, какую поет за работой мастеровой.

Маруся стучит в эту дверь.

— Открывайте, не заперто! — слышит Маруся мужской голос.

Маруся входит и видит...

Большая пустая комната.

Пол закапан известью и краской.

Высоко на козлах стоит маляр, старичок в очках.

Напевая что-то, он красит оконную раму.

— Здравствуйте! — говорит девочка.

— Здравствуй, гражданочка! — отвечает маляр.

— Скажите, пожалуйста, что, эта школа еще не готова?

— На девяносто девять процентов готова! — отвечает маляр.

— На сколько?

— На девяносто девять.

Маруся не понимает.

— А это много или мало? — спрашивает она.

— Порядочно, — говорит маляр. — А зачем тебе знать, на сколько готова школа?

— А вдруг она не откроется первого сентября.

— Что ты, что ты! — пугается маляр. — Мы свое дело сделаем. Мы понимаем, что это за день — первое сентября.

— Вот хорошо! — отвечает Маруся. — Скажите, в какой комнате записывают в первый класс?

— В тридцать восьмой, — отвечает маляр.

Маруся стоит, не двигается.

— А какая она? — спрашивает девочка после паузы.

— Кто — она?

— Тридцать восьмая комната.

— Как тебе сказать… — отвечает маляр. — Ну, тридцать восьмая и есть тридцать восьмая. Ах, понимаю! — Ты цифр не знаешь!

— Знаю. Знаю ноль. Один. Еще знаю шесть. Девять помню. А вот тридцать восемь забыла.

— Понятно, — отвечает маляр… — Ну, тогда пойди в коридор и гляди. Из какой комнаты будут выходить маленькие девочки — там и записывают. Поняла?

— Спасибо! — отвечает Маруся.

Вот девочка снова в коридоре. Идет, оглядывается, прислушивается.

Но вот наконец открывается одна из дверей и оттуда выходит молодая женщина. За руку она ведет девочку в белой панамке, сдвинутой на затылок.

Маруся слышит, как женщина говорит девочке:

— Вот видишь, Верочка! Ничего страшного и не было! Видишь, какая добрая учительница! А ты не хотела идти…

Мама и дочка удаляются сияя. Маруся толкает дверь и входит в очень интересную комнату. Вначале у нее разбегаются глаза.

Прежде всего ее взор поражает форменное платьице, коричневое с белым воротничком и черным передником.

Платьице это укреплено на фанерной доске, оклеенной цветной бумагой.

На витрине напротив — учебники для первого класса, ручка, карандаши, тетради — все, что нужно принести первокласснику с собой в школу в первый день занятий.

За столом, прямо против двери, две женщины. Наверное, учительницы. Одна, помоложе, записывает что-то на большом листе бумаги. А другая, постарше, глядит

на Марусю через круглые очки. Черные глаза ее за стеклами очков кажутся огромными и сердитыми.

Маруся делает было шаг назад.

Но учительница говорит мягко:

— Не бойся, девочка.

— Здравствуйте, тетя! — отвечает ей Маруся, ободрившись разом.

— Меня зовут Анна Ивановна, — отвечает учительница.

— Здравствуйте, Анна Ивановна, — поправляется Маруся. — Вы учительница?

— Совершенно верно! — отвечает Анна Ивановна. — А ты кто?

— Я Маруся Орлова.

— Зачем пришла-пожаловала?

— В школу записаться! — отвечает девочка.

Тут и учительница помоложе поднимает голову.

— Здравствуйте! — говорит Маруся и ей.

— Здравствуй! — отвечает та. — А почему ты пришла одна, без мамы?

— Ей сегодня некогда. Вчера обещала пойти, а сегодня говорит: подожди до завтра.

— А ты ждать не любишь? — спрашивает седая учительница.

— Все девочки с нашего двора записались уже, — объясняет Маруся. — А маме все некогда. Тогда я сама пошла. Я документы принесла.

— Какие? — спрашивает Анна Ивановна.

— Все! — отвечает Маруся и кладет на стол завернутый в газету сверток.

— А где ты их взяла? — спрашивает молодая учительница.

— В комоде, в маленьком ящичке, — отвечает Маруся. — Вы, какие нужно, возьмите. А какие не нужно, я отнесу домой.

Маруся разворачивает сверток и показывает учительнице документы.

— Это бабушкин паспорт, — объясняет девочка. — А это квитанция за телефон. А эта, синенькая, за квартиру. А это военный заем. А это письма от папы. Он летчик. Он сейчас улетел в Заполярье. А здесь в конверте мои волосы, когда мне был один годик. Это орденские книжки — мамины. Моя мама — доктор, а во время войны была капитан медицинской службы. А это я, когда мне было два месяца.

— Достаточно! — говорит Анна Ивановна и собирается снова завернуть сверток в газету.

— Одну минуточку! — просит молодая учительница. — Дайте мне посмотреть на телефонную квитанцию. Так. Благодарю вас.

Внимательно взглянув на квитанцию, учительница выходит из комнаты.

— Так, — говорит Анна Ивановна. — Хорошо. Ты, значит, очень хочешь учиться?

— Очень! — подтверждает девочка с жаром.

— А что ты умеешь делать? Читать умеешь?

— Да! — отвечает Маруся. — Вот. Глядите.

Маруся наклоняется к газете, в которую были завернуты документы, и читает, водя пальцем.

— Вот это «А». Это «О»... Вот это «Р». Вот еще «Я». Я и писать умею.

— А ну-ка! — просит Анна Ивановна. — Напиши мне что-нибудь. Садись вот на этот стул. Вот тебе карандаш. Вот тебе бумага.

Маруся усаживается и пишет старательно, изо всех сил нажимая карандашом.

Молодая учительница возвращается...

— Готово! — сообщает девочка.

Учительницы смотрят и видят: девочка написала крупными печатными буквами свое имя.

— Верно я написала? — спрашивает девочка.

— Не очень, — отвечает Анна Ивановна. — Две буквы у тебя смотрят не в ту сторону. Видишь?

И она подчеркивает карандашом буквы «Р» и «Я».

— Правда! — говорит Маруся. — Читаю я их правильно, а пишу иногда почему-то неправильно.

— А скажи мне, Маруся, ты послушная девочка? — спрашивает Анна Ивановна.

— Очень! — убежденно отвечает Маруся.

— Так. Ты, значит, спросила у мамы разрешения прийти сегодня в школу?

Маруся молчит, потупившись.

— Отвечай, Маруся! — мягко, но настойчиво спрашивает учительница.

— Спросила... — бормочет Маруся.

— И мама отпустила тебя?

— Нет, — вздыхает Маруся.

— Значит, ты не послушалась маму?

— Не послушалась, — шепчет Маруся.

— Почему?

— Я не знаю...

— Ну, а все-таки...

— Очень захотелось.

— Вот видишь! Значит, ты не такая уж послушная?

— Нет, послушная. Кого хотите спросите!

В дверь стучат.

— Ну вот, сейчас мы и спросим! — говорит Анна Ивановна. — Войдите, пожалуйста!

В комнату быстро входит молодая женщина. Она чуть-чуть запыхалась — видно, что спешила изо всех сил. Маруся бросается к вновь пришедшей.

— Мама! Мама! — умоляет она. — Скажи учительницам, что я послушная.

— Я бы сказала, — говорит мама, — но боюсь, что они мне не поверят.

— Здравствуйте, Нина Васильевна, садитесь, — говорит молодая учительница. — Маруся притащила столько документов, что мы знаем и как вас зовут, и номер вашего телефона, и какая Маруся была в два месяца.

— Ох, Маруся, Маруся! — вздыхает мама. — Хорошо еще, что бабушка ничего не узнала. Ведь она могла совсем заболеть, увидев, что ты пропала.

— Нет! — говорит Маруся.

— А если да? — спрашивает Анна Ивановна. — Значит, ты только о себе и думаешь? А ведь в классе у тебя будет сорок товарищей. Как же ты с ними поладишь, если будешь думать только о себе?

— Не буду! — уверяет Маруся. — Я буду обо всех думать. Вот увидите!

— Увидим! — отвечает Анна Ивановна многозначительно.

Перед нами снова длинный сводчатый школьный коридор. Мама и Маруся выходят из двери. Обе очень веселы.

— Вот видишь, мама, — говорит Маруся. — Ну вот и записались... А ты все завтра да завтра...

На странице в косую линейку детская рука пишет название следующей главы:

КАК МАРУСЯ НЕ ПОСЛУШАЛАСЬ БАБУШКУ.

Прихожая в Марусиной квартире.

Марусина бабушка — совсем еще не старая, живая, маленькая, быстрая — дает последние наставления Марусе, которая собралась гулять.

Обе, и внучка и бабушка, беседуют шепотом.

— Ты хорошо помнишь, что я тебе сказала? — спрашивает бабушка.

— Очень хорошо помню! — отвечает Маруся.

— Не гоняйся за кошками! Среди них могут быть бешеные!

— Не шепчи так громко! — просит Маруся. — Маму разбудишь после дежурства!

— С Сережей не связывайся! Непременно подерешься с ним!

— Не свяжусь. Отпирай, бабушка! — томится Маруся.

— А главное — не прыгай под шлангом, когда двор будут поливать. Сегодня ветер. Промокнешь — простудишься!

Маруся во дворе.

Это чистый, просторный асфальтированный двор. В центре двора — довольно большой сквер с газонами, клумбами, скамеечками.

Маруся идет мимо сквера, глядит на играющих детей, выбирает, к кому присоединиться.

Вдруг беленький пушистый котенок выбегает из кустов, гонится за обрывком бумаги, летающим на ветру.

Маруся бросается было к котенку, но останавливается. Машет рукой.

— А ну его! — говорит девочка. — Еще взбешусь, и в школу не пустят.

Маруся шествует дальше. Сережа с деревянной шашкой в руке неожиданно вырастает перед ней.

— Чего идешь, как тетка? — спрашивает он.

— Отойди, Сережа. Не приставай! Я в школу записалась! — отвечает Маруся.

— Я тоже записался, а не фасоню.

— Отойди! — отвечает Маруся. — А то еще подерусь с тобой, и в школу не пустят.

Из подвала поднимается дворник.

Не торопясь, он раскатывает длинный шланг с медным наконечником. Сразу же со всех концов двора раздаются вопли.

— Иван Сергеевич вышел!

— Иван Сергеевич поливать будет!

— Ребята! Сюда! За мной! — кричит Сережа. И, забыв про Марусю, бросается к дворнику.

Миг — и дворник окружен помощниками. Иные помогают всерьез. Иные сделали себе из этого развлечение: наступают на шланг как бы нечаянно.

— Ребята! — говорит дворник серьезно. — Все лето прожили мы дружно. Давайте не ссориться напоследок. Уйдите от крана. Когда жарко было, я кого можно окачивал. Сегодня и не просите. Ветер. И так прохладно. Так что не вертитесь возле шланга. Не выйдет дело.

— Вы хоть побрызгайте на меня, Иван Сергеевич, — просит Сережа.

— Никогда! — твердо отвечает Иван Сергеевич.

Маруся колеблется некоторое время. Ей, видимо, очень хочется присоединиться к толпе, собравшейся возле дворника, но она мужественно преодолевает и это искушение.

В стороне у стены девочки играют в мячик, в трешки. Маруся присоединяется к играющим. А дворник привинтил уже шланг, открутил круглый кран. С силой брызнула из медного наконечника, засверкала на солнце вода.

Мальчики пустились в опасную, но увлекательную игру.

Они во что бы то ни стало хотят попасть под струю воды, бьющую из крана.

Они прыгают под самой струей.

Смех, шум, визг.

Мальчики в полном восторге.

Но Иван Сергеевич — мастер своего дела. Струя воды проделывает сложные зигзаги: то поднимается высоко к небу, то упирается в землю. Разбрасывает во все стороны фонтаны брызг.

Сережа ловко проскакивает под самой струей туда и обратно.

Иван Сергеевич вовремя отводит шланг в сторону, укоризненно качает головой.

Маруся с девочками играет в мяч.

Мяч упал и покатился по двору.

Девочки побежали за ним. Подняли.

Вернулись обратно.

Все, кроме Маруси.

Она как зачарованная глядит на прыгающих вокруг дворника ребят.

Сережа замечает ее.

— Маруська боится! — кричит он.

— Сам ты боишься, — сердится девочка.

— Боится! — ликует Сережа. — Боится! Боится! Боится!

И Маруся не выдерживает.

Храбро бросается она под самый шланг и показывает чудеса ловкости и храбрости.

Вдруг напор воды падает. Иван Сергеевич идет к крану, чтобы выяснить причину аварии. Наконечник шланга лежит на асфальте. Сережа берет его.

Внезапно шланг наполняется водой. И струя окатывает девочку с ног до головы.

Испуганный Сережа убегает.

Угрюмая Маруся сидит высоко на пожарной лестнице. Голос со двора:

— Маруся! Ты чего там делаешь?

— Сохну! — отвечает девочка мрачно.

И вот уже Маруся лежит в кровати. Бабушка сидит возле. На одеяле шахматная доска. Бабушка и внучка играют в шашки.

— Бабушка, — спрашивает Маруся, — как ты думаешь, у меня нормальная температура?

— Постой, постой... Сейчас, сейчас... — бормочет бабушка. — Я тебе!

Бабушка делает ход и победоносно глядит на внучку.

— Ах, вот как? — удивляется Маруся. — Ты мне две шашки поддаешь?

— А беру три! — радуется бабушка.

— Постой, постой... — бормочет Маруся. — Сейчас, сейчас.

— Горло не болит?

Маруся делает глотательное движение.

— Не болит! Как же это так? И в дамки проходит? С ума сойти!

— Вот не поверила бабушке и лежишь теперь! — ворчит старушка. — Все ребята пойдут учиться в срок, а ты — неизвестно...

Мама входит в комнату.

— Давай градусник, Маруся, — протягивает она руку.

— Пожалуйста! Пожалуйста! Нормальная! Нормальная! — поет девочка.

Мама смотрит на градусник.

Потом на Марусю.

Укоризненно качает головой.

— Что такое? Мама? Что?

Маруся становится на колени.

Шашки на доске смешиваются.

— Не прыгай! — говорит мама. — Ложись!

— Сколько у нее? — спрашивает бабушка.

— Ни одного! — отвечает мама сурово.

— Ох! — пугается бабушка.

— Совсем не поднялась у нее температура! — говорит мама.

— Почему же это? — спрашивает бабушка.

— А это уж Марусю надо спросить, — отвечает мама.

Маруся опускает голову.

— Молчишь? — спрашивает мама. — Ну так я отвечу за тебя. Она совсем не держала градусник. Вынула из подмышки да спрятала под подушку. Боялась, что температура повышенная. Ставь градусник как следует. Я сама буду за тобой следить.

— Мама, в школу хочется, — ноет Маруся.

— Да, уж не поблагодарит меня Анна Ивановна за такую Лису Патрикеевну, — сердится мама. — Просто стыдно мне пускать такую девочку в школу.

Маруся покорно укладывается в кровать. И вот уже наступила ночь.

Настольная лампочка, прикрытая газетой, едва освещает постель.

Маруся лежит неподвижно, закрыв глаза, но по всему видно — не спит девочка. Вздыхает. Охает. Отдувается.

Наконец она открывает глаза.

Приподнимается на постели.

Взглядывает на будильник.

Четверть второго.

Маруся в ужасе опускается на подушки.

— Мама! — зовет она робко. — А мама! Я жду, жду, а часы с места не двигаются... С ними случилось что-то... Я час лежала, глаза не открывала, а они показывают, что только пять минут прошло... Мама! Бабушка!

Маруся прислушивается. Ответа нет.

— Бабушка! Мама!.. — зовет Маруся. — Ведь проспим! Уже первое сентября! Давайте чай пить.

Молчание.

Вдруг Маруся слышит отдаленный гул.

Комната озаряется вспышкой синеватого света.

— Бабушка! — зовет Маруся громко. — Уже трамваи пошли! Бабушка!

Щелкает выключатель. Зажигается яркая лампочка под потолком. В комнате становится светло. Мама стоит на пороге в халате. Улыбается ласково. Увидев, что мама не сердится, Маруся манит ее к себе. Хлопает рукой по кровати, рядом с собой.

— Мамочка, сядь! — просит она. — Мамочка, часы испортились! Первые трамваи пошли, мама!

— Это не первые трамваи, а последние, дочка, — объясняет мама, улыбаясь. — Часы идут как следует. Успокойся, девочка. Ложись. Все придет в свое время. И солнце встанет, и будильник зазвонит, и ты проснешься и пойдешь в школу.

Мама садится рядом с Марусей.

Гладит ее по голове.

Маруся успокаивается и постепенно засыпает.

На странице в косую линейку детская рука старательно выводит надпись — название следующей главы:

КАК МАРУСЯ НАЧАЛА УЧИТЬСЯ

Тикает будильник.

Светает.

На стуле возле Марусиной кровати юбка с лямочками и белая кофточка расплываются, тают, и перед нами появляется форменное школьное платье, коричневое с черным передником.

Маруся спит.

Солнечный луч пробивается через штору, освещает отрывной календарь. На листке календаря — первое сентября.

Маруся спит.

Щелкнув, звонит будильник.

Маруся спит.

Входит бабушка. Открывает штору.

В комнату врывается солнце. Становится совсем светло. Маруся продолжает спать.

— Маруся! — зовет бабушка. — Внучка! Пора вставать!

Маруся прячет голову под одеяло.

— В школу опоздаешь!

Только тогда Маруся открывает глаза.

Сразу садится.

Видит солнце за окном, улыбающуюся бабушку, веселую маму в дверях и, наконец, форменное платье на спинке стула.

Маруся вскакивает с кровати. Всплескивает руками в восторге.

— Мама! Бабушка! — кричит Маруся. — Наконец-то я иду в школу.

— Ах! — говорит Маруся, замерев в восторге у зеркала в новом форменном платье. Она впервые видит себя настоящей школьницей.

— Как будто немножко в плечах тянет... — сомневается бабушка.

— Ой, бабушка, что ты! — негодует Маруся. — Не трогай! Испортишь!

Маруся стоит в прихожей, ждет, прыгая на месте от нетерпения, пока мама наденет шляпу.

— Пенал взяла? — озабоченно спрашивает бабушка.

— Вот он, миленький! — говорит Маруся.

Достает из сумки пенал. Гладит его ласково.

— Тетрадки не забыла?

— Вот они, голубушки, — отвечает Маруся.

Вдруг раздается резкий звонок.

Бабушка открывает дверь. Входит пожилой гражданин с маленькой сумочкой через плечо.

— Здесь проживает Маруся Орлова? — спрашивает он строго.

— Вот я, — говорит Маруся растерянно. — А вы кто такой?

— А я телеграмму вам принес.

— Мне?! — Маруся улыбается радостно. — Телеграмму?

— Вам! — отвечает почтальон. — Расписывайтесь.

Маруся мнется.

— Можно маме расписаться?

— Ну уж так и быть, — разрешает почтальон, скрывая улыбку. — На первый раз можно.

Мама расписывается.

Почтальон протягивает Марусе телеграмму.

— Нате, читайте.

— Можно, мама прочтет? — спрашивает Маруся.

— Ну уж ладно, — соглашается почтальон. — Но только в следующий раз сами расписывайтесь и сами читайте. А то не дам телеграмму.

Он кивает, улыбаясь, маме, бабушке и Марусе и исчезает.

— Я телеграмму получила! — удивляется Маруся восторженно. — От кого? А, мамочка?

И мама читает:

«Поздравляю дочку с большим праздником, с началом занятий. Скоро прилечу, учись хорошенько. Целую. Папа».

Ясное осеннее утро.

Маруся и мама шагают по двору.

Семь подъездов выходят во двор. И на который ни глянет Маруся — на первый ли, на седьмой ли, — отовсюду выбегают мальчики и девочки. За мальчиками едва поспевают провожатые. Старшие идут по двое, по трое — успели уже подружиться в школе.

Вот группа девочек-старшеклассниц.

А вот промелькнул знакомый мальчик. Кажется, это Сережа. Но как он изменился. Он в длинных штанах. Ранец за плечами, от волос не осталось и следа. Он идет рядом с мамой. Однако шагает с независимым видом.

И вот Маруся уже за воротами.

На улице тоже много школьников.

Часть девочек одета особенно нарядно — в белых фартуках.

Маруся и мама идут по улице.

Они проходят мимо репродуктора.

Замолкает веселая музыка.

Репродуктор говорит громко:

— Поздравляем советских школьников с началом занятий!

— Спасибо вам! — отвечает Маруся репродуктору серьезно и торжественно.

Снова гремит веселая музыка, и под музыку мама и Маруся подходят к знакомому крыльцу 156-й школы. Над дверьми плакат:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Маруся и мама входят в вестибюль. В вестибюле шумно и оживленно.

Настроение праздничное.

Маруся замирает на миг.

Ее ошеломляет всеобщее волнение, поражает праздничная, но совсем новая для нее обстановка.

Матери, бабушки, няни, папы, дети прощаются, разговаривают, смеются.

Дежурные педагоги и пионервожатые — девочки шестого и седьмого классов — встречают новеньких. Какая-то девочка забилась в угол и плачет там тихонько. Ее успокаивают мать и один из дежурных педагогов.

— В класс маме нельзя! Мама твоя никуда не уйдет, она здесь будет.

И здесь над лестницей висит большой плакат:

ПРИВЕТ ПЕРВОКЛАССНИЦАМ!

Мама читает Марусе этот плакат вслух.

Рядом пожилая женщина умоляюще просит педагога:

— Она у меня маленькая, нигде еще не бывала, ее нужно впереди посадить, поближе к учительнице. Она всего боится…

Между тем маленькая девочка весела и не показывает никаких признаков смущения. Она держится за бабушкину руку и, глядя на плачущую девочку, поет:

— А я не плачу! А я не плачу!

— Сюда! Сюда! — говорит дежурный педагог. — Маруся, попрощайся с мамой. Не бойся, мама зайдет за тобой к концу уроков.

— А я не боюсь, — отвечает Маруся гордо. — Мама, ты не заходи за мной. Хорошо? Пожалуйста. Дорогу ведь не надо переходить. Не заходи. Я сама.

— Хорошо, хорошо! — улыбается мама. — Как договорились, так и будет. До свидания, девочка.

Она целует Марусю. Направляется к выходу.

— Мама! — вдруг вскрикивает Маруся отчаянно.

— Что ты! — пугается мама. — Что с тобой?

Маруся молчит.

Цепляется за маму обеими руками.

— Что, что? — спрашивает мама ласково. — Народу уж больно много? И все незнакомые? Жутковато все-таки?

— Нет, нет! — бормочет Маруся. — Я... я тебя почему позвала. Я хотела сказать: бабушке кланяйся.

Маруся еще раз целует маму.

С подчеркнуто храбрым и независимым видом направляется к двери.

Мама глядит ей вслед, пока она не исчезает на лестнице в сплошном потоке девочек.

Так же храбро Маруся входит в класс и останавливается как вкопанная.

Это тот самый класс, где некогда Маруся беседовала с маляром.

Девочка замирает на пороге, глаза разбегаются.

Все новое.

Совсем новое.

Доска на стене, ряды парт, окантованные картины.

И как много девочек!

Вот одна озирается, как зверек, вздрагивает от малейшего стука. Эге, да это Вера, та самая девочка, которую видела Маруся, когда приходила записываться.

А другая девочка с пышными волосами строит ей гримасы исподтишка. Ее крайне забавляет, что Вера так встревожена.

А вон две девочки совсем осмелели — играют в ладошки.

— Я уже окончила детский сад, — хвастает одна из них.

А вон у стены Анна Ивановна разговаривает с маленькой девочкой, объясняет ей что-то.

Усадив девочку за парту, учительница выпрямилась, внимательно оглядела класс, и Маруся вдруг почувство-

вала, что учительница видит и ее, и всех остальных девочек. Наблюдает за ними.

Испуганная Вера приободрилась, впилась в учительницу взглядом, как будто безмолвно зовет на помощь.

Пышноволосая девочка перестала строить гримасы.

Маруся снова приняла свой независимый и гордый вид.

Она храбро подходит к учительнице.

Протягивает ей руку.

Говорит:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, Маруся, — отвечает Анна Ивановна и пожимает Марусе руку.

Часы в коридоре.

Дежурная няня глядит на часы и протягивает палец к кнопке звонка.

Раздается продолжительный звонок.

Ряды парт в первом классе.

Девочки уже расселись. Глядят во все глаза на Анну Ивановну.

Звонок обрывается.

— Поздравляю вас, девочки! — говорит Анна Ивановна. — Зазвонил звонок, и началась у вас новая жизнь. Вы теперь школьницы. Ученицы первого класса. Это, девочки, очень важный шаг в вашей жизни. Сегодня и по радио говорят о школе. И в газетах пишут. И сам товарищ Сталин спрашивает: «А сколько сегодня школ открылось в стране? Сколько детей пришло в первый класс на свой первый урок?»

Анна Ивановна идет по проходу между партами.

— Я давно уже учительница, девочки, — говорит она, — многие мои ученики теперь совсем взрослые, умные, славные люди. Они пишут мне письма. И я всегда вспоминаю, какие они были, когда первый раз пришли в школу. Одна девочка, например...

И тут Анна Ивановна взглядывает на Веру.

— Одна девочка так всего боялась, что задрожала вся, когда зазвонил звонок.

Верочка опускает голову. Пышноволосая, веселая девочка, сидящая перед ней, весело хохочет.

— А теперь эта девочка стала Героем Советского Союза, — заключает Анна Ивановна.

Вера приятно поражена.

Пышноволосая девочка сразу перестает смеяться.

— Да, да, — продолжает Анна Ивановна. — Все мои бывшие ученицы ничего, ну ничегошеньки тоже не знали когда-то. Даже здороваться не умели.

Маруся весело хохочет.

— Да, да, представь себе, не умели, — говорит Анна Ивановна, — глядя на Марусю.

— Одна девочка, например, подошла ко мне и протянула руку. «Здравствуйте!» — говорит. А так не полагается. Нельзя первой протягивать руку старшим.

Маруся перестала смеяться.

— Видите, какие они были смешные! — продолжает Анна Ивановна. — Но потом они стали учиться. И учились с удовольствием. Ведь это очень интересно — учиться. И мы с вами начнем сегодня новую, замечательную школьную жизнь. Здороваться научимся. Научимся, как полагается настоящим школьникам, вести себя в классе так, чтобы не мешать, помогать друг другу. И класс свой разглядим как следует. Ведь сегодня началась у вас новая жизнь, и вас окружают новые, интересные вещи. Первый раз в жизни сели вы за парту.

Маруся и сидящая с ней рядом Верочка внимательно разглядывают парту.

— Вот в этот ящик вы будете класть свои книжки и тетради, — рассказывает Анна Ивановна. — Здесь станет чернильница, когда вы начнете писать чернилами. А вот доска. Эта доска поможет нам учиться писать. Вон она у нас какая. Тройная.

Мы видим классную доску, разделенную на три части. В косую линейку, в клетку и просто без линеек. Мел. Чистую белую тряпочку, которой вытирают с доски.

— Вы с нынешнего дня школьницы, — продолжает Анна Ивановна, — и мы познакомимся со школой, в которой вы теперь учитесь. Тихонько, тихонько, чтобы не мешать учиться другим, пройдем мы по школьным коридорам.

Дверь первого класса бесшумно открывается. Тихо-тихо выходят девочки из класса. Идут по замолкшему школьному коридору.

— Вот это физический кабинет, — говорит Анна Ивановна. — Здесь занимаются сейчас шестиклассницы.

Девочки глядят через стеклянную дверь на комнату, заставленную приборами. На возвышении у стола стоит девочка, вертит ручку машины с большим стеклянным колесом.

Между металлическими шариками пролетают искры.

Девочки в школьной библиотеке.

С удивлением и интересом разглядывают полки с книгами.

— Когда вы научитесь читать, — объясняет Анна Ивановна, — в школьной библиотеке вам будут давать книги. Книг много. И одна интереснее другой… Есть у нас и своя комната — учительская. Там во время перемены отдыхают учителя. Давайте заглянем и туда…

Девочки с любопытством заглядывают в дверь учительской комнаты.

— А вот здесь учатся десятиклассницы, — объясняет Анна Ивановна. — В школе учатся десять лет. Вы учитесь первый год, а они — последний. Скоро они уже перестанут ходить в школу!..

— Бедные! — вздыхает Маруся.

И вот мы уже снова в классе. В первом «А». Анна Ивановна заканчивает урок.

— Сейчас зазвонит звонок, и первый наш урок кончится, — говорит Анна Ивановна. — Вы отдохнете и поиграете на перемене. А после перемены будет у нас арифметика. А потом русский язык. И на каждом уроке

мы узнаем и запомним что-нибудь новое, интересное. И скоро, скоро вы станете настоящими школьницами.

— Я сегодня! — говорит Маруся.

— Что сегодня? — спрашивает учительница.

— Сделаюсь настоящей школьницей.

— Посмотрим, посмотрим, — отвечает Анна Ивановна, улыбаясь.

На скамейках в вестибюле ждут взрослые, пришедшие за новенькими.

Здесь в уголке родителей висит объявление:

ЗАНЯТИЯ В 1-м КЛАССЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ
В 1 ЧАС 15 МИНУТ

На часах — четверть второго.

Няня нажимает кнопку звонка.

Пустой безмолвный школьный коридор мигом оживает. Разом открываются все двери классов. Из дверей выбегают девочки. Веселый шум. Топот множества ног.

Ожидающие встают.

И вот на лестнице появляется первый класс.

Первоклассницы идут парами. Их сопровождает Анна Ивановна.

Девочки сияют. Чувствуется, что они не просто шагают, а шествуют строем, подчеркнуто соблюдая порядок.

Но вот они увидели своих родных.

Первоклассницы так переполнены впечатлениями сегодняшнего дня, им так много надо рассказать, что порядок сразу нарушается.

Девочки бросаются к своим.

— Видела, мама! — кричит пышноволосая девочка. — Видела, как мы красиво шли? Мы и завтракать так ходили.

— Мама! Я ничего теперь не боюсь! — кричит Верочка. — Одна девочка боялась, как я, а теперь Герой Советского Союза.

— Папа, я арифметику учила!

— Бабушка! Я рассказывала!

— Больше всего мне понравилась перемена! — в восторге кричит какая-то девочка.

— Мама! Так было весело! Как жалко, что тебя не пустили, — говорит та самая девочка, которая недавно плакала здесь же в углу.

Маруся, сияя, шагает по улице.

Совершенно ясно, что она чувствует себя настоящей школьницей. Она преисполнена достоинства в новом форменном платье. Это даже заметно по ее походке. Ей кажется, что весь город смотрит на нее с уважением.

Какой-то капитан, летчик, попадается ей навстречу.

— Дядя Володя! — вопит девочка радостно. Протягивает руку летчику, но тут же отдергивает ее и старательно прячет за спину.

— Здравствуй, Маруся! — говорит ей капитан и протягивает девочке руку.

Девочка с вежливым полупоклоном обменивается с капитаном рукопожатием.

— Что это с тобой сегодня? — удивляется капитан. И тут же улыбается во все лицо.

— Ах! — восклицает он. — Ты в форме! Да как же это я мог забыть! Ты из школы?

— Да, — отвечает Маруся.

— Сразу видно! — говорит капитан убежденно. — Тебя просто узнать нельзя! Настоящая школьница.

— Ой! Сколько мы сегодня выучили! — выкладывает Маруся скороговоркой. — И как вставать без шума, здороваться с Анной Ивановной. И как руку поднимать. И считали, сколько нас в ряду сидит. Это называется арифметика. А на русском Анна Ивановна сказку нам рассказывала. До свидания! Меня мама и бабушка ждут.

Маруся раскланивается, заложив руки за спину. Маруся входит во двор не спеша. И вдруг встречается лицом к лицу с Сережей. Увидев своего врага, Маруся делает было шаг назад.

Но потом вежливо кивает ему и говорит:

— Здравствуй, Сережа!

Вместо ответа Сережа высовывает язык.

— Смотри-ка! — удивляется Маруся. — Ты, значит, в школу не ходил сегодня?

Сережа стоит молча, высунув язык.

— Понимаю! — кивает головой Маруся. — Тебя не приняли!

— Кого-кого не приняли? — спрашивает Сережа, прикладывая ладонь к уху.

— Тебя.

— Еще как приняли! Ого! На первую парту посадили.

— А чего же ты язык показываешь? Тебе не говорили, что надо себя вести вежливо?

— Вот так не говорили! Целый день говорили.

— А чего ж ты? Не понял, что ли?

— Вот так не понял. У нас поди-ка не пойми. У нас учительница — ого! Получше вашей.

— А ты нашу видел?

— Конечно, видел. Не понравилась.

— О! Не понравилась. У нас учительница — красавица.

— Красавица... Вот она какая. — И Сережа делает страшную гримасу.

Оскорбленная в лучших чувствах, Маруся кладет осторожно у стены свою школьную сумку. Подходит к Сереже.

— Перестань! — говорит она грозно. — А то...

— А то что?

— А то ка-а-ак дам!

— Ты? — преувеличенно удивляется Сережа. — Я!

— Мне?!

— Тебе!

Сережа отшвыривает свою сумку в сторону. Дети замирают друг перед другом в угрожающих позах, как боевые петухи.

В столовой суетятся мама и бабушка, готовятся торжественно встретить первоклассницу.

— Ну, сегодня у нее будет настоящий праздник! — радуется бабушка. — Все, что она любит, — все на столе. И пирог. И торт. Одно меня страшит — как бы не объелась...

— Что-то запаздывает дочка! — смотрит на часы мама. — Уже двадцать минут, как кончились уроки.

Продолжительный звонок.

Бабушка и мама спешат в прихожую.

Открывают дверь.

Ахают в ужасе.

Маруся, очень веселая и оживленная, стоит на пороге — но в каком виде! Взъерошенные волосы. На щеке — пятно грязи. Одна из пуговиц висит на ниточке.

— Мамочка! Бабушка! — кричит Маруся. — Как интересно было. Ну прямо сказка. Раз-два — и превратилась я в настоящую первоклассницу. Вы меня теперь не узнаете.

— Постой, постой! — перебивает мама. — А почему ты в таком страшном виде?

— А это я с Сережкой подралась. У него еще хуже вид! — с торжеством сообщает Маруся.

— Идем в ванную! Умойся! — ворчит бабушка. — Не узнаете меня... Пока что очень хорошо я тебя узнаю...

Знакомая страница тетради в косую линейку. Детская рука старательно выводит очередную надпись:

И ВОТ ПОШЛИ ДНИ ЗА ДНЯМИ

Одна за другой следуют короткие сцены.

Класс.

За окнами деревья школьного сада. Желтеющие листья. Ряды парт. Первоклассницы за партами. В класс входит Анна Ивановна. Девочки шумно, с грохотом встают.

— Здравствуйте! — приветствует их Анна Ивановна. — Садитесь!

Так же шумно девочки садятся.

— Мне хочется, чтобы вы научились вставать тихо. Это очень важно. Посмотрите внимательно, как это нужно делать, — говорит Анна Ивановна.

Анна Ивановна у доски.

— Штриховка — это начало письма. Ведите карандаш медленно, аккуратно, сверху вниз, сверху вниз... — показывает Анна Ивановна.

И мы видим на доске аккуратно заштрихованные мелом фигуры — квадрат и круг.

Снова парты.

Анна Ивановна раздает детям их первую книгу.

— Вот по этой книге вы будете учиться азбуке...

В руках у Маруси букварь.

Обложка букваря яркая и заманчивая.

Урок природы.

Девочки в школьном парке собирают опавшие желтые листья.

— А это, девочки, лист клена, — объясняет Анна Ивановна, показывая лист. — Найдите дерево с такими листьями.

Девочки мгновенно разбегаются в поисках дерева.

Маруся первая обхватила руками ствол клена.

Девочки на уроке ритмики. Нелепо шагая под музыку, маршируют они по кругу.

— Раз, два, три... раз, два, три...

Девочки на уроке пения.

Как птенцы, широко раскрывают рты.

Школьный коридор. Перемена. Анна Ивановна идет по коридору. Девочки окружают ее толпой. Возгласы:

— Анна Ивановна! Мама велела купить простоквашу, а в буфете простокваши нет! Что мне кушать?

— Анна Ивановна! Когда я без калош, калошный мешочек не надо приносить?

— Анна Ивановна! Сегодня мама чашку разбила — так расстроилась.

Маруся бежит по коридору. Незнакомая учительница останавливает ее. Кладет ей руку на плечо.

— Девочка! — говорит она. — Нельзя бегать так, без оглядки. Ушибешься.

— Пустите! Мы сейчас в пятнашки играем, — сердится Маруся.

— Стой, стой! — говорит учительница строго. — Разве ты не знаешь, что учительницу надо слушаться?

— Так ведь вы не наша! — обижается Маруся.

— Что не ваша?

— Учительница! Наша — Анна Ивановна.

И вдруг Анна Ивановна появляется возле.

— Стыдно, Маруся! — говорит она строго. — Надо слушаться всех учительниц. Ты знаешь, кто с тобой разговаривал? Директор школы...

Анна Ивановна входит в класс.

Все встают, кроме одной девочки, которая сидит на третьей парте. Увидав Анну Ивановну, эта девочка разражается слезами.

— Что случилось? — спрашивает Анна Ивановна.

— Заблудилась! — рыдает девочка. — Где мои девочки? Где моя Любовь Викторовна?

— Идем, покажу! — улыбается Анна Ивановна.

Анна Ивановна раздает детям разноцветные кружки. Они сидят, думают. Поднимается одна рука.

— Анна Ивановна! Значит, надо разложить по два?

— Да, — отвечает Анна Ивановна.

И сейчас же подымается еще несколько рук. И все девочки спрашивают буквально то же самое.

— По два? Да, Анна Ивановна?

Анна Ивановна отвечает спокойно и терпеливо. Вдруг одна девочка укладывает вещи в сумку и спокойно направляется к выходу.

— Ты куда, Оля? — удивляется Анна Ивановна.

— Домой! — спокойно отвечает Оля. — Мне захотелось маму увидеть. Соскучилась по ней.

— Придется тебе потерпеть! — отвечает Анна Ивановна. — Заниматься ты ходишь в школу, как взрослые на работу. Представь себе — едешь ты в трамвае, вдруг вожатый уходит. Ему домой захотелось. Хорошо это будет? Нельзя, Оля. Все должны работать, пока не придет время отдыхать.

Оля возвращается на свое место.

— Девочки! — продолжает Анна Ивановна. — На завтра, на дом, задаю вам такой урок. Вымыть хорошо шею, уши, хорошо причесать волосы, вычистить ботинки...

На местах, где сидели только что первоклассницы, сидят теперь в классе за их партами родители. Анна Ивановна проводит родительское собрание.

— Сейчас самое трудное время, — говорит она. — Девочки только что начинают приучаться к порядку. И ваша задача помочь нам. В этом деле нет мелочей. Следите, чтобы дети приходили в класс умытые, причесанные, аккуратно одетые, как настоящие первоклассницы.

Снова класс.

Но сейчас в классе совсем необычная обстановка. Пришла пионервожатая Валя.

Она читает первоклассницам книжку.

Девочки расселись вокруг нее, слушают внимательно, с большим интересом.

— Есть на свете большая страна, — выразительно читает Валя. — Это самая большая страна на свете. Если идти пешком из конца в конец, нужно идти четыре года.

Если спросить жителей этой страны, всех сразу, по радио: какое у вас время дня?

Один ответит: у нас утро.

Другой ответит: у нас полдень.

Третий ответит: у нас вечер.

Четвертый ответит: у нас ночь.

Если спросить жителей этой страны, всех сразу, по радио: какое у вас время года?

Один ответит: у нас весна.

Другой ответит: у нас зима.

Вновь на экране страница тетради в косую линейку. Детская рука с новой строки начинает писать новую надпись:

НЕСЧАСТНЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ МАРУСИ

Анна Ивановна входит в класс. Говорит торжественно:

— Ну, девочки, сегодня у нас большой день. Садитесь. Просмотрела я дома ваши работы.

Все с глубочайшим вниманием глядят на учительницу.

— Аня, Верочка, Шура, Таня и Нюся, встаньте, — говорит Анна Ивановна.

Пять девочек встают бесшумно.

— Все эти девочки, — говорит Анна Ивановна, — держат карандаши правильно.

Маруся быстро смотрит на правую свою руку и прячет ее.

— И пишут они, — продолжает Анна Ивановна, — аккуратно, даже красиво, можно сказать. Ну прямо — молодцы.

Девочки сияют.

— Все принесли ручки? — спрашивает Анна Ивановна.

— Да! Конечно! Принесли! — хором отвечают счастливицы. Анна Ивановна открывает шкаф.

— Подойдите ко мне! — говорит она.

Девочки на радостях особенно отчетливо выполняют правила поведения в классе. Не горбясь, не шаркая ногами, подходят они к учительнице.

Каждая получает по чернильнице. Возвращаются на свои места. Маруся поднимает руку.

— Что, Маруся! — спрашивает Анна Ивановна.

— А я? — говорит девочка.

— Что ты?

— А мне когда?

— Что когда?

— Когда мне разрешите писать чернилами? Анна Ивановна! — продолжает Маруся до крайности вежливо, чувствуя, что учительница не слишком довольна. — Пожалуйста! Я очень вас прошу! Я больше не буду.

— Что не будешь?

— Не буду держать карандаш, как сегодня.

— Значит, ты знаешь, почему я тебе не дала чернил?

— Знаю. Только мне очень хочется. Я не буду забывать, как держать этот... второй палец.

— Нет, Маруся! — говорит Анна Ивановна. — Это не пустяк — начать писать чернилами. Придется тебе еще поработать, Маруся.

Маруся садится.

Мрачно смотрит на свою соседку Верочку.

А та — установила чернильницу...

...достала из пенала ручку с новеньким пером... ... приготовилась писать.

— Не лезь локтем на мою половину, — шипит Маруся. Верочка покорно отодвигается. Окунает ручку в чернила.

Задерживает на миг ручку над листом и вдруг — о ужас! — клякса падает на чистый лист. Весь класс вздыхает от ужаса.

— Ха-ха-ха! — ликует Маруся. — Кляксу, кляксу поставила!

Верочка падает головой на парту.

Разражается слезами.

Анна Ивановна подходит к ней.

— Вера, Верочка, ничего! — говорит она. — Первый раз прощается. Сейчас мы возьмем чистый лист да и начнем сначала. А тобой, Маруся, я очень недовольна.

Маруся встает угрюмо.

— Я-то думала — все девочки обрадуются за своих подруг. А вы, оказывается, огорчились.

— Я обрадовалась! — говорит одна девочка.

— Я тоже.

— И мы.

— И я!

— А я как обрадовалась!

— Ну, что ты скажешь на это, Маруся? — спрашивает Анна Ивановна.

— Они врут, — отвечает Маруся угрюмо.

— Маруся!

— Они говорят неправду, — поправляется Маруся.

— Почему ты так думаешь?

Маруся молчит.

— У твоей мамы два ордена? — спрашивает Анна Ивановна.

— Да! — отвечает Маруся.

— Ты обрадовалась, когда маму наградили? Отвечай спокойно, весело. Рассказывай. Обрадовалась?

— Очень. Да, я очень обрадовалась, Анна Ивановна.

— А мамины товарищи поздравляли ее? Расскажи-ка?

— Очень поздравляли, — рассказывает Маруся. — Мы тогда работали в санитарном поезде, и даже машинист прибежал маму поздравить. На остановке. И телеграммы приходили. А повар к обеду сделал пирог. Мама сказала: «Это прямо как именины».

— Вот видишь, — говорит Анна Ивановна. — В санитарном поезде понимали, что все они — одна дружная военная семья. Что одному радость, то и всем радость. А ты не веришь, что девочки могут радоваться за свою подругу. Ведь все мы — одна дружная, мирная семья. Первый класс. А? Верно, Маруся?

— Я вот этой не поверила, Нине... — бормочет Маруся.

— Почему?

— Не рада она. Она поссорилась на перемене с Шурой. На всю жизнь.

Нина поднимает руку.

— А перед уроком — помирилась, — сообщает она торжествующе.

— Вот видишь, — говорит Анна Ивановна. — Садись, Маруся! Пиши карандашом. Пиши, старайся хорошенько, не сдавайся, и ты победишь, как твои подруги.

Вечер.

Маруся сидит за столом, за обычным своим занятием. Чертит что-то карандашом в тетради. Бабушка расположилась у стола, поближе к лампе. Шьет. Маруся начала было потягиваться, как вдруг застыла от изумления, глядит, не мигая, на бабушкины руки.

— Бабушка, ты ловкая? — спрашивает Маруся.

— Довольно ловкая, — отвечает бабушка, не отрываясь от работы. — А что?

— Пальцы у тебя какие послушные, — вздыхает Маруся. — Тебе рано дали чернила?

— Не помню! — отвечает бабушка рассеянно.

— Не помнит! — восклицает Маруся в крайнем изумлении. — Смотрите-ка! Не помнит...

— Только две девочки в классе теперь пишут карандашом, — продолжает Маруся печально. — Я и Галя. Беда! Вдруг ей завтра дадут чернила, а мне нет. А я Галку не люблю. Она всех дразнит.

— Возьми чернила да и пиши себе, — предлагает бабушка. — Постели на стол газету, чтоб на скатерть не капнуть, да пиши…

— Ой! — ужасается Маруся. — Анна Ивановна не позволяет еще мне! Что ты!

— Ну, как знаешь! — говорит бабушка. — Не хочешь, не надо.

— Ох, скорее бы завтра! — томится Маруся. — Завтра, наверное, дадут мне чернила…

Первый класс «А». Девочки сидят, пишут. Все пишут чернилами.

Только Маруся и Галя, пышноволосая девочка, что сидит на парте перед Марусей, пишут карандашами. Анна Ивановна направляется к своему столу. Останавливается. Все головы поднимаются. Все глаза устремлены на учительницу.

— Сейчас. Сейчас скажет! — бормочет Маруся.

— Галя! — говорит Анна Ивановна. — Подойди ко мне. Я дам тебе чернильницу.

Галя встает бесшумно. Идет к столу. Получает чернильницу. Садится на место.

Маруся глаз не сводит с Анны Ивановны.

А та молчит.

Ищет что-то в классном журнале, лежащем перед ней.

Нет, не получить сегодня чернильницы Марусе.

Маруся опускает голову. Пишет ожесточенно карандашом, не глядя ни на кого.

Бросает на нее внимательный взгляд Анна Ивановна. Улыбается.

И вдруг Галя падает головой на парту. Отчаянно плачет.

— Галя! — удивляется Анна Ивановна. — Что случилось?

— Ве… ве… ве… — никак не может произнести Галя.

— Успокойся, Галя. Ты уже не маленькая. Говори, что случилось? — останавливает ее Анна Ивановна. — А вдруг мы придумаем, как тебе помочь.

— Ве... ве... вечером заказное письмо принесли... — рассказывает Галя, всхлипывая. — Ма... мама... взяла ручку расписаться у меня... из сумки. По... потом стала письмо читать... От брата... Из Суворовского... А ручку забыла обратно... положить.

— Да! — вздыхает Анна Ивановна. — Что ж делать-то. Ни у кого нет лишней ручки?

Девочки добросовестно заглядывают в свои сумки, в портфели, в пеналы.

— Нет! Никто не захватил в класс ручки.

Нина поднимает руку.

— Что ты хочешь сказать? — спрашивает Анна Ивановна. Нина встает.

— У моего папы на столе, — сообщает она, — наверное, ручек пять есть. В таком стеклянном высоком стакане они стоят.

— Так, — кивает головой Анна Ивановна. — Ну и что?

— Я завтра принесу ручку.

— Завтра... — бормочет Галя. — Завтра я сама принесу.

— Верно! — говорит Нина печально.

Пока идут все эти переговоры, противоречивые чувства разрывают Марусино сердце.

Она то открывает пенал, где лежит ее ручка, то снова закрывает, то прячет пенал в парту, то снова достает, кладет перед собой.

Сжимает его судорожно обеими руками... и вдруг решается...

Достает ручку.

Протягивает Гале.

— На! — говорит она угрюмо.

— Чего? — ворчит Галя, не понимая.

— На, — повторяет Маруся решительно. — Я все равно карандашом пишу... Бери ручку.

— Молодец, Маруся! — говорит Анна Ивановна. — Вот теперь я вижу, что ты настоящая советская школьница. Помогла товарищу в беде.

Маруся стоит, улыбается.

— Но только я не знаю все-таки, как быть! — продолжает Анна Ивановна. — Я и тебе хотела дать сегодня чернила. Ты теперь хорошо пишешь...

Маруся делает было движение вперед, чтобы вырвать ручку у Гали.

Потом машет рукой отчаянно.

— Пусть! — говорит она.

— Что пусть?

— Пусть она пишет. Или так лучше. Она пусть немного попишет, а потом я немного попишу. Потом опять она, потом опять я.

— Ну, Маруся — ты совсем у меня молодец! — радуется Анна Ивановна.

Подходит к Марусе.

— Знаешь, чем наши летчики удивляли в бою фашистов? — задает она вопрос.

— Смелостью? — спрашивает Маруся.

— Да, — подтверждает Анна Ивановна. — А еще тем, что помогали друг другу в бою. Фашисты дрались каждый за себя, а наши летчики — дружно, как один. Привыкли с детства стоять друг за друга. Вот и ты привыкнешь к этому. Молодец! Ну, а теперь идем за чернилами.

Маруся со скромным достоинством идет к столу. Получает чернильницу и чудную новенькую ручку.

— На, — говорит Анна Ивановна. — Возьми мою ручку для такого случая.

Взоры всех девочек устремлены на Марусю. Подумать только, какая счастливая. Она будет писать ручкой Анны Ивановны.

Маруся возвращается на место.

Благоговейно окунает ручку в чернила и чуть дыша начинает писать.

Снова появляется страница знакомой тетради, и на ней пишется следующее заглавие:

КАК МАРУСЯ ПЕРВЫЙ РАЗ ДЕЖУРИЛА

Утро.

Листьев на деревьях уже нет.

Иней на крышах.

Иней на пожелтевшем газоне.

Еще очень рано.

Во дворе пусто. Только дворник подметает двор.

Из подъезда выбегает Маруся.

Поскользнулась на замерзшей лужице. Едва не упала.

Мчится к воротам.

— Куда в такую рань, Маруся? — окликает ее дворник.

— Ох, Иван Сергеевич! Я дежурная сегодня! — сообщает девочка.

Скрывается в воротах.

Няня отпирает дверь первого класса. Маруся в нетерпении прыгает возле.

— Ох эта Орлова! — посмеивается няня. — И какая она быстрая, эта Орлова! Прибежала ни свет ни заря...

— Нянечка, ведь я дежурная, — объясняет Маруся.

— Да уж вижу, понимаю, — отвечает няня, широко распахивая дверь.

— Беги, работай!

Маруся с упоением и азартом начинает хозяйничать в классе.

Первым делом она надевает на руку красную повязку. Затем принимается старательно вытирать и без того чистую доску. Доводит ее до блеска.

Напевает что-то, все более и более увлекаясь.

В пустом классе голос звучит особенно гулко. И поэтому Маруся поет с наслаждением на придуманный ею мотив:

Я великий умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников начальник
И мочалок командир.

Теперь она уже вытирает парты.

Поливает горшки с зелеными растениями в уголке живой природы.

Взобравшись на подоконник, открывает форточку. Поправляет расставленные и так в образцовом порядке вещи на столе учительницы.

И на все лады, на всяческие мотивы продолжает петь:

Я великий умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников начальник
И мочалок командир.

Двор.

Появляются школьники — главным образом младшие.

Идут не спеша.

Еще рано.

В пустом классе на месте Анны Ивановны безмолвно сидит Маруся.

Она уже устала ждать прихода девочек.

Наконец в класс не спеша входит Верочка. На рукаве у нее повязка с красным крестом, на боку сумочка.

Маруся мгновенно оживляется.

— Что это сегодня так поздно все? — спрашивает она строго. — Жду, жду, а вы все не идете.

— И совсем не поздно. Очень даже рано, — вздыхает Верочка. — Я от страха просыпаюсь раньше будильника. Все боюсь, что он испортился.

— Погляди-ка мне уши и руки. Чистые? Мне потом некогда будет осматриваться. Я дежурная.

Вера добросовестно разглядывает Марусины пальцы, ногти, шею, уши.

— Очень даже чистые, — говорит Вера.

— Я так и знала, — говорит Маруся удовлетворенно.

Класс начинает наполняться девочками. Вера направляется к своему посту. Становится у дверей. Осматривает вновь приходящих. Маруся в качестве дежурной помогает ей. В класс входит очередная девочка. Показывает свои довольно грязные руки.

— Это что такое? — вскрикивают пораженные Маруся и Вера.

— Что за руки! Ай-ай-ай! — негодует Маруся. — Иди умойся! — сердито приказывает она.

— Я дома три раза мыла, — оправдывается девочка, — а по дороге встретила Пирата.

— Это еще кто такой? — спрашивает Маруся строго.

— А пес такой! — объясняет девочка. — Не знаете? В доме номер семь живет.

— Ну и что?

— Он палки так красиво носит! Я ему палки бросала. А они мокрые.

— Иди, иди умывайся! — приказывает Маруся. — А то не позволю тебе сегодня учиться.

Разглядывая свои руки, виновная покорно удаляется.

Класс уже заполнился.

Две девочки в шутку начинают бороться. Маруся бежит к ним.

— Нельзя! — кричит она повелительно. — Вы поднимаете пыль! Подругам легкие портите.

В другом углу завозились другие девочки. Маруся успела и сюда.

— Майя! — кричит Маруся. — Не толкай Шуру! Шура, перестань ей язык показывать. Ну что это такое! Только теперь я вижу, какие мы непослушные!

Зазвонил звонок.

И вот уже все девочки сидят на своих местах.

Все, кроме Маруси.

Важная, она стоит возле стола учительницы.

Входит Анна Ивановна. Здоровается с девочками.

Говорит Марусе приветливо:

— Ах, вот кто нынче моя первая помощница.

Быстро, но зорко оглядывает Анна Ивановна класс. Удовлетворенно кивает головой Марусе.

— Молодец! Все в полном порядке. И доска чистая, никто не записан. Значит, девочки тебя слушаются. Молодец!

Анна Ивановна открывает портфель, достает оттуда тетрадки.

— Вот, — говорит она Марусе, — раздай девочкам. Сейчас мы будем писать.

— Они все уже проверенные? — озабоченно спрашивает Маруся.

— Да, — отвечает Анна Ивановна. — Конечно. Все проверены. Маруся раздает тетрадки.

— Ай-ай-ай! — говорит она тоном Анны Ивановны, обращаясь к одной из девочек. — Разве можно так горбиться. Сядь прямо.

Девочка невольно выпрямляется. Однако весьма удивленно смотрит на Марусю.

Анна Ивановна улыбается. Укоризненно качает головой.

Прихожая.

Раздается звонок.

Бабушка торопливо открывает дверь.

Чинно входит в прихожую Маруся.

Тихо и сдержанно говорит:

— Здравствуй, бабушка!

— Что с тобой? — встревожено спрашивает бабушка. — Ты заболела?

— Нет, бабушка! Просто я — дежурная сегодня, — отвечает Маруся. — Дежурные ведут себя очень хорошо. Я так устала...

— Ну так же, как я после дежурства в клинике, — говорит, улыбаясь, вошедшая мама.

— Знаешь, мама, ведь я теперь вроде Анны Ивановны, — говорит Маруся важно.

— Как? — удивляется мама. — Тебя и в учительницы произвели?

— Я дежурная, мама! Порядок в нашем классе на ком? На мне. Кто ребят выстраивает на перемене? Я. Они меня слушаются. А почему? А потому, что я дежурная. Понимаешь, мама?

— Очень даже хорошо понимаю.

— Мамочка! — говорит Маруся. — У меня к тебе большая просьба. Проверь, пожалуйста, будильник. Поставь его на шесть, как сегодня.

— Зачем в такую рань, — удивляется мама. — Ведь ты сегодня уже отдежурила.

— Так надо, мама! Если я завтра опоздаю — все пропало.

Утро. Еще очень рано.

Школа еще заперта.

Маруся ждет, сидя на ступеньках.

Школьная раздевалка.

Во всем ряду вешалок висит только одно Марусино пальто.

Маруся с красной повязкой на руке вытирает классную доску. Вытирает парты.

Поливает цветы, стоящие в классе.

Открывает форточку.

Все это проделывает очень быстро и уверенно.

И вот в пустом классе на месте Анны Ивановны снова сидит Маруся и ждет девочек.

Наконец класс заполнился первоклассницами.

Нина, сев на место, раскрывает свою сумку, достает пенал, тетради и, к восторгу своих соседей, куклу. Толпа окружает Нину. Восторженные возгласы.

— Платьице какое!

— Чистенькое какое!

— Сама сшила, сама стирала! — объясняет Нина.

— Ой, ой! Глаза!

— Ой, туфли!

Суровая Маруся спешит на шум. Раздвигает плечом толпу. Пробирается к парте.

Нина усадила куклу возле чернильницы. Заботливо оправляет ей прическу.

— Это что такое? — спрашивает Маруся негодующе.

— Это кукла! — отвечает Нина.

— Зачем?

— Чего зачем?

— Не чего, а что. Зачем принесла куклу в школу! А?

— Потому что дома нельзя ее оставлять. Вовка у нас уже большой парень, пять лет ему, а все лезет в куклы играть.

— А тебе жалко маленькому брату дать игрушку? — качает головой дежурная.

— Не жалко, а разобьет он.

Маруся наклоняется над куклой.

— Правда, бьющаяся... — бормочет она. — Крючок неправильно застегнут... Ой, чулочки! Чулочки какие...

Опершись локтями о парту, дежурная на несколько мгновений предается блаженному созерцанию. Но вот она опомнилась.

— Сейчас же унеси ее домой! — приказывает Маруся. — Школа — для учения.

— Не понесу! — говорит Нина упрямо.

Девочки ропщут.

— Куда ее нести!

— Пусть останется!

— Она опоздает на урок.

— Тише! Я дежурная! — кричит Маруся. — Ну не хочешь нести — посади ее обратно в сумку.

— Пусть она так посидит до звонка, — просит Нина.

— Нельзя! — отказывает дежурная. — Спрячь.

Нина сидит не двигаясь, прижимает куклу к себе.

— Спрячь! А то запишу!

Нина сидит, не двигается. Маруся направляется к доске.

— Записываю! — говорит она торжественно.

Нина всхлипывает.

Весь класс притих, пораженный зловещей угрозой Маруси.

— Маруся, не записывай! — умоляет Вера. — Я боюсь!

— Н-и-н-а, — записывает непреклонная Маруся.

Нина с таким вниманием глядит на нелегкую Марусину работу, что даже всхлипывать перестает.

— С-о-к-л...

— Ошибка! — кричит Нина. — Где?

— Пропустила «О»! Соколова надо, а ты: Соклова.

Нина бежит к доске.

— Вот сюда «О» надо. И «С» у тебя за линейку зашло...

Маруся вносит поправки, указанные Ниной.

Но вдруг в класс вихрем врывается пышноволосая Галя. Видит девочек у доски и чуть не роняет сумку от возмущения.

— Это что такое? — кричит она строго.

— Маруся Нину записывает, — сообщает Вера печально.

— Зачем?

— Запишет, а потом Анне Ивановне скажет. Маруся дежурная.

— Кто дежурная?! — вскрикивает Галя возмущенно.

— Я дежурная! — отвечает Маруся.

— А вот нет.

— А вот да.

— Дежурная сегодня я! — сердится Галя. — Не смей доску пачкать. Скоро звонок, а доска не вытерта. Пусти, я вытру.

— Я сама вытру! — отвечает Маруся и стирает тщательно свою запись, все забыв перед лицом столь серьезной опасности.

— Снимай нарукавную повязку! — приказывает Галя.

— Не сниму!

— Посмотри расписание! Анна Ивановна говорила, что сегодня мне дежурить!

Маруся только головой трясет упрямо. Галя бежит к цветам.

— И цветы полила! — ужасается она. — Что за плохая девочка! Доску вытирает, за порядком следит... Я скажу Анне Ивановне.

Звонит звонок.

— Девочки! По местам! Звонок! — кричит Галя.

— Не слушайте ее, а слушайте меня! — кричит Маруся. — По местам! Девочки!

— Анна Ивановна идет! — сообщает Верочка, стоящая у дверей.

Все разбегаются по местам. Входит Анна Ивановна. Девочки встают бесшумно.

— Здравствуйте, девочки! Садитесь! — говорит учительница и сама садится за свой стол.

— Ну-с, кто сегодня у нас дежурит?

Встают Галя и Маруся.

Говорят хором:

— Я!

Анна Ивановна взглядывает на обеих внимательно.

Догадывается сразу, в чем дело.

— Так, так, так! Понимаю! — говорит учительница. — Кому-то из этих двух девочек ужасно жалко рас-

статься с нарукавной повязкой. Маруся, верно я говорю?

Маруся молчит.

— Не хочется тебе сдавать дежурство?

— Очень, — вздыхает Маруся.

— А почему?

Маруся молчит.

— Потому что дежурную все должны слушаться?

Маруся молчит.

— Ну отвечай же! Маруся!

— Я не знаю, — отвечает Маруся. — Но только мне очень понравилось дежурить. Я думала, вы мне позволите еще подежурить. Пожалуйста!

— Нет, Маруся! — говорит Анна Ивановна. — Если бы всем от этого была польза — разрешила бы. Но Галя будет дежурить не хуже тебя. А ты сумей себя так вести, чтоб тебя уважали и слушались и без нарукавной повязки. Садись! Сегодня дежурить будет Галя.

Маруся угрюмо садится и отдает Гале нарукавную повязку.

Пока Анна Ивановна достает из шкафа какие-то школьные принадлежности, Маруся рисует на листе бумаги невероятное страшилище.

Ставит под ним подпись: «Галька».

И улыбается, чувствуя себя отмщенной.

Вечер.

Мама читает у стола. Бабушка шьет. Маруся сидит за уроками. Пишет так старательно, что даже язык высунула. Но вот она откидывается на спинку стула. Глядит на свет и щурится.

— Мама, — спрашивает она. — Тебя подруги слушаются?

Мама улыбается.

— Иногда слушаются, — отвечает она.

— А когда?

— Когда я бываю права.

— А почему, когда смотришь на свет, лучики бегут от лампы к глазам?

— Не знаю, — рассеянно говорит мама, продолжая читать.

— А вот Анна Ивановна — все знает, — говорит Маруся. — Вот сегодня пришла, только взглянула и сразу узнала, что Галька у меня хочет отобрать дежурство.

— Ну и что она сделала? — спрашивает бабушка.

— Ну и велела мне дежурство сдать.

— Почему же?

— Не хотела, чтоб я все дежурила да дежурила. Хочешь, чтоб тебя слушались, — пожалуйста, веди себя хорошо. А дежурить нечего там. А то привыкнешь, потом и не отвыкнешь.

Мама опускает книжку.

— Значит, Галя правильно отобрала у тебя дежурство?

— Ничего не правильно, — возмущается Маруся. — Терпеть ее не могу. Анна Ивановна правильно сказала, а Галя неправильно. Фу! Галька... Волосы у нее дыбом стоят. Прямо как дым вокруг головы. А на солнце — так, как будто светится через них! Фу!

— А ведь вы с ней дружили недавно?

— Дружили, когда я ей ручку отдала. А потом она Шуре сказала, будто я сказала, что Нина сказала, что она с Шурой не играет.

— Да, — говорит мама. — Запутанная история.

— Конечно, запутанная! — подтверждает Маруся.

— Вот мальчики не ссорятся из-за таких пустяков, — говорит бабушка.

— Они не ссорятся, они дерутся, — отвечает Маруся.

— Я знаю одну девочку, которая совсем недавно тоже подралась с мальчиком, — говорит мама многозначительно.

— Мама! — удивляется Маруся. — Как это недавно? Это было совсем давно.

— А по-моему, всего с месяц назад это случилось, — говорит мама.

— Ну да? — неуверенно спрашивает девочка.

— Уверяю тебя.

— Нет, нет, это было очень давно, — отвечает Маруся твердо. — Я была тогда совсем не такая.

Мама встает.

Заглядывает в Марусину тетрадь.

— Красиво? — спрашивает Маруся.

— Ничего себе, — отвечает мама.

— Вот еще строчку напишу — и готово! — сообщает Маруся.

Она пишет. Мама глядит.

— Дай мне одну букву написать, — просит мама.

— Ой! — пугается Маруся. — Ты не умеешь.

— Как — не умею! — улыбается мама. — Я все-таки женщина с высшим образованием.

— Нет, нет, — кричит Маруся. — Ты «В» неправильно пишешь заглавное! И «р» маленькое. Я на конверте видела. Анна Ивановна не так велит писать.

— Ну хорошо! — соглашается мама. — Не буду. Ты так вкусно пишешь, что мне тоже захотелось было попробовать.

— А ты, мамочка, возьми листок и садись возле, — предлагает Маруся. — Я тебе буду показывать.

— Да ладно уж, потерплю, — отвечает мама.

— Я бы тебе позволила, но Анна Ивановна сказала, что за домашнюю работу она завтра отметки будет ставить, — сообщает Маруся.

Появляется страница тетради. Знакомая рука пишет новое заглавие:

ПЕРВАЯ ОТМЕТКА МАРУСИ

Маруся сидит за партой и глядит на свою тетрадь. Улыбается.

Под ее домашней работой стоит четверка.

— Анна Ивановна! — ноет одна девочка. — Почему вы всем поставили отметки, а мне нет?

— Ты болела и отстала от класса.

— Как же я теперь? — ноет девочка. — У всех отметки есть, одна я несчастная.

Маруся весело бежит домой.

И вдруг видит — по улице ей навстречу бежит Сережа.

Он тоже очень весел.

Быстро прыгает на ходу.

Чтобы не встретиться со своим врагом в воротах, Маруся останавливается у витрины магазина.

Делает вид, что разглядывает выставленные там совсем неинтересные электроприборы и радиолампы.

Сережа вошел уже было в ворота, но вдруг заметил папиросную коробку, лежащую возле урны с мусором.

Подлетает лихо к урне. Поддевает коробку носком, бьет, как футбольный мяч.

Делает несколько неудачных ударов по воротам. И наконец забивает гол и исчезает.

Маруся пускается было в путь, но Сережа вновь вылетает из ворот.

Теперь он ведет воображаемый мяч, обманывая воображаемого противника.

Вот футболист исчезает наконец.

Переждав, Маруся осторожно заглядывает в ворота, входит во двор и видит:

Сережа делает героические усилия, чтоб загнать уже сильно помятую папиросную коробку в подъезд.

Сумка его расстегнулась. Болтается на руке.

А посреди двора на асфальте лежат букварь и растрепавшаяся тетрадь.

Сережа, увлеченный игрой, ничего не замечает.

Маруся останавливается.

Поглядывает то на тетрадь с букварем, то на их владельца.

То отойдет, то вернется.

Никак не может решить, как ей поступить в данном случае.

А Сережа уже загнал коробку на ступеньки.

Вот-вот, сейчас-сейчас скроется он за дверью!

Порыв ветра распахивает тетрадь.

И Маруся видит: Сережа тоже получил сегодня отметку.

Тоже четверку!

И товарищеские чувства одерживают верх.

Маруся кричит. Кричит очень неопределенно. Нечто вроде «оуа» или «ауо». Просто для того, чтобы Сережа обернулся.

Нет! Не действует этот неопределенный крик на отчаянного футболиста.

— Эй, ты! — зовет тогда Маруся.

И это не помогает.

— Сережа! — кричит она наконец.

Мальчик оглядывается.

Маруся молча показывает ему на тетрадь. И, не оглядываясь, направляется к своему подъезду. Сережа хватает тетрадь и букварь. Кладет в сумку.

— Фасоня! — кричит вслед Марусе неблагодарный мальчик.

Маруся не оглядывается.

— То-то. Посмирнела, — радуется Сережа.

— Кто посмирнел? — не выдерживает Маруся.

— Да ты! — кричит мальчик.

Маруся возвращается.

— Это я посмирнела? — спрашивает она угрожающе.

— А то кто?

— И не стыдно, — качает головой Маруся. — Я твою тетрадку нашла с четверкой, а ты ругаешься.

— Разве это с четверкой тетрадь выпала? — ужасается Сережа.

Лезет в сумку.

Достает мокрую тетрадь, заглядывает в нее. Говорит:

— Эх, ты!

— И я четверку получила! — сообщает Маруся.

Достает свою тетрадь. Показывает Сереже.

— Хм… — говорит Сережа неопределенно. — Я бы пятерку получил, да пятно учительница нашла. Вот, видишь?

И Сережа показывает отпечаток своего пальца на уголке страницы.

— Я говорю ей, что у меня руки не отмываются. Не верит!

— Строгая? — спрашивает Маруся.

— Ого! — отвечает Сережа. — А у вас?

— Не знаю, — отвечает Маруся. — Мы ее любим.

— А мы тоже, — сознается Сережа. — Когда она рассказывает сказки, особенно. В классе «Б» не такая. Они свою хвалят, но это глупости.

— А кружки у вас есть? — спрашивает Маруся.

— Ого! Сколько угодно, — говорит Сережа. — Ритм! Слышала такое слово?

Вместо ответа Маруся, напевая, проделывает ряд ритмических движений.

Сережа не без грации делает то же самое.

— А уголок живой природы есть у вас? — спрашивает Сережа.

— Ого! — отвечает Маруся. — Самый красивый в школе. Ну, до свидания, а то бабушка там, наверное, измучилась, не знает, сколько мне поставили.

Дети расходятся.

— А гимнастика есть у вас? — кричит Маруся из дверей своего подъезда.

— Есть! — кричит Сережа. — А на экскурсии вас водят?

— Во-о-одят! — откликается Маруся издали.

Маруся вбегает в прихожую.

— Бабушка! — радостно вопит она. — Я с Сережей не подралась! Поговорила и не подралась. Честное слово!

— Чудеса! — удивляется бабушка. — А еще какие новости?

— Хорошие! Очень! — ликует Маруся. — Я отметку получила.

— А какую? — спрашивает бабушка.

— Четверку! Гляди! — ликует Маруся. — Бабушка! Что ж ты не радуешься? Ведь четверка — это близко к пятерке!

Вновь появляется страница тетради в косую линейку. Детская рука старательно пишет название новой главы:

ДНИ ШЛИ ЗА ДНЯМИ, НЕДЕЛИ ЗА НЕДЕЛЯМИ

Вновь следуют одна за другой короткие сцены.

Класс.

За окнами стоят голые деревья.

Ряды парт. Девочки склонились над работой.

Все пишут чернилами.

— Эту фразу начнем с новой строки, — диктует Анна Ивановна.

Маруся старательно пишет, обмакивая ручку в чернила.

Снова класс.

По проходу между партами идет Анна Ивановна.

Она раздает девочкам новую книгу.

— Уберите букварь. Вот вам новая книга. По ней мы будем читать.

В руках у Маруси первая книга для чтения. Вот ее обложка — яркая и заманчивая.

А вот другая книжка.

Эту книжку держит в руках пионервожатая Валя. Мы видим ее сидящей за столом, окруженной первоклассницами.

Мы видим класс, в котором это происходит.

Сегодня класс выглядит необычно.

Парты придвинуты к стене. Всюду следы работы. Еще не убраны обрезки бумаги, банка с клеем, ножницы.

Первоклассницы готовятся к годовщине Октября.

Класс убран флажками.

Еловыми ветками украшена рама с портретом товарища Сталина.

За окнами уже темнеет.

В классе горит электричество.

Пионервожатая Валя читает вслух:

«Ленину было ясно — победа близка. Владимир Ильич каждый день посылал письма в Петроград — товарищам Сталину, Дзержинскому, Свердлову. В письмах он давал указания о том, как начинать вооруженное восстание. Из ленинского шалаша шли в Петроград приказы. Шалаш стал штабом революции, — читает Валя. — И вот в ночь на 7 ноября 1917 года в Петрограде началось восстание...»

На парте сохнет только что сделанный руками девочек плакат.

Портреты Ленина и Сталина по краям плаката. А посредине лозунг:

«Да здравствует XXX годовщина Октября!»

Школа уже одета по-праздничному. На фасаде большой плакат:

«Да здравствует XXX годовщина Октября!»

Портреты Ленина и Сталина, алые флаги висят над подъездом.

Валя читает. Голос ее продолжает звучать:

«Самое любимое место Ильича было у большого пня среди ивовых кустов. Там Ленин любил работать. Садился на землю, клал на пень листы бумаги и писал...»

Из подъезда школы выходит Маруся. Она глубоко сосредоточена. О чем-то думает.

Только что прочитанный рассказ оставил, очевидно, неизгладимый след в ее памяти.

Маруся идет по улице.

Бормочет что-то. Иногда даже жестикулирует, рассуждая вслух. Улыбается.

Марусе кажется, что Валя продолжает читать. Она совсем слышит ее голос:

«Ильич часто забывал про еду; вспоминал, что очень голоден только тогда, когда ему приносили со станции завтрак.

Однажды разливские ребята поймали в озере большую щуку и принесли ее в шалаш. Перед шалашом у Ленина висел на колышках котелок...»

Идет Маруся и вдруг останавливается.

Ей преградили путь.

— Гражданка! Отчего вы такая сердитая?

Маруся поднимает голову, опомнившись. Дядя Володя стоит перед нею, улыбается.

— Ох, дядя Володя, я задумалась! — отвечает Маруся.

— О чем, позвольте узнать?

— Нам книжку читала Валя. Как Ленин жил в шалаше.

— Хорошая книжка?

— Очень! Счастливая Валя, так читать умеет хорошо!

— А кто такая Валя?

— Не знаете? Пионервожатая наша!

— Ты, значит, пионерка?

— Ой, что вы! — смущается Маруся. — Нам нельзя еще. Пионеры, знаете, какие должны быть? Еще придется поучиться. Вы не к нам идете?

— Нет, от вас, — отвечает дядя Володя. — Уже поздно. Дома беспокоятся, почему ты так долго не идешь. Я за тобой. Пойдем, провожу. Голодна, небось?

— Ох, дядя Володя! — говорит Маруся. — Сегодня такой день. И читали нам. И мы готовились к годовщине Октября. И нам дали отметки за первую четверть.

— Очень хорошо, — говорит капитан, доставая записную книжку. — Ведь я сегодня улетаю в Заполярье. Поэтому и у вас был. Мама посылает твоему папе письмо. Бабушка — варенье. А ты чем отца порадуешь к празднику? Пятерок сколько?

— Три! — отвечает Маруся. — Русский устный. Поведение. Пение.

— Так! — капитан записывает. — Четверок много?

— Немного. Одна. Русский письменный.

— Так! Троек?

— Остальные тройки. Потому что я спешу очень... Все тороплюсь куда-то. Но Анна Ивановна обещает, что я исправлюсь.

— Понятно! — говорит капитан. — Так и доложим. Желаю тебе дальнейших успехов.

Снова класс.

Девочки решают контрольную работу.

Маруся пишет быстро. Торопится, как на пожар.

Несет листок Анне Ивановне.

— Опять ты первая, — качает головой Анна Ивановна. — Все проверила?

— Все, все!

— А то проверь еще, у тебя есть время.

— Нет, нет, — говорит Маруся. Садится на место. Заглядывает в тетрадь соседки, ахает и хватается за голову.

— Вот, то-то и есть! — говорит Анна Ивановна.

Первоклассницы облепили окно.

Девочки в восторге. За окном падает первый снег. Кружатся легкие снежинки.

Деревья смежного сада уже покрыты снегом.

Зима.

В парке, куда вышли сейчас девочки на урок природы, много снега.

Девочки разрывают его ногами.

— В глубине, под снегом, — рассказывает детям Анна Ивановна, — прячутся от мороза корни трав. Прикрытые сверху снежным одеялом, они не замерзнут. И почки деревьев плотно закрыты, как дверь в комнату. Туда, вовнутрь, не заберется мороз. Так они и будут жить теперь до весны.

Школьный зал.

Девочки на уроке ритмики.

Под музыку проделывают они теперь уже сложные ритмические упражнения.

В том же зале.

Девочки на уроке пения.

Стройно звучит детский хор.

Первоклассницы разучивают новогоднюю песню. Песня эта слышна в классе, где девочки старательно, под руководством пионервожатой Вали, высунув языки, клеят игрушки на елку. Готовятся к встрече Нового года.

И здесь, на площади, звучит эта песня. Вот она, зимняя, праздничная, новогодняя Москва.

Большая роскошная елка на Манежной площади.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ НОВЫЙ 1948-й год!»

Страница в косую линейку с новым заглавием:

И ВОТ ПРИШЛИ НОВОГОДНИЕ КАНИКУЛЫ

Дворник Иван Сергеевич, сидя на корточках на полу в кухне, занимается серьезным и сложным делом —

вставляет большую елку в деревянную крестовину. Мохнатые колючки мешают ему, лезут в лицо, но он ловко орудует топором, не сдается.

Мама и бабушка помогают дворнику — держат непокорную елку.

Маруся раздвигает осторожно ветки, чтобы они не кололи Ивану Сергеевичу лицо.

Вдруг Иван Сергеевич спрашивает совершенно серьезно:

— А скажите, не напрасно ли я стараюсь?

— Как напрасно? — удивляется Маруся. — Почему напрасно, Иван Сергеевич?

— А вдруг ты не заслужила елку? Какие у тебя отметки?

Маруся улыбается со скромной гордостью.

— Скажите ему, мама, бабушка!

— У нее всего одна четверка, — сообщает бабушка с удовольствием — русский письменный. Остальные — пятерки.

— Ого! — говорит Иван Сергеевич с уважением. — Ну, с такими отметками и погулять не стыдно.

— Ой, скорее бы завтра, — ноет Маруся. — Сейчас украсим елку. Потом еще чай попьем... Умываться надо... Да раздеваться... Да пока усну... Да пока проснусь... Нет, не дождаться мне этого дня.

— Дождемся! — улыбается мама. — Давай-ка лучше сообразим, кого же мы в гости позовем. Сколько нам с бабушкой пирожков печь.

— Давайте! — говорит Маруся. — Ну... значит... прежде всего Галю позовем.

— Постой, постой! Ведь ты же с ней в ссоре, — говорит бабушка.

— Я? С Галей? — удивляется Маруся. — Ну что ты, бабушка! Галя очень хорошая девочка. Потом Веру... Она очень славная. Нину еще непременно. Шуру, Асю, Олю, Катю, Майю, Зину, Наташ всех трех. У нас в классе три Наташи, мама.

— Порядочно, — говорит Иван Сергеевич.

— Ни в каком классе столько нет! Потом Светлану, Клару.

— Маруся! У нас тарелок не хватит столько! — ужасается бабушка.

— Они из блюдечек поедят! — говорит Маруся. — Ой! Еще Женю. Еще Симу....

— Погибли! — говорит мама. — Погибли, погибли!

— Кто? — удивляется Маруся.

— Мы с бабушкой! — объясняет мама. — Ну куда мы денем столько народу?

— Сейчас, сейчас! — говорит Маруся. — Еще Олю, Надю, Лиду, Тамару, Люсю, Лену...

— Батюшки! Весь класс! — хохочет бабушка.

— Ну, чем же я виновата, что у нас девочки такие хорошие, — жалуется Маруся.

— Нет уж, зови только самых лучших знакомых. Иначе нам не разместиться, — говорит мама решительно.

— Мама! Они все теперь мои лучшие знакомые.

— Придется выбирать, — говорит мама.

— Ой! — вздыхает Маруся. — Люсю одну позвать — Лена обидится. Они на одной площадке живут. Тамару не звать — жалко. Она и так вчера двойку получила.

— Ну и пусть дома сидит, учится, — говорит Иван Сергеевич.

— Нет, жалко, — возражает Маруся.

— Вот Сережу бы я позвала! — говорит мама. — Раньше он бывал у тебя.

— Ну вот еще! — говорит Маруся. — Ни за что не позову.

— Вы же теперь в дружбе?

— Нет, в ссоре. Вчера чуть не подрались. Он Лизиного котенка хотел со двора к себе домой унести.

— Было, — говорит Иван Сергеевич.

— Ну, думай, Маруся! Думай! — торопит мама.

— Ладно уж! Я только свою колонку в гости позову, — решает Маруся.

— Сколько же это будет — колонка? — заинтересованно спрашивает Иван Сергеевич.

— Только четырнадцать девочек!

Иван Сергеевич выпрямляется.

— Елка готова — можно звать, — говорит он.

Прихожая завалена пальто, рейтузами, шапочками, ботами.

Елка стоит прямая, как стрела. Ладная, густая. И словно по призыву волшебника, на ней загораются свечи, сверкают игрушки, поблескивает золотой дождь. Сияет, искрится на удивление красиво украшенная елка.

Музыка, веселые детские голоса.

К столовому столу приставлен еще кругленький столик и под углом к ним — мамин письменный.

Девочки пьют чай.

Маруся угощает.

— Пожалуйста, девочки, еще. Попробуйте конфеты с витаминами. Папа прислал мне за пятерки. Они из Заполярья летели. Возьмите пирожки, у нас их целая гора.

Звонок.

— Ой! — кричит Маруся радостно. — Еще кто-то пришел!

Она открывает дверь.

Сережа стоит угрюмо на площадке. В руках сверток.

— Здравствуй! — говорит он.

— Здравствуй! — отвечает Маруся.

— Мама велела, чтобы я тебе передал… — докладывает он мрачно и протягивает сверток Марусе.

— А что это? — не понимает Маруся

— Яблоки.

— Какие?

— Какие-какие! Дедушка привез из Крыма. Целый ящик. Мама велела, чтобы я тебе подарил к Новому году.

Мама выходит в переднюю.

— Что же ты, Сережа? Войди, а то дует.

Сережа входит.

— Здравствуйте, Нина Васильевна! — говорит Сережа басом.

— Раздевайся, заходи.

— Не хочу.

— Почему?

— Не хочу. Там девчонки одни.

— Не девчонки, а девочки, — поправляет Маруся.

— Ну пусть, — соглашается Сережа. — Не пойду, все равно.

— Полно, полно тебе басом разговаривать! — смеется мама. — Девочки тебя не обидят. Идем!

Столы убраны.

Дети играют в различные игры.

И Сережа играет со всеми вместе.

От его мрачной застенчивости не осталось и следа.

Он хохочет, заливается точно так же, как и все девочки.

Гости ушли.

Мама и бабушка занимаются уборкой.

— Тише, тише! — говорит бабушка. — Марусю разбудим.

— Ничего, — отвечает мама. — Она набегалась. Ее теперь и пушками не разбудишь.

Мама заглядывает в спальню и охает тихонько.

— Иди-ка, полюбуйся! — зовет она бабушку.

Бабушка подходит и видит.

Маруся и не думает спать.

Она сидит на кровати, закутавшись в одеяло, поджав ноги. В руке у нее книжка. Она читает с глубоким увлечением.

— Первый раз вижу! Подумать только! — шепчет мама. — Дочка зачиталась... с увлечением читает. Понимаешь?

— Да уж чувствую, не объясняй! — сияет бабушка.

Мама тихонько входит к Марусе.

— А спать кто будет, дочка? — спрашивает она ласково.

— Мама! — говорит Маруся, поднимая глаза от книги. — Это та самая книжка! Ты подарила мне ту самую книжку! Помнишь, я тебе рассказывала.

— Какую? — спрашивает мама, притворяясь удивленной.

— Что нам Валя читала — А. Кононов. «Рассказы о Ленине». Я думала, что их только вслух можно читать. Открыла... Ой! Знакомое! Попробовала прочесть одну строчку, потом другую. И вдруг ка-а-к зачиталась! Мамочка! Как интересно! Я, значит, всякие книжки могу теперь читать!

— Теперь ты только спать можешь, — улыбается мама.

— Ой, мамочка, сейчас усну. Еще немного подумаю и усну! — обещает Маруся. — Я вот о чем думаю... Как хорошо было бы, если бы Ленин и Сталин, когда были маленькие, жили бы в нашем доме. А, мамочка? Во дворе играли бы. И я с ними... Мамочка, я знаю, что это так... выдумка... но только это очень интересно...

Маруся задумывается.

— Ну, девочка, что? — спрашивает мама.

— Только я не знаю, как их называть... Если бы они были маленькие, я все равно называла бы их... Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович. Верно?

— Спи, девочка, спи, родная! — просит мама.

— Сейчас, сейчас, мама! Еще минуточку! Ты только послушай.

И Маруся читает вслух по книжке:

«...а хозяйство из ленинского шалаша — топор, котелок, чайник и коса — находится в Музее Ленина в Москве».

— Хватит, девочка, — говорит мама строго. — Спи. Уже поздно. Завтра обо всем поговорим.

— Ну, хорошо. Раз, два, три! Засыпаю! — отвечает Маруся и с головой покрывается одеялом.

Появляются предметы хозяйства ленинского шалаша — топор, котелок, чайник и коса.

Маруся и мама идут по Музею Ленина.

— Вот они, мамочка, правда, — радуется Маруся, увидев знакомые предметы.

Маруся разглядывает их с глубочайшим вниманием.

— Как интересно, мама. Значит, в книжках правду пишут.

На странице в косую линейку написано следующее заглавие:

И ВОТ КАНИКУЛЫ КОНЧИЛИСЬ

Маруся входит в класс. Вид у нее очень важный и солидный. Под мышкой книга — драгоценный мамин подарок. Девочки радостно бросаются ей навстречу. Верочка первая торопится рассказать важную новость.

— Маруся! — кричит она. — Смотри! У нас новенькая! Она все болела, болела, а теперь к нам пришла.

И Маруся видит: на парте сидит незнакомая худенькая стриженая девочка. Озирается с ужасом.

— Боится, — сочувственно замечает Верочка.

— Как тебя зовут, девочка? — спрашивает Маруся.

— Ася! — отвечает новенькая робко.

— Бояться не надо! — говорит Маруся наставительно. — Здесь твои подруги. Никто тебя не обидит. Ты читать умеешь?

— Да! — отвечает девочка.

— А писать?

— Умею. Я вас догнала. Вот!

И Ася показывает девочкам свои тетради. Девочки окружают ее толпой.

— Смотри-ка! — говорит Маруся. — Правда! Кто тебя научил?

— Мама.

Маруся несколько ошеломлена.

— Погоди-ка, погоди… — говорит она. — А доска у вас дома была?

— Нет.

— Значит, к доске ты не умеешь выходить?

— Нет.

— Ага! — радуется Маруся. — Дома разве так научишься. Ну, ничего. Сейчас мы тебе покажем все. А как здороваться с учительницей, знаешь? Нет. Вот смотри. Девочки, сядьте. Я буду Анна Ивановна.

Маруся вихрем выбегает из класса.

Затем входит не спеша, приветливо улыбаясь.

Девочки встают.

Новенькая тоже.

— Здравствуйте, девочки! Садитесь, — говорит Маруся. — Ася, вставать надо тихо. Грохот мешает заниматься другим. К доске, Ася. Без шума. Ровненько. На место. Это не пустяк. Первоклассницы должны ровненько ходить. Поняла?

— Ага! — говорит Ася.

— Не ага, а да, — поправляет Маруся. — Первоклассницы должны правильно разговаривать. Это у тебя что такое? — спрашивает Маруся, указывая на подбородок.

— Борода, — говорит девочка.

— Вот и не знаешь! Подбородок, надо знать. А это переносица. Правильно разговаривать надо.

— А это лоб? — спрашивает ошеломленная Ася.

— Да, Ася, это лоб, — отвечает Маруся. — Но если ты хочешь спросить что-нибудь — поднимай руку.

— Только пальцами не щелкай! — кричит Галя.

— Тише, тише! Я объясняю, — говорит Маруся. — Да, пальцами не щелкай. Анна Ивановна и так все увидит. Она все видит. Ой! Сколько ей еще объяснять надо! А сейчас звонок.

— Про вежливость ей скажи! — кричат девочки наперебой. — Про то, что она теперь не одна. Что от наших двоек всей школе обидно! Чтоб домой не уходила, пока звонок не зазвонит! Про уголок живой природы! Про экскурсии! Про кружки скажи! Что ссориться нельзя!

Ася оглядывается во все стороны растерянно. Звонит звонок. Ася вздрагивает.

— Не вздрагивай! — говорит Маруся строго. — Это звонок. Бояться нечего. Не подсказывайте, — останавливает девочек Маруся. — Я сама знаю. Вот что… Мы научились, что такое мы… Понимаешь?

— Нет, — честно признается Ася.

— Мы — знаешь что такое! Первоклассницы. Мы друг за друга. А вся школа за нас. А шеф — завод Сталина — за всю школу. И мы за них… Вот так и веди себя. Понятно? Писать можно и дома научиться, а это…

Звонит звонок. Ася вздрагивает.

— Не вздрагивай! — повторяет еще раз строго Маруся. — Это звонок. Бояться нечего.

— Одна девочка тоже вздрагивала, а потом стала Героем Советского Союза, — успокаивает Верочка.

— Анна Ивановна идет! — сообщает дежурная.

Асе шепчут со всех сторон.

— Встать не забудь! Без шума.

— Руку подымай, когда захочешь спросить.

Входит Анна Ивановна.

Девочки бесшумно встают.

А бедная Ася, заметавшись, встает с грохотом. Делает шаг к доске, поднимает одну руку, потом другую.

С шумом что-то вываливается из парты и катится по полу. Анна Ивановна улыбается.

— Успокойся, Ася, — говорит она. — Я уже вижу. Девочки хотели научить тебя всему зараз. Ничего, не обижайся. Это они любя. Они забыли, что сами росли да умнели понемножку. Ото дня ко дню. И часто поворачивали обратно. Садитесь, девочки.

Девочки усаживаются.

— Ну, девочки, поздравляю вас с Новым годом и новым учебным полугодием! — говорит Анна Ивановна. — Теперь мы пойдем вперед еще быстрее, чем шли до сих пор.

На косых линейках тетради знакомая рука выводит последнее название главы:

КАК МАРУСЯ ПРОПАЛА

Ясный весенний день.

Снега почти не видно.

От скверика в Марусином дворе, от потемневшей снеговой горки бегут по асфальту веселые ручьи.

Маруся, Галя и Вера работают, помогают весне. Деревянными лопатами разгребают снег, бросают его в воду.

Сережа выбегает из подъезда.

— Хорошо, что в воскресенье и вдруг хорошая погода. Верно? — говорит он весело.

— Очень даже хорошо, — поддерживает Вера.

— Хочешь играть с нами? — предлагает Галя.

— Мне некогда. Я сейчас иду вербу покупать. Учительница сказала, что если принесем в класс вербу и поставим в уголок живой природы, то беседа будет интересная, — сообщает Сережа.

— А где ее продают? Нам тоже нужно! — оживляется Маруся.

— За углом, у сквера.

— Подожди, и мы пойдем! — просят девочки.

— Пошли! — соглашается Сережа.

Маруся вихрем врывается домой.

— Бабушка! — кричит она. — Дай скорей денег. Вербу надо купить для школы. Ее у сквера продают, за углом.

— Хорошо, — говорит бабушка. — Только не пропадайте.

— Не пропадем, бабушка! — говорит Маруся. — Как найдем вербу, так и вернемся.

Дети у скверика за углом. Они огорчены.

— Вчера тут стояла одна, позавчера, — жалуется Сережа. — А сегодня не приехала...

— Воскресенье, — вздыхает Вера. — У нее выходной.

— Я поеду, — говорит Сережа.

— Куда?

— За город. Сам найду вербу. До свиданья!

И Сережа бежит на остановку. Вскакивает на площадку трамвая.

— Когда вернешься? — кричит Маруся.

— Через час! — отвечает Сережа.

И уезжает очень веселый.

— Вот... У них будет в уголке верба, а у нас нет... — жалуется Галя.

— Давай поедем! — предлагает Маруся. — А? Давайте, девочки. Анна Ивановна обрадуется! Вот, скажет, молодцы. Вербу принесли.

— А дома?

— А дома я сказала: как найдем вербу — так и вернемся. Ну? Едем. Живенько. Солнышко какое. В окно будет интересно смотреть.

Трамвай идет уже по городским окраинам. Маруся, Галя, Вера глядят в окно. Вот вокруг пошли деревья и поля. Вагон опустел.

Бородатый добродушный дядя поглядывает на девочек.

— Первоклассницы, а первоклассницы! — окликает он их. — Это вы куда же едете?

— Вербу искать, — отвечает Вера.

— А откуда вы знаете, что мы первоклассницы? — спрашивает Маруся.

— А я сам первоклассник! — улыбается бородач. — Своих сразу узнаю.

Девочки смеются.

— Напрасно смеетесь! — говорит бородач. — Мне только семь лет. Но я великан. А великаны растут не по дням, а по часам. Вон каким дяденькой я в семь лет вырос.

И девочки, и бородач смеются.

— Ну, а теперь без шуток, — говорит бородач. — Зачем вам верба?

— Для уголка живой природы. Если найдем — будет беседа про растения! — объясняет Маруся. — Мы это любим.

— Вот это радует мое сердце! — говорит бородач. — Если говорить без шуток — я ученый. То, что называется ботаник. Всю жизнь занимаюсь растениями и знаю о них массу интересных вещей.

— Ой! Приезжайте к нам в класс. Расскажите! — просят девочки.

— Приеду, — отвечает бородач. — С удовольствием. Вы из какой школы?

— 156-й, — отвечает Галя.

— Запомню, — говорит бородач. — Ну так вот. У меня сейчас лекция, а то бы и я поехал с вами за вербой.

Бородач встает.

— Сойдите через две остановки. Оглядитесь внимательно. И увидите вербу, если ее уже всю не обломали. Кстати, дома знают, что вы отправились за вербой?

— Бабушка знает, — отвечает Маруся.

— Ну, то-то! — говорит бородач. — До свидания! — Он пожимает руки девочкам и сходит с трамвая.

Девочки идут по лесу.

Оглядываются.

Не видать вербы!

Здесь снега еще много, куда больше, чем в городе. Совсем как зимой.

Девочки оглядываются.

— Пойдем назад! — просит Вера. — Здесь очень уж тихо. Ой!

Девочки шарахаются в сторону.

Мокрый снег срывается с веток, тяжело шлепается на землю. Какая-то птица пролетает между стволами. Хлопает крылом.

— Что, испугалась! — поучительным тоном говорит Маруся. — Это птица. Кажется, дятел. На юг не улетает. Питается насекомыми. Смешно птиц пугаться. Не маленькие.

— Нет, правда, идем. Мне тоже в город захотелось... — просит Галя. — И правда, тихо тут очень.

— Ладно уж, идем! — соглашается Маруся. Девочки поворачивают, и вдруг лица их расплываются в улыбке.

Они видят — белка замерла на ветке и внимательно разглядывает детей.

— Белочка! — взвизгивают хором девочки.

Белочка, распушив хвост, прыгает в чащу.

— Где она? — шепчет Галя.

— Белочка! Где ты? На, на, на! — зовет Маруся.

— Смотрите! — шепчет Вера.

С высокого дерева снова глядит на ребят любопытный зверек.

Девочки тихонько, стараясь не дышать, крадутся поближе к белке.

Забыты все страхи.

На лицах — полный восторг.

Девочки исчезают в чаще.

Бабушка стоит у окна.

Глядит на улицу.

Солнце скрылось за тучами.

Поднялся ветер.

Снег начинает падать крупными хлопьями.

Вьется по ветру.

Бабушка одевается.

Выходит во двор.

Сережа идет по двору.

— Сережа! Ты Марусю не видел тут с ее подругами? — спрашивает бабушка.

— Видал! — отвечает Сережа. — Только давно. Я уехал за город. А они возле скверика стояли. За углом.

Бабушка идет по улице.

Заглядывает в скверик.

Там пусто.

Лес.

Девочки бредут между деревьями.

Вера плачет.

Галя ворчит.

— Это ты виновата! Поедем! Поедем! Вот и заблудились.

— Замолчи! — говорит Маруся сурово. — Анна Ивановна говорит, что в беде дружно держаться надо. Будешь ссориться, я тебя за косу дерну.

— Такой дикий лес! — плачет Вера. — Совсем дикий лес. Как на картинке.

— Мы сюда на трамвае приехали! — сердится Маруся. — А до диких лесов сколько недель надо добираться? Забыла?

Некоторое время девочки идут молча.

— Тише, — говорит Маруся.

Девочки прислушиваются.

Где-то, трудно понять где, как будто в верхушках деревьев, что-то поет, гудит, протяжно и жалобно. Девочки жмутся друг к другу в страхе.

— Я говорила... — шепчет Вера. — Это лес какой-то не такой... Белка завела нас да и бросила.

— Это вот что гудит! — кричит радостно Маруся. — Это телеграф! Проволоки на ветру гудят. Вот они!

И действительно, смутно видимые в падающем снеге и между белыми лапами деревьев тянутся телеграфные провода.

— Идем! — зовет Маруся. — Пойдем под проволоками и придем на какой-нибудь телеграф. И дадим домой телеграмму: простите, мы заблудились. Маруся, Галя, Вера.

Радостные, поглядывая все время наверх, чтобы не потерять своего друга и проводника, бегут девочки по темнеющему лесу.

Сильно повеселев, они начинают петь хором:

— Ты гуди, гуди, гуди! Ты гуди, гуди, гуди!

Марусе приходит в голову продолжение:

— И нас до дому доведи...

Дети приветствуют эту находку радостным смехом. Теперь они поют хором две строчки:

— Ты гуди, гуди, гуди и нас до дому доведи.

Скачут, вертятся волчками. Бегут туда, куда ведет их телеграфный провод.

И вдруг останавливаются пораженные. Крутой, очень крутой обрыв открывается у самых их ног. Замерзшая река тускло поблескивает внизу. Телеграфный провод ныряет вниз, бежит к столбу на противоположном пологом берегу. Исчезает в лесу.

— Ничего! — говорит Маруся. — С другой стороны найдем станцию телеграфную. Поворачивай!

Галя плачет.

— Ничего! — говорит Маруся. — Ничего! Мы... немаленькие.

И вдруг, обняв подруг, она разражается отчаянным ревом.

— Темнеет! — плачет она. — Темнеет! Что будет! Что будет!

В Марусиной столовой. Марусина мама, Марусина бабушка, Верина мама и Галина мама.

— Спасибо, Анна Ивановна! — говорит мама и вешает трубку.

— Сейчас учительница придет сюда, — говорит мама. — Позвонит на радио, позвонит в милицию.

Кабинет начальника милиции. Начальник говорит по телефону.

— Все понятно, товарищ учительница. Сейчас передам телефонограмму по всем отделениям. Срочно прикажу искать.

Комната дежурного в отделении милиции. Дежурный принимает телефонограмму. Повторяет вслух слово за словом:

— Три девочки, ученицы первого класса...

Дежурная комната в другом отделении, другой дежурный пишет, повторяя:

— ...156-й школы ушли из дому утром...

Третий дежурный третьего отделения пишет:

— ...и не вернулись. Принять срочные меры к розыску...

Милиционер выбегает из отделения милиции.

Застегивает на ходу шинель.

Вскакивает на мотоциклет.

Мчится по улице.

Анна Ивановна в столовой у Маруси. Говорит успокаивающе:

— Найдем, найдем. И милиция ищет их. И ученицы мои бывшие, теперь семиклассницы, обходят всех Марусиных подруг. Спрашивают...

И мы видим одну из них — пионервожатую — на площадке лестницы. Она звонит. Ей открывает Нина.

— Нина Соколова? — спрашивает вожатая. — К тебе не заходили сегодня Маруся, Галя и Вера?

— Нет! — отвечает испуганно Нина. — А что?

— Потом узнаешь! — отвечает вожатая.

И бежит вниз по лестнице.

И мы снова видим Анну Ивановну, которая продолжает:

— И шефам я позвонила. Директор послал свою машину, на случай, если понадобится.

Под окном громко гудит сирена автомобиля.

— Да вот машина и приехала уже, — говорит Анна Ивановна. — И на радио…

Репродуктор на улице говорит громко:

— Три девочки, ученицы первого класса 156-й школы…

Знакомый нам бородач, ботаник, останавливается как вкопанный у репродуктора.

— Маруся Орлова, — продолжает репродуктор, — Галя Боромыкова и Вера Петрова ушли сегодня утром и не вернулись. Просьба ко всем видевшим их сообщить по телефону — центр 5-32-36.

Бородач достает из кармана кошелек. Из кошелька гривенник. Бежит в дверь, возле которой висит табличка: «Телефон-автомат».

По шоссе мчится большой автомобиль. В автомобиле Анна Ивановна, бородатый ботаник, офицер милиции.

Следом — автомобили и мотоциклисты с милиционерами.

Девочки бредут по лесу.

Выходят на большую поляну.

Идут очень медленно.

— Бежит кто-то, — шепчет Галя. — Ой! Волк! Волк!

И действительно, большая темная тень приближается к девочкам огромными шагами. Девочки бегут в ужасе.

Вера оглядывается.

Волк все ближе и ближе.

В отчаянии Верочка валится в снег. Закрывает руками голову.

Кричит:

— Спасите меня! Пожалуйста, спасите! Дорогие! Милые!

Маруся оборачивается и видит: подруга беспомощно зарылась головой в снег.

Маруся хватает торчащую из снега палку. И не помня себя, отчаянно размахивая ею, бросается на выручку.

Галя, помедлив, идет за нею следом.

— Пошел вон! Пошел вон! Немедленно! — кричит Маруся волку.

И волк останавливается вдруг.

— Ага! — ликует Маруся. — Испугался! Вставай, Вера! То-то! Нас трое, а волк один! Ага! Сел?

Волк и на самом деле сел.

Поднял голову.

Залаял отрывисто, громко, выразительно, как будто призывая кого-то.

— Собака! Волки не лают, Анна Ивановна говорила.

— Вставай, Вера, — ликует Галя.

Вера встает.

Маруся отряхивает снег с ее шубки.

И вдруг девочки видят…

…Далеко, далеко в черной мгле за поляной загораются огоньки. Они блуждают между деревьями, как бы переглядываются, перемигиваются. И наконец, выстроившись полукругом, двигаются вперед к девочкам.

— Разбойники… — шепчет Вера.

— Нет, нет, нет! — кричит Маруся восторженно. — Собаки разбойникам не помогают. Это милиция. Они ищут кого-нибудь.

Маруся бросается к собаке.

Пес, большой немецкий овчар, виляет хвостом, но когда Маруся хочет погладить его — увертывается. А когда Маруся хочет побежать вперед, он загораживает ей дорогу.

Рычит предостерегающе.

— Пусти! — просит Маруся. — Мне надо сказать милиционерам, чтоб они нам показали дорогу.

Пес не слушается.

— Пусти! Мы ведь не бандиты. Мы просто нечаянно убежали.

Пес отказывается считаться с этими доводами.

— Ничего, они все равно сюда идут, — говорит Галя.

И действительно — цепь черных фигур двигается вперед. Теперь видно, что огоньки — это электрические фонари в руках идущих.

Вот луч света падает на тесно прижавшихся друг к другу девочек.

И они слышат знакомый голос.

— Маруся! Галя! Вера!

Девочки ахают тихонько.

— Девочки! Почему вы не откликаетесь? — встревоженно спрашивает знакомый голос.

— Анна Ивановна! — вскрикивает Маруся.

Девочек окружает целая толпа. Здесь и бородатый ботаник, и пионервожатая, и милиционеры. И вот сама Анна Ивановна подходит к девочкам.

— Ну, девочки, — говорит Анна Ивановна. — Вы меня очень обидели. Что же это выходит? Учились мы, разговаривали, дружили, и все напрасно!

— Так ведь мы за вербой для уголка живой природы... — бормочет Маруся чуть слышно.

Девочки со всей свитой идут по дороге.

На повороте дороги бородач оказывается возле девочек.

— Да... — говорит бородач, — обидели учительницу. Да еще какую учительницу. Часу не прошло, как она полгорода на ноги поставила... И все, чтобы вам помочь. Нехорошо...

Мчится автомобиль.

Девочки сидят возле Анны Ивановны. Не спускают с нее глаз. Маруся робко поднимает руку.

— Ну? Говори! — разрешает Анна Ивановна.

Маруся встает. Но машину качает. Девочка чуть не падает.

— Да уж ладно, говори сидя, — разрешает учительница.

— Вы, Анна Ивановна, не думайте, — говорит Маруся робко, — мы чему-то научились.

— Например? — спрашивает Анна Ивановна.

— Например, не ссорились. Потом не боялись, не плакали, особенно пока не стемнело.

— Так! — говорит Анна Ивановна. — А потом?

— А потом... Потом все старались этого... как его... не падать духом... И дружно вели себя...

— Она меня от волка спасала! — сообщает Вера.

— От какого волка? — удивляется Анна Ивановна.

— От собаки, которая нас нашла. Но только мы ведь не знали тогда, что это собака. Думали — волк. Я упала. Кричу. А Маруся прямо на волка. Ругает его.

— Вот это уже меня утешает немного, — говорит Анна Ивановна.

Девочки сидят в классе.

И вдруг в дверь входит незнакомая учительница.

— Садитесь, девочки, — говорит незнакомая учительница. — Эти дни заниматься с вами буду я. Анна Ивановна, бродя в лесу по снегу в поисках наших беглянок, простудилась и заболела. У нее ревматизм.

Маруся мрачно опускает голову.

Комната Анны Ивановны. Обычная, простая и уютная.

Анна Ивановна сидит в кресле. Вид у нее совсем домашний.

На плечи накинут теплый вязаный платок. Ноги, закутанные одеялом, покоятся на маленькой скамеечке.

В комнате деловито и старательно хозяйничает девочка лет двенадцати.

Она то осторожно поправит одеяло в ногах у Анны Ивановны, то незаметно натянет на плечи Анны Ивановны платок.

Больную учительницу пришли навестить Маруся и Марусина мама.

Мама сидит напротив Анны Ивановны. Маруся стоит возле мамы.

— Ну, Маруся, — говорит мама, — торопила, торопила меня: «Идем навещать Анну Ивановну. Скорее идем». А пришли... и язык отнялся?

Маруся печально и вместе с тем крайне удивленно во все глаза глядит на непривычный для нее вид учительницы. На незнакомую девочку. Анна Ивановна замечает этот взгляд. Улыбается.

— Удивляешься, Маруся? — спрашивает она.

— Да! — отвечает Маруся.

— А чему?

— Я не знаю... — шепчет девочка.

— Ну, давай разберемся! — предлагает Анна Ивановна. — Ты удивляешься... Учительница — и вдруг заболела. Так?

Маруся кивает головой.

— Ты до сих пор думала, что учительницы никогда не устают, никогда не страдают, не огорчаются, никогда им не бывает грустно?

— Анна Ивановна! — бросается к ней Маруся. — Я больше не буду! Анна Ивановна! Выздоравливайте, пожалуйста!

— Хорошо, постараюсь, — улыбается учительница и гладит девочку по голове.

Девочки сидят за партами.

— Идет! — кричит от дверей Галя и пулей летит на свое место.

— На меня смотрите! — шепчет Маруся.

Анна Ивановна входит в класс.

Девочки встают так легко и бесшумно, что это просто удивительно.

— Здравствуйте, девочки. Садитесь, — говорит Анна Ивановна.

Девочки садятся.

И вдруг все поднимают руки.

— Что такое? Что вы мне хотите сказать? — удивляется Анна Ивановна.

Девочки встают, взглядывают на Марусю.

Она взмахивает руками, и весь класс говорит хором, негромко:

— Мы очень рады, что вы поправились.

— И я очень рада видеть вас, — говорит Анна Ивановна. — Честно скажу, без вас я соскучилась. И еще вам признаюсь вот в чем: мне понравилось, как вы меня дружно встретили — все как один. Так мы и будем работать все время: дружно. И вот, наконец, когда придет настоящая весна, когда расцветут цветы и листья распустятся на деревьях...

И мы видим скверик во дворе Марусиного дома.

Листья на деревьях распустились. Цветы цветут на клумбах. Маруся, бабушка и мама в кухне занимаются хозяйством.

— Ой, бабушка! Ой, мама! Сегодня последний день! Сегодня скажут, во втором я классе или нет. С ума сойти! — волнуется Маруся.

Звонок.

Входит знакомый нам по началу картины почтальон.

Держит в руках телеграмму.

— Здесь проживает Маруся Орлова? — спрашивает он строго.

— Вот я! — отвечает девочка.

— Вам телеграмма, — говорит почтальон. — Распишитесь.

— Пожалуйста, — отвечает Маруся небрежно.

— Карандашик возьмите, — предлагает почтальон.

— Что вы! Что вы! — ужасается Маруся. — Я не маленькая! Я давно уже чернилами пишу!

Она убегает в комнату и возвращается с чернильницей.

Почтальон протягивает ей квитанцию.

— Без линеек! — пугается Маруся. — И места очень мало...

— А вы сколько поместится, столько и напишите, — разрешает почтальон.

Бабушка, мама, почтальон наклоняются над Марусей.

Она пишет старательно: «М. Орло...»

— Ничего, достаточно! — говорит почтальон.

Он подает Марусе телеграмму:

— Читайте!

— Пожалуйста, — отвечает Маруся. Читает: — «Поздравляю дочку переходом второй класс...» — И вдруг Маруся останавливается. Краснеет. — Одно слово не могу прочесть! — сознается она упавшим голосом.

— Какое?

— «Тчк», — пробует произнести Маруся.

— А... Это значит — точка. Это сокращение такое, — объясняет почтальон.

— Неправильное сокращение! — говорит Маруся твердо.

— А вы не обращайте внимания. Читайте, — предлагает почтальон.

Маруся читает:

— «...Завтра днем прилечу. Целую. Папа».

Маруся оглядывает всех и бросается обнимать и целовать бабушку, почтальона, маму.

Маруся получила свой табель.

На этот раз у нее в табеле одни пятерки.

И внизу стоит определение педагогического совета: *перевести во второй класс.*

— Маруся, — удивляется Анна Ивановна, — неужели ты не рада?

— Я не рада? — удивляется Маруся в свою очередь. — Что вы! Ой, не рада!.. Я только думала... что табель на этот раз будет не такой, как всегда.

— А какой же?

— Я не знаю... Я думала — с золотыми полями. С цветочками... Ведь второй класс! Это с ума сойти можно!

Маруся, мама и папа идут на вечер в школу. Когда они проходят мимо репродуктора, музыка обрывается.

Торжественный голос произносит:

— Поздравляем школьников и школьниц, перешедших сегодня во второй класс!

— Нас поздравляют! — говорит, гордо улыбаясь, Маруся.

...Зал школы. Праздничный, нарядный. Выстроились рядами все первые классы — виновники сегодняшнего торжества.

Учительницы, как командиры, стоят возле своих учениц.

Во главе с Анной Ивановной в первом ряду — первый класс «А».

— Поздравляю вас! — говорит директор школы. — От всей души поздравляю вас, девочки. Закончился ваш первый учебный год. Потрудились вы честно, во всю свою силу, — и вот у вас праздник сегодня. Вы поднялись на целую ступеньку выше. Теперь все вы — ученицы второго класса сто пятьдесят шестой советской школы. Набирайте побольше сил за лето и поскорее возвращайтесь в школу. До нового учебного года. До первого сентября!

Все громко хлопают в ладоши.

В зале много гостей.

Вот мальчики из соседней школы со своей учительницей, приглашенные специально по такому торжественному поводу. Среди них Сережа.

В зале — родители, шефы с завода, знакомый нам бородатый ученый ботаник.

Открывается занавес. На сцену выходит Маруся.

Она объявляет:

— Сейчас мы, ученицы первого класса…

За кулисами шум.

Девочки высовываются из-за кулис, подсказывают Марусе, перебивая друг друга:

— Второго! Второго!

Маруся смущается, но сразу соображает, в чем дело. Поправляется:

— Я нечаянно ошиблась. Сейчас мы, ученицы второго класса, будем выступать.

В полном составе выходит на сцену второй класс «А».

Девочки поют:

Первый класс!
В первый раз
Год назад ты принял нас.
Перешли мы во второй
И прощаемся с тобой.
Мел, доска, картины, карты
Вместе с нами перейдут.
Чуть повыше станут парты,
Вместе с нами подрастут.

Полюбили мы друг друга,
За подруг стоим горой,
И со мной моя подруга
Переходит во второй.

А учительница что же?
Бросит разве нас с тобой?
Нет, учительница тоже
Переходит во второй.

Так, дорогою веселой,
Мы шагаем, вставши в строй,

Вместе с классом, и со школой,
И со всей родной страной.

Первый класс!
В первый раз
Год назад ты принял нас.
Перешли мы во второй
И прощаемся с тобой.

Конец

Дневники

ИЗ ЗАПИСОК 1957 г.

26 февраля

Незаметно и скромно встретили мы Новый, сорок первый, год. Он притворялся смирным, но я давно заметил, что несчастен не високосный год, а следующий за ним. Все было тихо, слишком тихо.

9 марта

Итак, 20-го или 21 июня попали мы с Наташей* на учение ПВХО. Вечер. Нас — случайных прохожих — загнали в чей-то двор. Стальное, нетемнеющее небо. Тишина — как всегда после животного и вместе механического воя сирен. Условно отравленного газами несут на носилках через площадь. И опять мертвая тишина и неподвижность, и я боюсь, что Наташа простудится, — она вышла в легком платьице, без пальто, думали, что сразу вернемся домой. А отбой все не давали, не давали, не давали. И я, отведя Наташу домой, был уверен, что завтра она непременно простудится, столько времени продержали нас в этом чужом дворе. Утро 22 июня было ясное. Завтракали мы поздно. На душе было смутно. Преследовал сон, мучительный ясностью подробностей, зловещий. Мне приснилось, что папа мертвый лежит посреди поля» Мне нужно убрать его тело. Я знаю, как это трудно, и смутно надеюсь, что мне поможет Литфонд. У отца один глаз посреди лба, и он заключен в треугольник, как «Всевидящее око». Ужасно то, что в хлопотах о переносе тела мне раз и другой приходится шагать через него, — таково поле.

* Дочь Е. Л. Шварца (*Примеч. ред.*).

И вдруг я не то слышу, не то вспоминаю: «Тот, кто через трупы шагает, до конца года не доживет». Я по вечной своей привычке начинаю успокаивать себя. Припоминать подобные же случаи в моей жизни, которые окончились благополучно, но не могу припомнить. Нет, никогда не приходилось мне шагать через трупы. Я рассказываю свой сон Кате, и она жалуется на страшные сны. Она видела попросту бои, пальбу, бомбежки. В двенадцать часов сообщают, что по радио будет выступать Молотов. Я кричу Кате: «Дай карандаш! Он всегда говорит намеками. Сразу не поймешь. Я запишу, а по[то]м подумаю». Но едва Катя дает карандаш, как раздается голос Молотова, и мы слышим его речь о войне. И жизнь разом как почернела. Меня охватывает тоска. Не страх, нет, а ясная, без всяких заслонок, тоска. Я не сомневаюсь, что нас ждет нечто безнадежно печальное. Мы решаем ехать в город. Я иду к Наташе. Выхожу с ней пройтись напоследок. Покупаю ей эскимо. Но и Наташа в тоске.

14 марта

Вот приезжает с фронта Герман, сообщает, что Луга взята. Рассказывает о мальчиках, которые держат передний край. Они знают, что обречены, но по-спортивному, подчеркнуто спокойны: читают книжку, разорвав ее на части. Авантюрный роман. Читают в окопах. Передавая друг другу часть за частью. И, услышав его рассказ, я вспоминаю, как шел в той же Луге через запруду на озере, где водопад, и вода кипела. И два мальчика со спортивным, строгим, холодноватым выражением лица, им лет по шестнадцать, ныряли с плотины в этот водопад спиной, будто совершали обряд, так строго.

15 марта

Однажды утром услышал я знакомый всем голос Сталина[1]. Он по радио называл нас «братья и сестры», говорил непривычно — голос дрожал. Слышно было,

как стучит графин о стакан — пил воду. Он призывал к созданию народного ополчения. И все пошли записываться. Записался и я в Союзе писателей у Кесаря Ванина[2]. И вот я уже получил приказ явиться в Союз к такому-то часу с кружкой и ложкой. Мне было 45 лет, нервная экзема оборвалась сама собою недели за две до этого приказа, чувствовал я себя здоровым. Призраки молодых, убиваемых ежедневно, тревожили совесть. Я спешил в Союз, смущенный одним, — предстояла новая жизнь, которую я не мог себе представить. В Союзе ждала меня отмена приказа — решением обкома группа писателей поступала в ведение радиовещания. Я шел домой столь же ошеломленный. Я боялся, что не смогу работать на радио так, как это нужно. Однако именно с этого времени начала меня отпускать тоска. На радио я словно бы нашел свое место в том, что до сих пор вертело мной без всякого смысла. А тут вдруг я работал быстро, легко, и меня хвалили, без чего ощущение найденного места было бы для меня невозможно. Примерно в это же время, а может быть, немного раньше, началась работа над пьесой «Под липами Берлина»[3]. Писали я и Зощенко по очереди акт за актом, точнее, картину за картиной. Пока репетировалась одна, писалась другая. Нет, это, видимо, было раньше чуть-чуть. Представив себе ясно репетиции в Театре комедии, испытал я знакомую тоску. Видимо, это происходило в июле, а спокойнее я себя почувствовал в августе. Июль. Жарко. Репетиции идут в нижнем фойе. Окна закрашены синим для затемнения. И я с ужасом замечаю синие отсветы на руках и лицах актеров и потом только догадываюсь, что это солнечный свет прорывается через закрашенные стекла. Спектакль никакого успеха не имел. Шел 41 год, а в пьесе довольно похоже описывались события 45-го. Паника в Берлине и прочее — кто же тогда мог поверить, что это возможно. И пьесу скоро сняли с репертуара.

16 марта

А писателей, взятых в ополчение, объединили, и они попали под командованием Сергея Семенова, высокого, похожего на монгола и всегда как будто не то ушедшего в свои мысли, не то растерянного чуть-чуть, — человека чистейшего, но не военного. И все ополчение представлялось мне похожим на Сергея Семенова. То один отряд выйдет прямо на немцев — необученный, безоружный, то другой пойдет на учение, а окажется в самом пылу боя. И никто не дрогнет. В одном из боев, как узнали мы с ужасом, погиб возле Елены Александровны Чижовой[4] ее единственный сын. Они выносили из боя раненого командира, и снаряд прикончил его, и оторвал голову Славушке, и только легко контузил Елену Александровну. Однажды репетировали мы, как всегда, «Под липами Берлина», и вдруг лица актеров, подсвеченные синим, приняли виноватое, мягкое выражение — Елена Александровна заходила к директору и, возвращаясь, шла мимо нас. Репетицию прервали. Мы окружили Елену Александровну. Мы не знали, о чем говорить с ней, старались только быть как можно ласковее. Однажды у Акимова встретил я художника, молодого, из его учеников. Он состоял в воинской части особого рода — они ходили по тылам противника. То, что человек вполне гражданский превратился вдруг в настоящего военного, да еще подобного рода, поразило меня. Он рассказывал о ночных нападениях на часовых, об убийствах просто, как о театральной постановке, и я удивлялся простоте, с которой слушал его. Через неделю-другую он не вернулся из очередного рейда, погиб. «Европейская гостиница» перестала существовать, превратилась в госпиталь. Я все прыгаю во времени, но лето 41-го до 8 сентября спуталось у меня в один клубок. Вот шагаю я по Литейному и вижу, как в небе над крышами домов летают черные листики сгоревшей бумаги. Жгут архивы. Ночью у комендантского управления вдруг выстраиваются гуськом грузовики. Неведомо откуда по-

является слух, вскоре подтверждающийся, — эвакуируют офицерские семьи. Это, следовательно, еще до взятия Мги. Воздушные тревоги каждый день — и всегда безрезультатные — летают разведчики. Вот тревога застает меня на углу Владимирской.

17 марта

Всех прохожих гонят в бомбоубежище, но никто и не думает туда отправляться. Не верят. Все толпятся во дворе, очень мне знакомом, — это те самые зажатые домами переходы к гостинице Палкина, где жили мы в 21 году, двадцать лет назад, приехав в Ленинград. И то время, беспокойное, голодное, ничем не подкрепленное, словно висящее в воздухе, представляется мне сегодня таким спокойным и прочным. Голод на Волге, магазин Помгола на углу, с крысами, дерущимися по ночам в витринах, крушение нашего театра — ах, как все хорошо и просто рядом с той тоской, что пришла с войной. В небе ИЛы начинают вдруг словно бы карусель, ходят, утопая в голубизне, друг за другом, а мы смотрим спокойно и тихо, не обсуждая, что там творится. Вот загнали нас в ворота дома, где обл- или горздравотдел, недалеко от цирка. Тут встречаю я Брауна в военной форме. Он пережил недавно отступление от Таллина, но говорит о чем угодно, кроме этого. Я знаю, что взорван был с воздуха корабль, на котором он шел. Он заставил подобрать в шлюпку двух девиц, погибавших на глазах оравнодушевшей команды. Корабль, подобравший Брауна, погиб в свою очередь. И тут спасенные им недавно девушки втащили их на какой-то плотик. Подобрал их эстонский моторный парусник, капитан которого собирался свернуть к немецким берегам, но был обличен моряками, находящимися среди спасенных. Отступление от Таллина! Погиб Марк Гейзель[5] из «Ленинских искр». Он соскочил с трамвая и догнал меня, чтобы сообщить о назначении в Таллин и попрощаться. Длинный,

молодой, преждевременно лысеющий со лба еврей. В 1933 году жили мы в Разливе по соседству. И я познакомился с его женой, хорошенькой женщиной чуть японского типа, и маленькой девочкой. Однажды нашла она на пляже крестик и закричала: «Мама, погляди, сломанный фашистский знак». И вот теперь Марк Гейзель погиб. Утонул Орест Цехновицер[6], и кто-то видел с корабля, как он тонет. Тощий, с длинной шеей, крупным ртом, высокий, занимающий свое место уверенно и неуступчиво. Он готовил книгу о Достоевском. И вот погиб. Утонул Князев[7], тихий и внимательный. А мы выслушали это и приняли к сведению. Тоска первых дней войны начала проходить. Мы оравнодушели.

18 марта

Тот удар, причинивший почти физическую боль, с какой услышал я о смерти Левы Канторовича[8], заменился унылыми тычками, словно тебя, связанного, в сотый раз бьют мимоходом чем попало. Мы притерпелись. Вся моя жизнь привела к одному печальному открытию: человек может притерпеться к чему хочешь. Просто удивительно, что может он принять как должное, где ухитрится дышать... И чем. И в конце концов перестать удивляться, что живет подвешенный за ногу к потолку, в крови и навозе. Война вдруг стала нормой. Во всяком случае, мы разговаривали и даже шутили. А когда работа на радио пошла, то и смертная тоска моя стала рассеиваться понемножку.

21 марта

Как всегда случается в несчастные времена, каждый день приносил новые несчастья. Бомбежки повторялись теперь каждый вечер, в одно и то же время, примерно часов в восемь. Катя шла к воротам, а я поднимался на чердак. Запах копоти и пыли. Ощущение полной бессмыслицы твоего пребывания тут. Разве только что зажигательные бомбы попадут сюда, тогда нам найдется

работа. Плачущие немецкие самолеты. Зенитки бьют все реже. Почему? И тут нашлось объяснение — чтобы не обнаружить себя. Разговоры чем-то напоминали 37 год. Как тогда старались угадать, почему такой-то арестован, так теперь гадали, почему он так упорно бомбит Моховую улицу, где никаких военных объектов нет. Вообще в те дни мне казалось, что самое безопасное место — военные объекты. Ленинградские мосты так и не пострадали, как ни старались их разбомбить. Думаю, что Моховой улице доставались бомбы, которыми целились в Литейный мост и НКВД. Завывающий немецкий самолет над городом до того шел вразрез со всем твоим жизненным опытом, со всем человеческим, что казался не страшным, а идиотским. И часто умозрительное представление, что разрушенный жакт* с повисшими среди развалин кроватями и бессмысленно уцелевшим шкафом или зеркалом должен кого-то испугать, — никак не подтверждалось. Город ожесточался — и только. И как хочешь называй, но страха не было. Каждый веровал, что бомба минует его дом. В разгар тревоги пожарное звено, состоявшее из домработниц, вдруг затевало танцы.

24 марта

К бомбежкам прибавились у нас обстрелы — не такие усиленные и регулярные, как в последующие годы, но вполне ощутимые. Первый же день коснулся нас. Рядом, в Шведском переулке, был убит старый наш дворник, и управхоз хоронил его, и все ежился потом весь вечер, и вздыхал, и начинал говорить речь, да не договаривал. Вечер был вдвойне беспокойный — налет и артобстрел. Бомбоубежище наше все еще не было готово. И вот договорились, что на сегодняшнюю ночь отправим мы детей наших в Малегот, бывший Михайловский театр. Я нес на руках маленькую Наташу Заболоцкую, спокойную

* Жилищно-арендное кооперативное товарищество (*Примеч. ред.*).

и сонную, а рядом шагала Катерина Васильевна, вела Никиту. Когда переходили мы пешеходный Итальянский мостик, обстрел усилился. Отчетливо слышен был и сухой звук выстрела, и пухлый звук разрыва где-то за церковью Спаса-на-крови. Вот и Малый оперный театр повернулся неожиданной стороной. Предъявляя пропуска, пробрался я с детьми в какие-то ясно освещенные, сводчатые подвалы, о существовании которых и не подозревал. Здесь уже разместились целые семейства — не то вокзал, не то сон. Я попрощался с Заболоцкими и ушел в свою путаницу, в свой жакт. Наконец в положенное время привели в порядок и наше бомбоубежище — длинное полуподвальное помещение под тем корпусом надстройки, что выходил на улицу Перовской. Скоро и здесь установился свой безумный военный блокадный быт. Переехали к нам летом Данько и Ахматова.

25 марта

Однажды днем зашел я по какому-то делу в длинный сводчатый подвал бомбоубежища. Пыльные лампочки, похожие на угольные, едва разгоняли темноту. И в полумраке беседовали тихо Ахматова и Данько, обе высокие, каждая по-своему внечеловеческие, Анна Андреевна — королева, Елена Яковлевна — алхимик. И возле них сидела черная кошка... Пустое бомбоубежище, день, и в креслах высокие черные женщины, а рядом черная кошка. Это единственное за время блокады не будничное ощущение. Мы становились все равнодушнее и равнодушнее к налетам. Управхоз какого-то дома на Литейном проспекте вывесил объявление: «Граждане, ваша храбрость приводит к излишним жертвам». Это касалось очередей возле продовольственного магазина, которые отказывались расходиться во время бомбежек. Мы оравнодушели ко всему, кроме голода. Да, к голоду привыкнуть было невозможно. Я каждый день ходил в Дом писателя, где выдавали мне судок мутной воды и немного каши. И в булочной получали мы 125 грамм

хлеба. И несколько монпансье. И все. Тревоги и дежурства все продолжались. И в положенное время, когда подходила моя очередь, дежурил я на посту наблюдения. Ясное звездное небо. На северной стороне неба словно пульсирует часть горизонта. Северное сияние. Если поднимались тревоги, то видели мы трассирующие пули, слышали зенитки, но все реже и реже. И уж никто не говорил, что скрываются они от наших ночных истребителей. В октябре примерно стали эвакуировать на самолетах известнейших людей Ленинграда. Шостаковича, Зощенко. Решили эвакуировать Ахматову. Она сказала, что ей нужна спутница, иначе она не доберется до места. Она хотела, чтобы ее сопровождала Берггольц. И я пошел поговорить с Ольгой об этом.

26 марта

Примерно за неделю до этого Молчанов, ее муж, человек на редкость привлекательный, пришел поговорить со мною о Берггольц. Я совсем не знал его раньше.

Жизнь свела нас с Берггольц во время войны. Я смотрел на этого трагического человека и читал почтительно то, что написано у него на лице. А написано было, что он чистый, чистый прежде всего. И трагический человек. Я знал, что он страдает злейшей эпилепсией, и особенное выражение людей, пораженных этой божьей болезнью, сосредоточенное и вместе ошеломленное, у него выступало очень заметно, что бывает далеко не всегда. И глаза глядели угнетенно. Молчанов пришел поговорить по делу, для него смертельно важному. Он, влюбленный в жену и тяжело больной, и никак не умеющий заботиться о себе, пришел просить сделать все возможное для того, чтобы эвакуировать Ольгу. Она беременна, она ослабела, она погибнет, если останется в блокаде. И я обещал сделать все, что могу, хотя понимал, что могу очень мало. Вопросы эвакуации решались все там же, глубоко или высоко, что простым глазом не разглядеть. То, что Ахматова потребовала провожатую, упрощало вопрос.

Но необходимо было согласие Берггольц. И впервые в жизни отправился я в маленькую квартиру на Невском, где-то напротив улицы Перовской. Длинные комнаты, которые считал я в студенческие времена приносящими несчастье. Синие обои. Скромная мебель. И среди этой обстановки, рассчитывающей на жизнь обычную, человеческую, встретил меня Молчанов. Божеская болезнь еще явственнее отпечатана была на его лице. Наверное, недавно перенес припадок. Ольга оказалась дома, и я не спросил, а решительно заявил, что ей надо вылетать вместе с Ахматовой, если она не хочет гибели замечательной поэтессы. Слезы выступили у Ольги на глазах. Она побледнела, села на подоконник, и я рассказал ей, как обстоят дела. Но через два дня Ольга решительно отказалась эвакуироваться с Ахматовой, и с ней отправилась в путь Никитич[9]. Первым умер у нас дома с голоду молодой актер по фамилии Крамской, по слухам — внук художника. Умер сразу — упал в коридоре.

27 марта

У нас появился жилец — Женя Рысс. Он, засидевшись, остался у нас ночевать раз и другой, а потом раздумал возвращаться в свою брошенную, полуразрушенную квартиру. А я привык каждый вечер слушать его рассказы. В нашем плену от них так и веяло свободой, о чем бы Женя ни рассказывал, — о поездке в Ташкент в двадцатых годах, о путешествии в Мурманск и оттуда на траулере. К чужим воспоминаниям, ставшим как бы своими, прибавились и рассказы Жени Рысса. Он принадлежал к тому разряду художников, которые начисто лишены потребности писать. Время ли его таким сделало или беспорядочность воспитания, но он жил не для того, чтобы писать, а чтобы жить. Поэтому он так много путешествовал, так легко влюблялся.

И так щедро рассказывал об этом. Для него это был единственный органический способ высказаться. А пи-

сал он напряженно, держа себя за шиворот, не отпуская от письменного стола, будто каторжника от тачки. И прелесть, и подлинность, и естественность голоса — то, что так радовало, а в те дни даже опьяняло меня в его устных рассказах, — в сочинениях превращалось в сочинение. Потом пили мы чай, честно деля паек. И, наконец, раскладывали пасьянс. В эти трудные времена мы все были немножко суеверны, и Женя, как я, придавал значение тому, выходит ли он и как часто выходит. Однажды Женя не пошел на фронт почему-то. И мы вместе собирались в Союз писателей. Вдруг объявили воздушную тревогу. Мы вяло обсуждали, идти или не идти. Он ухитрился в те дни потерять все документы и боялся, что какая-нибудь дежурная его задержит. Вдруг услышали мы знакомый удар, и дом наш закачался так сильно, что лампочка закрутилась над столом.

И телефонная трубка зацарапала о стену. Значит, где-то рядом разорвалась фугаска. Мы взглянули друг на друга и засмеялись. В те дни выработался этот странный способ отвечать на нечто выходящее из привычного ряда. Вскоре тревогу отменили. И, выйдя на канал Грибоедова, мы остановились невольно. Разрушен был дом, замыкающий наш отрезок канала. По Мойке — № 1, по Марсову полю — 7-й, тот, где живут теперь Панова, Катерли, Герман, Рахманов, Браусевич. Его сильно ударило колуном в самую середину. У дома с самым будничным выражением стояли грузовики, увозили покойников. Дом, уничтоженный среди белого дня, с такой простотой — тут проявлялась особая подлость и холодность войны.

28 марта

Большой драматический театр эвакуировался еще до того, как замкнулось вокруг Ленинграда кольцо. И в его помещение перебрались Управление по делам искусств и Театр комедии. Выглядело по-новому, по-бытовому,

когда работник управления Карская, столь знакомая нам по премьерам, где принимала или отвергала постановки, тут вдруг обитала в одной из актерских уборных, находилась на казарменном положении. И самое удивительное было то, что никого это не удивляло. Обитает — и все тут. И только когда она двигалась привычной стройной, подтянутой походкой, горделиво поднимая из ватника свою длинную шею, Милочка Давидович сказала: «Лебедь на казарменном положении». Здесь, в Союзе писателей, на радио — вот где я бывал.

На радио однажды поднялась тревога, и нас загнали в бомбоубежище. Тут я понял лишний раз, что нет с моей стороны никакой заслуги в том, что не хожу я в бомбоубежище. Чувствовать себя насильно загнанным в щель, над которой возвышается многоэтажное здание, хуже, чем стоять на чердаке. Страшнее. И вообще было тоскливо. И упала фугаска недалеко. Кто-то пытался дозвониться в это время до издательства «Советский писатель». И не мог. А потом выяснилось, что бомба ударила в середину Гостиного двора, именно в «Советский писатель». Было убито человек, кажется, пятнадцать, и среди них кротчайшая, вернейшая Татьяна Евсеевна из тех секретарш, благодаря которым учреждение превращается в живой организм. Словно отдает она ему часть своей крови. А вот пришлось — отдала и жизнь. Я опять рассказываю как придется, как осталось в памяти. Это время окрашено для меня одинаково. Одно только — с каждым днем становилось хуже... Неуклонно и неизбежно. Мы привыкали быстро, но жизнь обгоняла нас. И главное — хуже становился хлеб. Эта влажная масса уже и не походила на хлеб.

29 марта

А именно хлеб, только хлеб был основой жизни. А жизнь ото дня ко дню делалась неподвижней и теряла теплоту. Вот выходим мы из Дома писателей. У каждо-

го бидон с мутной водой и по две ложки белой каши, не то овес, не то перловка. Со мной выходил, кажется, Рахманов. Когда мы идем по улице Воинова к Гагаринской, перейдя ее у Дома писателей, будни обрываются. Сильный блеск над крышей дома напротив, снег сметает, как метель, и дробь, вроде барабанной. Разорвалась шрапнель. И новый взблеск — чуть правее, новый удар. Мы скрываемся под воротами, и, странно сказать, все мы оживлены. Чем-то прервалась медленная удушающая рука будней. Блокада — это будни. Будни, нарастающие с каждым днем. Я увидел уже на улице людей с темными лицами и вопросительным выражением глаз. Даже укоризненным. Однажды вызвали меня на междугородную телефонную станцию. Маршак вызвал меня из Москвы. Разговор шел по радио, и меня предупредили, чтобы я не называл ни фамилий, ни городов. Но в первом же разговоре сделал ошибку. Спросил: «Зощенко в Москве?» И мне укоризненно сказал человек, следящий за нашим разговором: «Надо говорить: «Михаил Михайлович у вас?» Других ошибок я не делал. Маршак расспрашивал о своих родственниках, о которых должна знать Габбе[10]. Вызывал меня Маршак раза три, и каждый раз после этого шел я к Габбе. И эти дни выделялись из однообразия будней. И дорога на междугородную станцию на углу Марата и Невского, и дорога к Габбе, как путешествие по знакомым и незнакомым улицам. Вот тут я и встретил прохожих, которые смотрели на меня с укоризной и ужасом.

30 марта

В те дни ты понимал одно: город умирает с голоду. И неизвестно — что тебе делать, где твое рабочее место. Правда — на наш дом бросили немцы штук тридцать зажигательных бомб. И этот вечер показался веселее других... И опять будни принялись душить нас голодом... Однажды я пошел с Женей Рыссом в гости к Селику

Меттеру. Его брат, физик, очистил двести грамм денатурата. И мы немножко выпили. И когда возвращались домой, налево за Адмиралтейством, высоко в воздухе, вдруг мы увидели яркие и незнакомые вспышки и услышали очень громкие разрывы. И я удивился непривычному, праздничному чувству.

31 марта

Да, самая сила звука радовала бессмысленно, без всякого основания, но тем более определенно. Вероятно, пушечные выстрелы, приветствующие адмиральский флаг, и всякого вида салюты исходили из этого самого бессмысленно праздничного чувства. А город все умирал. То из одной, то из [другой]* квартиры выносили зашитого в простыни мертвого, везли на кладбище на санках. Шел ноябрь 41-го, когда город еще держался на ногах. По слухам, умирало 20 000 в день. Но мертвых еще не бросали где придется. Но уже установилось во всем существе города нечто такое, что понять мог только переживший. Театры перестали играть. Пребывание театров в городе становилось бессмысленным. И Акимов, с которым я встречался все чаще, поднял разговор о том, что надо эвакуироваться. И чтобы я присоединился к театру. И мне хотелось уехать. Очень хотелось. Я не боялся смерти, потому что не верил, что могу умереть. Но меня мучила бессмысленность положения. Друзья, приезжающие с фронта, говорили, что в [городе] гораздо хуже. Там, на переднем крае, ясны были обязанности каждого. А тут, в блокаде, что было делать? Терпеть? Тем более что и на радио занимали меня все реже и реже. И даже бомбежка приумолкла. Подниматься на чердак ни к чему было. Последний сильный налет состоялся в ночь на 7 ноября. А потом немцы словно оставили город доходить. Только от времени до времени устраивали обстрелы. Кажется, в

---

* В подлининке ошибочно — одной.

конце ноября остановились трамваи. Я как-то на уроке естественной истории смотрел в микроскоп через растянутую перепонку лапы кровообращение лягушки. Двигались кровяные шарики и вдруг просто, без всякого изменения движения, без всякой вспышки остановились. Эта смерть поразила меня. И когда трамваи так же внезапно и просто остановились там, где их настигла судьба, я еще острее почувствовал смерть города. И голод, безнадежный голод! В начале декабря меня вызвали в Управление по делам искусств и сообщили, что числа 6-го я вместе с Театром комедии выезжаю из города. Чтобы готовился.

1 апреля

Ехать мне и хотелось, и нет. Мне представлялось, что за пределами Ленинграда я никому не нужен, и неизвестен, и неприспособлен. Что я буду делать в Кирове?

2 апреля

Пятого декабря сказали, что нам ехать седьмого, потом девятого, и, наконец, сообщили, что еду я не с Театром комедии, а в какой-то профессорской группе... За месяц примерно до моего отъезда ко мне зашли Тырса, Володя Гринберг[11] и Куке[12], зашли поговорить о необходимости эвакуировать Детгиз. Я знал, что Нарком-прос в Кирове. И решил, что в первый же день приезда пойду к наркому. Мне принесли груду писем, чтобы я их бросил в почтовый ящик в первом же городе на Большой земле. Последний вечер в Ленинграде был похож на плохой сон. Мы должны были в пять утра явиться к Александрийскому театру, а народ все не расходился от нас. Прощались. Пришел маленький Бабушкин, он работал на радио, и мы там подружились. Это был человек чистый и тихий. И мы разговаривали о том, какой замечательный журнал будем мы издавать после войны. Все веровали, что после войны станет чисто. Пришли Ольга

Берггольц, Жак Израилевич[13], Глинка. В конце концов, замученные проводами, мы почти перестали разговаривать.

3 апреля

На рассвете 10 декабря вышли мы из дому. Провожали Женя Рысс и Катерина Васильевна. На санках везли мы наш длинный парусиновый чемодан. В Александринке сдали мы карточки и получили соответствующую справку. Пришел автобус, который заполнили люди совершенно незнакомые. И мы двинулись в путь на станцию Ржевка, где помещался наш аэродром. Путаница чувств. Занесенная снегом дорога. Певец, кажется, Сибиряков, с больной женой, задыхающейся.

4 апреля

Трудно больной. К ногам певца прижалась легавая собака редкой красоты, стараясь хоть в неизменности хозяйского существа найти утешение. Дорога становилась все хуже. И вот задние колеса машины ушли в кювет. Мы долго возились, пытаясь помочь шоферу выбраться на трассу. Я боялся, что мы опоздаем. Но вот мы выбрались, наконец, буксующие колеса завертелись не вхолостую, повезли. И я занял свое место у окна. За окнами плыли снеговые поля, деревья, домики до оскорбительности обычные, как будто возле и не было города, погибающего от трупного яда. Ржевка тоже глядела спокойно, по-деревенски. Ребята, окружившие автобус, казались в меру голодными. Начальник аэродрома, рослый, начальнически спокойный, вышел на крыльцо, сообщил, что время прихода машин неизвестно, и послал нас взвешивать вещи в сарай. Наш полотняный чемодан оказался и в самом деле ниже обязательного веса. Затем нас послали в барак, который спешно достраивался тут же над нашей головой. Часа в два все забеспокоились, собрались у своих вещей — самолеты идут. И в самом

деле, низко над лесом появились китообразные зеленые «дугласы». Около часа прошло в напряженном ожидании. Но вот появилась осанистая фигура начальника, и мы узнали, что это самолеты особого назначения, к нам не имеющие отношения. Снова вернулись мы в наш барак, который рос над нами. И в припадке истерической тупости, что, к счастью, со мной случалось в жизни нечасто — точнее, в припадке тупой энергии, — договорился с каким-то местным парнишкой, чтоб, когда придут самолеты, он помог нам грузить наш чемодан, и заплатил ему вперед пачкой табаку. Больше мы этого паренька не видели. И сколько раз на Большой земле, где о табаке мечтали мы, как о неслыханном счастье, вспоминал я об этой пачке. Самолеты специального назначения ушли, а новые все не появлялись. В сумерки барак над нами был достроен и даже свет в него провели. И поставили времянку. Народу собралось много. Эвакуировали какой-то завод.

5 апреля

Постепенно я узнал, из кого состоит наша так называемая профессорская группа: пожилой уже художник-баталист Авилов, недавно получивший орден Трудового Красного Знамени, — в те дни это еще имело немалое значение, скульптор Шервуд с дочерьми, опереточный комик Герман, тощий и желчный, его семидесятилетняя жена (старше его лет на десять) комическая старуха Гамалей и падчерицы, полные женщины, еще молодые, с выражением лица решительным и шустрым, нескрываемо, деловито привлекательные. Полны они были более фигурой. Когда мы познакомились, падчерицы не скрыли причин своей полноты. Они обвязали себя под шубой и привязали к себе отрезы, чтобы вывезти их, не взвешивая. Они понимали, что такое эвакуация. Принадлежал к нашей группе и Сибиряков со своей сердито умиравшей, измученной женой. 10 декабря был день, когда не съели

мы уже ни крошки. Вечером надо было топить. И я взял лом и присоединился к изготовляющим топливо. Мне досталась какая-то доска, которую мне удалось расколоть. Старик рабочий, похожий на мастера старых времен, в серебряных очках, с серебряными прядями волос из-под кепки, похвалил меня. «Да так методично», — сказал он. А Катя сказала: «А он этим никогда не занимался». Что было не вполне верно. Все пережившие голод и разруху 17—21 годов и начало 30-х умели и дрова колоть, и понемножку готовить, и на рынок бегать. После меня лом взял молодой парень, и у него этот инструмент заиграл. Не помню, как прошла эта ночь. Спали мы на нарах или не спали. Рано утром появился начальник и обратился с речью к отъезжающим. Просил тех, у кого есть продовольственные запасы, сдать ему под расписку для остающихся голодающих земляков. Успеха эта речь не имела. Около часа дня появились автобусы. Из них выбрались с вещами новые беженцы, всё женщины с детьми. Устроившись в бараке, они принялись питаться. Кур ели. Белый хлеб. Старожилы притихли. Кто-то спросил их: «Вы откуда?» — полагая, что они транзитом следуют через блокаду.

6 апреля

«Из Ленинграда мы», — ответила одна из баб, с той несокрушимой бабьей важностью, против которой одна сила: разжалование или смерть мужа. И с той же бабьей беззастенчивостью продолжала она питаться — именно питаться — на глазах у замершего строго барака. Часов около двух пошли слухи, что самолеты приближаются. Выяснилось, что не позволят Сибирякову взять его легавую. Сохраняя то же достойное и терпеливое выражение, с которым он переносил жизнь в бараке и мучения жены, певец отправился хлопотать. Но единственное, чего добился, — что кто-то из работников аэропорта, сам охотник, согласился взять собаку себе до возвраще-

ния певца. В три часа низко над лесом, словно киты, проплыли «дугласы» и снизились на аэродроме. Мы с вещами столпились у ворот, обтянутых колючей проволокой. Взглянув на Катю, я удивился. Я увидел, что она плачет, впервые с начала войны. «Что ты?» — «Говорят, что и эти самолеты не для нас». Мне тоже стало жутко. Мы не ели уже больше суток. Ожидание превращалось в пытку. Но тут ворота открылись, и мы двинулись к самолетам. Грузовая машина, середину которой занял наш багаж. Пулеметное гнездо посреди крыши, мы видели только ноги пулеметчика, от пояса он скрывался в своем куполе. В противность медленно ползущему времени последних полутора суток, здесь все совершалось быстро, без единой задержки. Едва успели мы занять места на длинной железной скамье, идущей вдоль внутренней стены самолета, как дверь уже заперли, пулеметчик занял свое место, самолет вырулил к старту, побежал, набирая скорость, и вдруг мы словно вышли на безукоризненно ровную дорогу, и одновременно я увидел стоящий боком поселок. Сейчас же вслед за этим неожиданно близко с непривычной быстротой под нами пронесся лес. Мы увидели новое селение — по слухам, Всеволожское, снова лес и серый лед. Мы шли бреющим полетом, отсюда непривычная быстрота. Никто не сказал нам, когда мы пересекли линию блокады.

7 апреля

Озеро исчезло, снова с непривычной быстротой понеслись под нами леса. Истребители пристроились к нам, закружились на флангах. Сколько времени были мы в пути? Не знаю. Я уснул внезапно и проснулся от тишины — мы снижались на аэродроме в Хвойной. С аэродрома доставили нас на грузовиках в какое-то здание — видимо, бывшую школу. Сложив вещи в углу какой-то залы с хорами — так мне чудится сейчас, мы, профессорская группа, отправились обедать. Нам дали по большой тарелке

горохового супа, но без ложек. На них была очередь. Но между столами бродили со скромным видом мальчик и девочка — местные жители. Они предлагали ложку напрокат, за рубль. И мы поели впервые после вечера 9-го числа, когда пили дома чай. После глубокой тарелки густого горохового супа мы почувствовали, что сыты, что не могли бы съесть больше ни ложки. А тут подошли к нам раздатчицы, и мы получили полтора килограмма хлеба. Это был настоящий, не блокадный, легкий хлеб. Полтора кило — почти целая буханка. Мне показалось, что это ошибка. Когда вернулись мы к своим вещам, появилось какое-то начальство и нам объявили, что сегодня же должны мы ехать дальше. Станцию бомбят. Остался один Сибиряков. Летчик узнал, что старому певцу пришлось бросить на Ржевке собаку, возмутился и пообещал следующим же рейсом доставить ее в Хвойную. Незадолго до этого обнаружилось чудо: едва оказались мы в зале, одна из падчериц Германа засунула руку за пазуху и выпустила на свет божий крошечную, кудрявую беленькую собачку с черными глазами. И я почувствовал уважение к храброй падчерице. Она не боялась законов, а слушалась своих чувств. Снова погрузили нас в грузовик и отвезли через полную тьму к железнодорожным путям, где стоял бесконечный состав из теплушек. Мы — профессорская группа — забрались в одну из них. Сначала мы поклялись, что никого больше не пустим, но скоро с бранью и поношениями ворвалась к нам целая толпа.

8 апреля

В дальнейшем подсчитали мы, что в нашей теплушке сбилось человек пятьдесят, не считая грудных детей. Мы в дальнейшем так и находили своих детей, по детскому плачу. Сразу вступив с нами во враждебные отношения, вся эта масса заняла со скрипом, воплями, криками противоположные нам нары. Правую сторону, стоя лицом к печурке, занимали мы, а левую — более широкую — наши

враги. Впрочем, вряд ли весь этот замученный, голодный, спутавшийся в одно целое клубок людей ненавидел именно нас. Им нужно было отвести душу, все равно на ком. Перебранка, сердитый детский плач и непрерывный, как в бреду, вопль мальчика лет двух: «Мамка, дай чаю». Первую ночь я и сам был как во сне. Все мне казалось не имеющим отношения ко мне. Чувство Большой земли и свободы не появлялось. Я понимал рассудком, что мы за кольцом, но не верил, что началась новая жизнь, что мы ушли от смерти. Поезд очень скоро двинулся в путь — Хвойную спешили разгрузить от беженцев. Мой полусон скоро перешел в настоящий сон. И мне приснилось, что я согласился на чьи-то настойчивые уговоры и вернулся в Ленинград. Город стал еще мертвее за эти дни. Стояли сумерки. И все улицы огорожены были железными дешевыми кроватями, потемневшими и ржавыми. И чувство несвободы и окруженности усилилось до отчаяния от переплетов спинок, торчащих ножек. Я проснулся в отчаянье, словно отравленный, и чувство это долго не проходило. И я решил лежать и не вставать. Поезд останавливался на станциях, но они были мертвы, разбиты с воздуха, даже воды неоткуда добыть. Растапливали снег. К середине дня остановились мы на какой-то станции побольше. Выяснилось, что где-то далеко на холме за площадью работает буфет. Многие побежали туда, но мне казалось странным, имея столько хлеба, беспокоиться о чем-то. Вскоре оцепенение мое прошло, и я стал вживаться понемногу в вагонный быт. Стычки не замирали. Ссорился чаще всех старый, нервный Герман.

9 апреля

Руки его дрожали от гнева, и он, патетически указывая на враждебную сторону вагона, восклицал: «Вот кому я отдал сорок лет культурной работы». Споры вызывало все: кому идти за углем, кому топить чугунную печку и не могу теперь представить себе, что еще. Я, как всю жизнь, позорно не лез в давку. Но двоих спутников

я возненавидел глубокой ненавистью. Я их не то чтобы разглядел, а узнал. Я много раз в своей жизни испытывал чувство ужаса и отвращения, убеждаясь в многочисленности породы каменных существ с едва намеченными, как у каменных баб, человеческими признаками. И тут оказалось их двое. И заняли они место посреди между воющим и плачущим человеческим клубком и нашей несчастной профессорской группой. Они возлежали у чугунной печурки. Один — рослый, с головой, как котел, другой — остролицый, с уклончивым выражением. Я не знаю, кем работали они на заводе. Сейчас переключились они на самоснабжение. Это они унюхали буфет на холме и первые принесли оттуда рагу в газетной упаковке и помчались туда во второй раз. Остролицый все повторял: «Волка ноги кормят», а круглоголовый молчал. К вечеру, когда печурку снова разожгли, круглоголовый помешивал в ней кочергой, а жена его повторяла: «Ваня! Зачем ты шуруешь, неужели тебе больше других надо?» Как на грех, в нашей теплушке, полной детьми, дверь оказалась подпорченной, и только один человек приноровился открывать ее изнутри — этот самый Ваня. Матери, которым необходимо было подержать детей, которые просились, собирались у его ложа и кричали на него, будто он профессор. Но он не отвечал, тихо беседовал со своим остролицым другом. Все о делах-делишках, судя по тому, что остролицый вскрикивал от времени до времени: «И правильно! Волка ноги кормят!» Только когда вопли несчастных матерей становились оглушительными, поднимался Ваня — круглая башка во весь свой рост, делал загадочное движение плечом, и дверь ехала с визгом. Открывалась. Пришла вторая ночь.

10 апреля

К этому времени я окончательно понял Ваню. Своих у него тут не было. Он понимал жизнь так: «Война всех против всех». Должен признаться, что не я открыл

эту формулу. Услышал я ее после войны от человека, которому долго пришлось работать среди подобных существ. На нашей стороне в течение дня мы поближе познакомились друг с другом. У нас главенствовала тоже не бог весть какая почтенная особенность. Мы не верили в этих непривычных, странных, как во сне, условиях существования в свое право на жизнь. И утверждали его с помощью документов. Авилов показал газету, в которой был напечатан приказ о его награждении и хвалебное письмо Репина, восторженное, написанное с большим темпераментом. Я вытащил изданную Театром комедии «Тень». Шервуд, самый достойный и суровый из нас, тоже зашевелился и предъявил монографию о нем, выпущенную издательством «Искусство». Предъявляли мы эти документы друг другу. С Шервудом ехала семья, не то дочка с ребенком, не то невестка и совсем молоденькая, славненькая, хозяйственная не то внучка, не то дочка — не было сил разбираться в этом. Ехали на нашей половине еще молчаливые женщины с маленькими детьми. Их приписали к нашему списку для счета. Легче всех характером оказались Авиловы. Проще всех. И мы как-то постепенно познакомились с ними. Вагон шумел, плакал, бранился. А комическая старуха Гамалей вдруг стала мешаться в уме. Она поднималась в своей меховой шубе, маленькая, но широкая, и, откинув голову назад, спрашивала низким актерским голосом: «Кто протягивает мне стакан с водой?» Герман пугался, как ребенок. Он вздымал к небу дрожащие руки и кричал: «Вы слышите, что она говорит, Паня (кажется, так), что ты говоришь?» А несчастная старуха тоном королевы продолжала: «Кто пододвинул мне кресло?» — «Что она говорит! Паня, что ты говоришь?» Ночь прошла мучительно. У Катюши примерзли к стене теплушки косы. А посреди, нет, в шаге от стены, жара не давала дышать. На другой день приехали мы в Рыбинск. Поезд загнали далеко на запасный путь.

11 апреля

До станции километра полтора. Зимние легкие облака, пар, будто примерзший к паровозам, не спеша меняющий очертания, какие-то склады, похожие на башни из неоштукатуренного кирпича, будничная, со свистками и гудками, жизнь многопутных подступов к узловой станции, и, словно опьянение, — внезапно проснувшееся чувство: жизнь продолжается. Касалось это чувство не меня, а всей земли, куда нас забросило. Почему-то поразили меня высокие деревья у переезда, белые и пышные от мороза, а под ними прохожие с человеческим, а не предсмертным выражением. Вторая радость — обозная часть какого-то воинского подразделения, сибирского, по слухам. Здоровенные парни в великолепных белых полушубках везли на розвальнях ящики, видимо, сгруженные с какого-то эшелона. А кони! Сытые, шерсть круто вьется от мороза, бегут, как играют. И новость — из Калинина немцы вышиблены и продолжают отступать. Резкая черта прошла между вчерашней моей жизнью и сегодняшней. Мы с Авиловым отыскали комнату в большом не тронутом бомбежкой вокзальном здании. Тут выдавали ленинградским беженцам ордера на продукты. К моему удовольствию, Ваня круглоголовый и его остромордый спутник («волка ноги кормят») неизвестно почему — вернее всего, от избытка хитрости ища обходных путей, — опоздали и оказались в очереди позади нас. За столом стояла невысокая пожилая женщина, вернее всего, работница горсовета, похожая на экономку из зажиточной, но прижимистой семьи, с выражением сухим и холодным. Когда я заговорил с ней, она вдруг замахала руками и сказала: «Не перегибайтесь через стол, подальше, подальше!» И я вдруг понял, что для дуры мы — не братья, попавшие в беду, а возможные носители инфекции, угрожающие ей, бабе, опасностью. Она презирала нас за слабость, худобу, бездомность. Тем не менее она приняла список профессорской группы.

Спросила: «Сколько детей?» Я ответил. А подлец Ванька пробормотал: «Ну, это уж преувеличено!»

12 апреля

С яростью повернулся я к нему и спросил: «Вы что ж, хотите сказать, что я обманываю?» В добротном пальто, с воротником под котик и в такой же шапке-кубанке возвышался Ваня-собственник, где бы он ни работал, Ваня-людоед, Ваня — участник единственной войны, которую понимал: всех против всех. По правилам этой войны прямые схватки допускаются в виде исключения. Поэтому каменное лицо его не отразило ничего, как будто он ничего не сказал, и я не ввязался с ним в спор. В сторону поглядывал и остролицый Ванин спутник («волка ноги кормят»). Представительница города Рыбинска, видимо, занятая одной мыслью, как бы я, наклонившись через стол, не заразил бы ее какой-нибудь эвакуационной инфекцией, не обратила внимания на краткую мою стычку с Ваней в кубанке и подписала распоряжение выдать причитающееся нам продовольствие. Получили мы консервы — крабы, хлеб — не помню, что еще. Выйдя с вокзала, никогда больше не увидел я Ваню и его спутника. Во всяком случае, в таком конкретном их воплощении. Мы услышали, что наш состав будет стоять в Рыбинске еще дней пять. Чувствуя необыкновенную легкость и наслаждаясь мыслью, что жизнь продолжается, двинулся я обратно к вагону. И опять увидел деревья, и обыкновенных людей, и склады, похожие на замок. И опять погрузился в привокзальную многопутную, полную кондукторских свистков на маневрирующих то длинных, то словно обрубленных составах, и паровозных гудков. Я встретил славную дочку или внучку Шервуда, заговорил с ней шутливо и легко, а она взглянула на меня с недоумением, словно с ней пошутил шлагбаум.

И я понял, что для нее я старик, смутно различаемый на фоне унылых спутников. По дороге мы с Авиловым

решили, что жить в теплушке пять дней выше человеческих сил. Надо снять в городе комнату. В вагоне было просторно — спутники наши разбрелись на охоту. Не было и Германа и Гамалей — он увез устраивать ее куда-то в город. Падчерицы сторожили вещи. Мы поделили продукты, выданные на вокзале.

13 апреля

Тут я заметил, что старик Шервуд тоже немного повредился в уме. Когда стали рассчитываться за полученные продукты, он никак не мог разойтись с кем-то из-за пятнадцати копеек. За стенами теплушки уже давно счет шел на сотни, цены взлетели по-военному, а Шервуд вдруг вернулся к мирным ценам своей молодости. Впоследствии я читал и слыхал, что он хороший скульптор. Прожил он еще много лет. Но, услышав его фамилию или прочтя о нем в газете, я видел одно: закутанного старика со строгими, недоверчивыми глазами, — и блокада, эвакуация, теплушка, холод так и дышали на меня мертвым дыханием. Мы позавтракали. И тут произошло небольшое событие. Собачка падчериц вела себя так тихо и послушно, что никто из беспощадных спутников наших не открыл ее присутствия в теплушке. А тут, ободренная тишиной и терзаемая голодом, выползла она из своего убежища, прокралась к Шервудам и деликатно и неслышно съела баночку крабов, которую вскрыли они к завтраку. Мы с Авиловыми отправились искать комнату в городе. По дороге встретили мы Германа, дрожащего, взъерошенного, встревоженного. Я сказал ему, что мы решили остаться в Рыбинске. И больше никогда не видел его. Гамалей, как рассказывали потом, скончалась через несколько дней в Рыбинске, а сам Герман — через несколько месяцев, кажется, в Челябинске от воспаления легких. Комнату нашли мы быстро, недалеко от вокзала. Жить нужно было в одной комнате с хозяйкой и двумя ее ребятишками, и это после теплушки представлялось нам раем. Оставив жен на

новой квартире, наняли мы человека с санями. Когда открыл я дверь в теплушку, сердитые голоса кричали: «Закрывайте, закрывайте скорей!» Народу все еще было немного. Кто-то, думаю, внучка или дочка Шервуда, вымыл пол теплой водой — пар еще курился над досками. Я сообщил, что ухожу, и это не произвело на моих спутников того впечатления, которого я ждал. Точнее, восторженное ощущение перехода к жизни, овладевшее мною, к моему удивлению, никак не передалось моим спутникам. Вот и с ними простился я навеки. Здоровенный парень повез на санках наши вещи, и мы с Авиловым пошли следом.

14 апреля

Последний раз я шел через привокзальное многопутное рыбинское хозяйство. Свистки, звон буферов, гудки. Солнце по-зимнему рано скрылось за низкими рыбинскими домами. Пар у паровозных колес и дым паровозных труб принял розовый цвет, красным стало небо на западе. Движение у переезда через пути, под знакомыми деревьями еще усилилось к вечеру. Все розвальни, а на них, стоя солдаты в белых тулупах. Склады, похожие на замок, из неоштукатуренного кирпича так и светились на закате. И когда при мне говорят: «Рыбинск» — перед глазами так и воскресают мои путешествия от вокзала к составу и обратно. Особенно это последнее, вечернее. Когда мы пришли, жены наши помылись, привели себя в порядок и имели вид благостный, почти счастливый. Но когда я заставил Катю измерить температуру, градусник показал около тридцати девяти. Хозяйка принесла самовар — такое обилие воды показалось чудом после оттаянного снега. Дети, мальчики лет пяти и шести, сидели за столом и любовались на нас, как в зоологическом саду. Хозяйка достала нам немного картошки по какой-то неслыханной цене. У печки было пристроено подобие лежанки, выстланной кафелем, такой, впрочем, маленькой, что я на ней полулежал, наслаждаясь покоем и малолюдством.

Всего пять человек в комнате (не считая нас с Катюшей). Нам поставили койки, застеленные чистым бельем, и мы уснули, как в раю, и утром Катюша проснулась здоровой. Ее спасло то, что мы вовремя бежали из теплушки. Авилов узнал с утра у каких-то военных, что комендатура поддерживает регулярное сообщение с Ярославлем на грузовиках. И мы пошли с ним в комендатуру. Комендант выслушал нас, взглянул на газету с приказом о награждении Авилова орденом Трудового Красного Знамени и приказал на другое утро быть с вещами во дворе комендатуры. Повеселев, вернулись мы домой. Еще бы, машина шла до Ярославля всего несколько часов. Часам к двум пошли мы гулять по городу. Низенькие дома. Неуверенное выражение. Пустой рынок.

15 апреля

Рано утром перевезли мы вещи во двор комендатуры. Небо снова было розовое, дым шел прямо в небо, градусник показывал минус тридцать пять. Спутники посоветовали нам достать одеяло. Машина тронулась в путь. Ледяной ветер продувал и одеяла и шубы, и казалось, что нашей дороге не будет конца. Я увидел домик у обочины шоссе, и мне страстно захотелось, чтобы оставили нас в покое, дали бы тут пожить, отогреться, одуматься, но машина мчалась дальше, и мы как-то пережили путь от Рыбинска до Ярославля.

16 апреля

Ярославль прежде всего глядел городом военным. Сущность его отступила на задний план. Проходили части все туда же, к Калинину, преследовать отступавшего противника. Мы высадились у гостиницы на площади, против театра. Директор гостиницы только руками развел. Все номера заняты командованием проходящих через город подразделений. Единственное, что он разрешил, положить в коридоре вещи и подождать нашим жен-

щинам, пока мы найдем где-нибудь пристанище. А тут пришли с репетиции актеры театра и, не спросив, кто мы и что мы, зная только, что ленинградцы, взяли нас к себе. И, позавтракав, отправились опять в театр продолжать репетицию, оставив нас, чужих людей, у себя в номере. Всю жизнь буду благодарен артисту Комиссарову[14] и его жене. И, придя домой между репетицией и спектаклем, они все старались, чтобы нам было удобнее, старались накормить нас. У стены в номере стояли санки, груженные малым количеством вещей. Оказывается, калининские актеры, когда город был взят немцами, ушли из театра в гриме, кто в чем был, без вещей. И ярославские актеры приготовили на всякий случай санки, если придется уходить так же внезапно, как несчастным калининским товарищам. Вскоре я лишний раз убедился, какая могучая междуведомственная сила театр. От него ждали и получал и только праздник и радость среди будней и напряжения. И эта божественная театральная сила сделала разом то, что мы с Авиловым сделать не могли. Нам выписали такое количество продуктов, какого не получал я потом во всю войну. Огромный круг швейцарского сыра, вареных кур, колбасы. Затем начальник Ярославской дороги позвонил в Москву. Появились скорые поезда.

17 апреля

И вот для нас в Москве заперли в скором поезде купе, чтобы в Ярославле отпереть. Иначе попасть было невозможно в этот вид поездов. В ожидании прожили мы в Ярославле дня три. Чтобы не стеснять Комиссаровых, разыскали мы Тыняновых — семью брата Юрия Николаевича, Льва. Никого не застали дома, но жена брата Юрия Николаевича пришла за нами в гостиницу. Лев Николаевич в Ярославле отсутствовал, работал начальником санитарного поезда. Жена его, тоже врач, и дети, мальчик и девочка, приняли нас бережно и ласково, как своих. Жизнь, теплота жизни, пульс вдали от места уда-

ра, от блокадного Ленинграда и беспощадной теплушки, вдруг стала ясно ощущаться. Да, жизнь продолжалась. Мы даже погуляли за эти три дня по Ярославлю, смутно выступающему сквозь войну и воинские части, проходящие через город. Вышли на набережную Волги, но замерзшая река уничтожила впечатление берега. Дорога да и только. Авилов вспоминал молодость. Художников его школы никогда я не встречал, и мне странно было видеть в нем признаки жизни. Поезда отходили не с ярославского вокзала, а со станции Всполье — километрах в восьми от города. Мы простились на рассвете с актерами и уселись в грузовик, который всемогущий театр и добыл нам. Катюша сидела рядом с шофером, в кабинке. В руках держала крошечную нашу «Корону»[15] Едва отъехали мы от гостиницы, машина круто повернула, и испорченная дверь кабины распахнулась, и Катя, мелькнув черной шубой и черной «Короной», упала, как мне показалось, под машину, под задние колеса. Грузовик не сразу затормозил. Я отчаянно закричал, но, соскочив, увидел, что Катя спокойно бежит следом. Ее выбросило на кучу снега, и она даже не ушиблась. Я с трудом понял, что все кончилось благополучно, а машина мчалась по затемненному городу. За городом стояла воинская часть, ожидая погрузки. Солдаты, не считаясь с затемнением, развели костры. Это были лыжники с копьями.

18 апреля

Они стояли у костров, лыжи остриями вверх, похожие на копья, и мне показалось, что я где-то уже видел нечто подобное. И вдруг меня сквозь сумятицу и туман последних дней осенило: рать стоит под Ярославлем, не то половцы, не то наши собрались в поход. Вот и Всполье. Тут уж резко другое историческое ощущение: гражданская война. Вокзал забит беженцами, резкий запах дезинфекции, запах унылый и пронзительный, напоминающий близость заразы, а не борьбу с ней. Бессилие перед

заразой. Я стучу в окошко дежурного по вокзалу, или, точнее, по огромному деревянному свежевыстроенному бараку для беженцев. А все население барака шевелится в тусклом свете, нехотя просыпается к утру. У меня записка о четырех наших билетах, подписанная начальником дороги. Окошечко дежурного, наконец, распахивается, и передо мной появляется человек со смятыми усами, распухшим лицом. Не давши мне и слова сказать, он начинает жаловаться: «Неужели человек не может хоть часок поспать? Есть у вас сознательность? Какая записка от начальника дороги? Ничего мне неизвестно! Скорый поезд давно прошел, а вы мучаете человека!» И окошечко захлопывается. И я остаюсь в одиночестве — точнее, сразу присоединяюсь к массе беженцев. Кричат сердито и жалобно на особый, душу помрачающий лад, по-беженски; грудные дети. По тому, как разложены узлы и постелены прямо на полу постели, угадываешь сразу, что люди не могут выбраться из барака не первый день. На мгновение испытываю я отчаяние и вдруг замечаю женщину в железнодорожной фуражке с красным околышем. Она идет, улыбаясь чему-то. Она тут хозяйка, ад для нее не ад, тут ей ругаться нечего. Я бросаюсь к ней, протягиваю записку. «Ах, это вы и есть», — говорит она со своей странной, довольной улыбкой. Ей здесь нравится! И ведет нас к кассе и выносит нам оттуда билеты. И вот мы стоим на перроне мирного времени. Барак остался памятен одним: у меня из кармана украли пачку табака. Мы стоим на перроне, и подходит скорый поезд, и проводник мягкого вагона, проверив билеты, предлагает войти.

19 апреля

Чудо! В длинном коридоре мягкого вагона тепло, стекла широких окон, откидные сиденья вдоль стенки, занавески. Мы занимаем купе. После того как Катя едва не погибла при выезде, после бесконечной древней рати, ставшей между Ярославлем и Всапольем, после прыжка из

древних времен в эвакуацию 18—19 года, вдруг оказываемся мы в мягком вагоне, подчеркнуто щеголеватом. Задача его быть вагоном мирного времени, вопреки войне. Пассажиры толпятся у окон немногие, проснувшиеся на рассвете. Сырой длинноволосый крупный человек в толстовке, как выясняется позже — инженер, мобилизованный, направленный в Киров. Говор у него московский, что теперь редкость, певучий. Несколько военных. Единственное, что отличает сегодняшний скорый поезд от довоенного, это его медленность. Он опоздал на пять часов, о чем предупредил нас начальник дороги заранее. Он и велел ехать на вокзал к пяти, хотя по расписанию приходит поезд в 12 ночи. Вот почему так напугал меня разбуженный мной усатый железнодорожник, сказав, что скорый давно прошел. Мы распределили в купе свой багаж и тоже подошли к широкому зеркальному стеклу окна. Перрон был пуст. Никого не тянуло к плоскому, зловещему, тускло освещенному бараку. Поезд двинулся неожиданно, звонков мы не расслышали. Едва миновали мы Всполье, как среди военных заметили мы оживление. Они показывали на небо — и вдруг издали-издали донесся механический звериный знакомый вой. Воздушная тревога! Вот отчего отправили нас без звонков. В посветлевшем уже небе увидел я вспышки, словно клочки ваты, — обстреливали самолет противника. И на меня напал смех. Эта тревога после наших блокадных показалась мне такой неуместной, провинциальной. И в самом деле кончилась она ничем. И потянулся день полусонный — я все спал на своей полке. И почти счастливый. Мешало твердое ощущение, что все пережитое не исчезло от того, что попали мы в мягкий вагон [из] теплушки. Ваня, голод, блокада, война, кровь. Но мы отдыхали.

20 апреля

Наш скорый поезд шел с большим опозданием, чему я радовался. Будущее представлялось неясным. Мы ехали в Киров... Где мы будем в Кирове жить? Чем я буду зара-

батывать? Я чувствовал себя ленинградским человеком, а кому я нужен за его пределами? Кто меня тут знает? Но все это была задача будущего, когда скорый цоезд придет в Киров. Но он опаздывал, к счастью. Мы подолгу стояли на разъездах. Пропускали эшелоны с машинами, идущие на восток, платформы с орудиями и войсками, идущие к нам навстречу. А я спал, отдыхал и чувствовал твердо, что таких перерывов у меня в ближайшем будущем будет немного. Ехали мы трое или четверо суток. Вот и Котельнич, где родился Рахманов, больше до Кирова городов нет. Темнело. И мы увидели вскоре поселок, который собрал к окнам всех пассажиров, — чудо! Он был освещен. Кончилась зона затемнения. В Киров приехали мы утром... И пошли по кировским улицам. Деревянные домики, деревянные мостки у ворот. Тротуары. Вот дорога повела вверх. Двухэтажное каменное здание старинной стройки, достаточно тесное, — областное издательство и редакция областной газеты. Впоследствии я узнал, что это бывший губернаторский дом, где и жил губернатор Тюфякин и бывал или даже служил Герцен. И снова деревянные дома, у которых такое выражение, что стоят они скрепя сердце, против воли.

21 апреля

Вятка помещиков почти не знала, все государственные крестьяне. Город выстроили купцы и мещанство. А эти об одном заботились, чтобы дом получился вместительным. Так просто обратились серые вятские дома в коммунальные квартиры с длинным списком фамилий жильцов на столбе ворот. Выше, выше — и вот площадь, где некогда стоял собор Витберга, о котором рассказывал Герцен[16]. Сегодня вместо собора раскинулся тут театр. Москве впору, белый, с колоннами, высокий.

23 апреля

Побывал я в театре. Прошел через актерский вход. Тут же на лестнице встретил Малюгина, который сказал,

что только теперь, увидев меня, он понимает, что такое блокада. Но ему это казалось. Он не понимал, и это была не его вина. Обедали мы в столовой театра, и артист Карнович-Валуа спросил: «Теперь небось жалеете, что уехали из Ленинграда?» Ну как я мог объяснить ему, что между Кировом и Ленинградом была такая же непроходимая черта, как между жизнью и смертью. Они все начали понимать это недели через две. Малюгин[17] отвел меня в кабинет к Руднику. Он был тогда и худруком и директором театра. Молодой, высокий, с таким выражением лица, что он, пожалуйста, не прочь в драку, меня тем не менее принял милостиво.

24 апреля

Обещал комнату, если освободится она в театральном доме. Но мы все искали пристанища. Заходили в маленькую гостиницу на площади, где я познакомился с драматургом Осафом Литовским и его словно оглушенной женой — сын их только что пропал без вести или был убит. Славный мальчуган, который так прекрасно сыграл Пушкина-лицеиста в кино[18]... Шли мы по главной улице до полукруглого здания исполкома, вход в который был снизу. Улица обрывалась круто вниз. Далеко внизу в голубом дыму простирался деревянный Киров. Мы спускались, шли направо, переходили мост над обрывом, застроенным широко раскинувшимися домами, над широким обрывом, по широкому мосту, сначала незнакомому, а потом такому привычному, с металлическим узором решетки. Отсюда дорога снова вела вверх. Мы проходили мимо кирпичного неоштукатуренного особняка, дальше, дальше, и мы, наконец, попадали на большой рынок. Вначале я не знал, что за особняк миную по пути к рынку. А потом местные жители рассказали, что принадлежал особняк купцу по фамилии Булычов, и его фамилию взял — по местной легенде — Горький для своего героя.

25 апреля

Большой драматический театр, короче говоря, Рудник, выдал мне постоянный пропуск. В графе «должность» стояло: «драматург». В театре получил я карточки. Отоваривались одни хлебные, здесь же, в театре, продуктовые шли на обед. Мы получили пропуск в столовую ученых — писатели были прикреплены туда.

26 апреля

В Детгизе, эвакуированном в Киров же, меня встретили приветливо и дали работу — написать примечания и предисловие к книге «Без языка» Короленко. Пришла телеграмма из Алма-Аты, подписанная Козинцевым, Траубергом и еще кем-то, приглашающая срочно перебираться к ним. Следовательно, уехав из Ленинграда, я не остался в одиночестве и нужен кому-то. С утра 1 января 42 года уселся я за работу. Писать пьесу «Одна ночь». Я помнил всё. Это был Ленинград начала декабря 41 года. Мне хотелось, чтобы получилось нечто вроде памятника тем, о которых не вспомнят. И я сделал их не такими, как они были, перевел в более высокий смысловой ряд. От этого все стало проще и понятней. Вся непередаваемая бессмыслица и оскорбительная будничность ленинградской блокады исчезли, но я не мог написать иначе и до сих пор считаю «Одну ночь» своей лучшей пьесой: что хотел сказать, то сказал. Дня через три после нас появился в Кирове Театр комедии. А может быть, и позже — они ехали в Копьевск эшелоном, не перегружаясь в скорый поезд, как мы. Они тоже удивлялись, что невозможно объяснить кировцам, что такое блокада. Дня два кировские и ленинградские лица мелькали в театральных коридорах, странно несоединимые, но соединившиеся, как во сне, и Театр комедии проследовал дальше, а мы остались.

27 апреля

[Я] продолжал писать пьесу. Читал отрывок за отрывком Малюгину. Писал для Детгиза... Работу мою в Наркомпросе приняли и оплатили... Зарабатывал я и на елке. Меня позвали устроители в кукольный театр выступить один раз бесплатно. А потом сразу предложили по пятьдесят рублей за выступление до конца программы. Словом, я стал врастать в кировскую жизнь. Счастливее всего чувствовал я себя оттого, что работаю. Пьеса двигалась быстро.

29 апреля

В комнатах верхнего этажа жили главным образом актеры Большого драматического театра. В первой комнате от начала Мариенгоф и Никритина[19]. Это были уже настоящие ленинградские знакомые. С Никритиной мне было легче, чем с ним. Она была умнее, гибче и богаче. А в Толе засело что-то прямое и небогатое. Он ленив на споры и уклончив, но с ним не мог не спорить. Как заявит он: «Искусство не есть явление природы», ну как тут удержаться. Я до сих пор и не думал на эту тему, но тон уж очень учительский. И я с яростью бросался в бой, никогда, впрочем, не переходящий за пределы: мы все-таки понимали, что земляки. А кроме того я никогда не мог рассердиться на Мариенгофа. Что-то наивное было в его рассуждениях. У Мариенгофов встретил я Сарру Лебедеву[20]. И впервые разглядел ее как следует.

30 апреля

Для того чтобы писать портреты, нужно выбрать расстояние и понимать точно того, кого пишешь. А в этой суете, суете 42 года, я чувствовал себя не портретистом, а частью единого целого; о блокаде я мог писать, а тут я находился — очень уж в середине. Сарра Дмитриевна в свои пятьдесят лет все глядела королевой. Была наблюдательна. Заметила, что артистка эстрады, живущая в том

же коридоре, что и она, успевшая со всеми переругаться, разговаривала только сама с собой: «Вот я сейчас чайничек поставлю. Вот и поставила. Вот сейчас картошечку почищу». Заметила она, что старики в семье — обуза, а на старухах весь дом держится. И в самом деле: старики только и делали что сидели на большом сундуке под рупором громкоговорителя, ждали последних известий, а старухи и стирали, и бегали в магазин, и готовили, и смотрели за внуками, — казалось, что на старухах весь дом держится. Однажды в сорокаградусный мороз привез колхозник меду. Вся матовая глыба так замерзла в бочонке, что не поддавалась никаким усилиям. Сам колхозник растерялся. Сарра Дмитриевна подумала и принесла кастрюльку Кипятку и нож. Опустила нож в кипяток, и горячее лезвие легко врезалось в замерзший мед. «Золотые руки, — подумал я. — Она чувствует, как обращаться с материалом!» И даже колхозник похвалил ее. Сарра Дмитриевна занимала свое место в жизни твердо, не суетясь и не высовываясь. Королевский титул не позволял. Крупная, спокойная, проходила она через беспокойный наш быт. И гораздо больше, чем Владимир Васильевич[21], и брала от жизни и отдавала. Когда, примерно в феврале, Радлов[22] и его жена, сестра Лебедевой Анна Дмитриевна выехали из Ленинграда, — как засветилась Сарра Дмитриевна, получив письмо. Я и Никритина как раз были у нее. И она на радостях дала нам прочесть письмо. Радлов кончал письмо так: «Целую твою талантливую мордочку». И я ужаснулся: так это не соответствовало Сарре Дмитриевне с ее королевской сущностью. И когда мы вышли, Никритина призналась, что эта фраза тоже так и резнула ее.

2 мая

Здесь мне легче и интересней всего бывало с Малюгиным. У меня в те дни было очень ясное желание оставаться человеком вопреки всему. И Малюгин, много

работавший, чувствовавший себя ответственным за весь театр, грубоватый и прямой, помогал мне в этом укрепиться. И я читал ему «Одну ночь», сцену за сценой.

4 мая

Так или иначе, все более подчиняясь вятскому быту и все менее ему подчиняясь, дописал я пьесу. И была назначена читка на труппе. Большое фойе, наполненное до отказа. Белые стены. Актеры. Никитин и встревоженная Ренэ[23]. В заднем ряду старик Бродский, маленький, со страстным и вместе отсутствующим взглядом выцветающих коричневых глаз. Он глядел в прошлое, презирая настоящее. Он был некогда издателем журнала «Солнце России», за что актеры в высшей степени его уважали. Чтение имело неожиданно большой успех. Выступали многие, даже Никитин, — и все положительно. Театр заключил со мной договор... В театре вообще относились ко мне дружелюбно, а после читки стали совсем ласковы. Не понравилась пьеса только Бродскому, о чем я узнал случайно. Что именно ему не нравится, — не сообщили. Сам же он при встрече со мной ничего не говорил, только глаза его, смотрящие в пространство, страстные и вместе с тем безразличные. Безразличные к нам, нынешним. 9 апреля купил я впервые счетную тетрадь и начал записи. Пятнадцать лет прошло с тех пор.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ

1942

17 апреля

Искусство вносит правильность, без формы не передашь ничего, а все страшное тем и страшно, что оно бесформенно и неправильно. Никто не избежит искушения тут сделать трогательнее, там характернее, там многозначительнее. Попадая в литературный ряд, явление как явление упрощается. Уж лучше сказки писать. Правдоподобием не связан, а правды больше.

19 апреля

Владимир Васильевич Лебедев[1] заходит за мною, чтобы идти в театр поговорить с Рудником[2] о декорациях к моей пьесе «Одна ночь»[3]. Я не особенно привык к тому, что пьесы мои ставятся. Мне кажется, что если пьеса написана, прочитана труппе и понравилась, то на этом, в сущности, дело и кончается и кончаются мои обязанности. Но Маршак всегда так энергично и хлопотливо готовит свои сборники к печати, так пристально разглядывает и упорно обсуждает каждый рисунок, что привыкший к этому Лебедев ждет и от меня такого же отношения к эскизам костюмов и декораций. Лысый, с волосами, чуть завивающимися над висками, в круглых черных очках, в картузе, в американских сапогах с толстыми подошвами, странный, но вместе с тем ладный и моложавый, заботливо и вместе с тем нелепо одетый, Лебедев спрашивает меня: «Вы, может быть, ку-

шинькаете?» У него есть эта привычка: вдруг заговорить детским, ошеломляюще детским языком. Я говорю, что я, нет, не кушаю, и мы отправляемся в театр. По дороге разговариваем о пьесе, которую Лебедев знает удивительно хорошо. Говорит он то понятно, убедительно, то вдруг неясно, загадочно, хохочет при этом еще, так что совсем ничего не разберешь. Рудника мы застаем в кабинете. Он красив, выбрит. Я замечаю вдруг, что у этого грубоватого, самоуверенного, умеющего жить человека длинные, тонкие красивые пальцы. У него манера говорить характерная. Обрывает вдруг на середине фразу, не зная, очевидно, как ее закончить, но делает он это спокойно, не пытаясь даже найти ей конец. Ставит точки посреди фразы. Например: «Теперь мы репетируем эту. Во вторник можно в четыре встретиться. До этого я найду. Малюгин[4] зайдет, и мы». Когда кончается разговор о пьесе, мы начинаем говорить о войне, и разговор этот — единственный, который сейчас действительно волнует каждого, — затягивается. Мы выходим на улицу — отчаянный ветер, такого я еще не помню тут, охватывает нас. Холодно. Небо на западе красное. Идет воинская часть. Люди в последних рядах, недавно, очевидно, мобилизованные, одеты еще в свою одежду. Тут и черные пальто, и полушубки, и сапоги, и башмаки с обмотками.

25 апреля

Для сказки может пригодиться — деревня, где вечно дует северный ветер. Избы выгнулись, как паруса, и стволы деревьев выгнуты, и заборы.

23 июля

17 июля я уехал в Котельнич, гостил у Рахманова[5] и пробовал делать то, что умею хуже всего, — собирал материалы для пьесы об эвакуированных ленинградских детях. Рахманов принял меня необычайно приветливо и заботливо. Вероятно, благодаря этому я чувствовал себя

там так спокойно, как никогда до сих пор в гостях. Видел эвакуированные из Пушкина ясли, детская санатория бывшая. Говорил с директоршами — это было очень интересно, но как все это уместится в пьесу, да еще и детскую? Когда бомбили станцию, педагог, выдержанная и спокойная женщина, была так потрясена и ошеломлена, что сняла зачем-то туфли и, шепча ребятам «тише, тише», повела их за собою, как наседка цыплят, и спрятала их в стог сена. И ребята послушно шли за нею на цыпочках молча и покорно, старательно спрятались. Это только один случай.

18 октября

Я за это время написал пьесу, которую назвал «Далекий край». Это пьеса об эвакуированных детях 16 сентября я поехал в Москву, повез пьесу в Комитет. Ее приняли. В Москве я прожил до 4 октября. Бывал у Шостаковича. Познакомился там с художником Вильямсом, с его женой — артисткой, которая играла Варвару в «Айболите». Заключил договор на пьесу в кино[6]. «Одна ночь» ходит по рукам, ее хвалят очень Шток[7], Шкваркин[8], Шостакович, Каплер[9].

1943

6 марта

1 февраля Большой драматический театр погрузился в вагоны (два классных и, кажется, четырнадцать товарных) и уехал в Ленинград[1]. 11 февраля они, не перегружаясь, доехали до Ленинграда. Я уезжал в детскую санаторию Канып. Отвозил туда Наташу.[2] Перед отъездом моим я согласился работать завлитом в Кировском областном драматическом театре, вернувшемся из города Слободского сюда, на старое место. Работаю там[3]. То есть обсуждаю пьесы, смотрю спектакли, разговариваю.

Надо в новой пьесе попробовать написать роль человека, скрытного до чудачества. Он все скрывает не то от застенчивости, не то из брезгливости. Каждое свое движение. И все ходит в баню, все моется, моется.

8 марта

Боюсь, что я тут совсем потеряю умение держаться. Мелкие тыловые неприятности вреднее артобстрела. Они бьют без промаха и без отдыха. Когда спишь — полегче, правда. От этого я теперь всегда сплю днем.

19 марта

Военный взял в интернате ленинградских ребят на воспитание девочку. Когда он приехал за нею, ему описали ее, сказали, что зовут ее Галя и что она сейчас играет во дворе. Военный вышел, увидел группу детей, узнал

Галю по описанию и позвал ее. К его удивлению, девочка закричала: «Папа!» — и бросилась к нему. Тронутый этим, повез он свою четырехлетнюю воспитанницу в Киров. Дома он спросил ее: «Какую игрушку тебе купить?» — «Да разве ты не знаешь?» — удивилась девочка. «Не знаю». — «Лошадь купи! — сказала девочка. — Лошадь такую же, как ты мне принес в Ленинграде». Она не сомневалась, что за нею приехал отец, которого она не видела полтора года и который давно уже погиб на фронте.

3 августа

И вот мы уже в Сталинабаде[4]. Выехали в ночь на десятое июля и приехали 24-го. Три дня пробыли в Новосибирске, два дня — в Ташкенте. Сталинабад поразил меня. Юг, масса зелени, верблюды, ослы, горы. Жара. Кажется, что солнце давит. Кажется, что если подставить под солнечные лучи чашку весов, то она опустится. Я еще как в тумане. Собираюсь писать, но делаю пока что очень мало. В Союзе писателей я познакомился с Сергеем Городецким[5]. Хочу поездить, походить по горам.

1944

23 января

Поездить и походить по горам я не успел до сих пор, хотя послезавтра уже полгода, как я живу здесь. Уже зима, которая похожа здесь на весну. На крышах кибиток растет трава. Трава растет и возле домов, там, где нет асфальта. Снег лежит час-другой и тает. Не успел я поездить и походить, потому что Акимов уехал в августе в Москву и я остался в театре худруком. Кроме того, я кончал «Дракона». До приезда Акимова (21 октября) я успел сделать немного. Но потом он стал торопить, и я погнал вперед. Сначала мне казалось, что ничего у меня не выйдет. Все поворачивало куда-то в разговоры и философию. Но Акимов упорно торопил, ругал, и пьеса была кончена, наконец. 21 ноября я читал ее в театре, где она понравилась...

В Москве Акимов долго выяснял дальнейшую судьбу театра. Было почти окончательно решено, что театр переезжает в Москву. Но вдруг Большаков[1] добился в ЦК, чтобы театр послали в Алма-Ату, где на киностудии страдают от отсутствия актеров. В результате театр оказался в непонятном положении. В Алма-Ату как будто в конце концов, после хлопот Акимова, ехать не надо. Но с другой стороны — приказ о поездке не отменен. После долгих ожиданий, переписки, телеграмм Акимов 25 декабря опять уехал. Сначала в Алма-Ату. Потом в Москву. С 12 января он опять в Москве, а мы все ждем, ждем. Все эти полгода прошли в том, что мы ждали. Была надежда,

что театр поедет в Сочи, чтобы там готовить московские гастроли; потом мы думали, что уедем в Кисловодск. Много разных периодов ожиданий прошло за эти полгода. Как разные жизни, разно окрашенные, с разными подробностями. Театр играл в так называемом Зеленом театре. Открытая сцена. Вокруг каналы. После дневной жары от воды вокруг было прохладно. Ларьки были полны арбузами. Если бы не арыки и не деревья в три ряда между домами и узенькой полосой панели, было бы похоже на черноморские города. От ясного неба, фруктов, жары, вечерней музыки в парке было ощущение отпуска, каникул, праздника. Горы еще больше напоминали черноморское лето. Казалось, повернешь за угол — и увидишь море. Дожди, переход в холодный и неудобный зимний театр начали новый период, более трудный. Главное в том, что я все-таки устал и ослабел. Не могу сейчас понять, куда девалась прежняя уверенность, что вот-вот, сейчас-сейчас все будет хорошо. Иногда кажется, что я поумнел и вот-вот пойму все.

26 января

Я получил двадцать четвертого телеграмму из Москвы от Акимова: «Пьеса блестяще принята Комитете возможны небольшие поправки горячо поздравляю Акимов». Это о «Драконе». В этот же день получена от него телеграмма, что поездка в Алма-Ату окончательно отпала, а московские гастроли утверждены. Срок гастролей он не сообщает.

31 января

Все эти два месяца, после того как я дописал «Дракона», я совершенно ничего не делал. Если бы у меня было утешение, что я утомлен, то мне было бы легче. Но прямых доказательств у меня нет. Меня мучают угрызения совести и преследует ощущение запущенных дел. Не пишу никому, не отвечаю на важные деловые письма. Невероятно нелепо веду себя.

Блокада вокруг Ленинграда снята. Это взволновало всех нас. Говорим только об этом. Ждем каждую ночь приказов.

11 февраля

За эти дни я получил еще две телеграммы. От Акимова: «Ваша пьеса разрешена без всяких поправок, поздравляю, жду следующую», и от Левина[2]: «Горячо поздравляю успехом пьесы». Обе от 5 февраля.

7 марта

Приехал Акимов позавчера, пятого марта, в воскресенье. Рассказывает, что «Дракон» в Москве пользуется необычайным успехом. Хотят его ставить четыре театра: Камерный, Вахтанговский, театр Охлопкова и театр Завадского[3]. Экземпляр пьесы ВОКС со статьей Акимова послал в Москву. Не в Москву, а в Америку[4].

28 марта

Акимов заболел дня три назад гриппом, что тормозит работу. «Дракон» как будто получается.

Я не умею работать так, как полагается настоящему профессиональному писателю. Так можно стихи писать — от особого случая к особому случаю. И никак я не чувствую [себя] опытнее с годами. Каждую новую вещь начинаю, как первую.

Каждый вечер диктор говорит по радио значительным голосом: «В восемь часов пятьдесят минут будет передано важное сообщение». И в указанное время передает о взятии городов, о победах, «вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины». На Украину уезжают врачи, инженеры. Как раньше на улицах говорили о карточках, ценах, болезнях — теперь говорят о пропусках, вагонах, вызовах. Ощущение торжества.

17 июня

«Дракона», которого так хвалили, вдруг в конце марта резко обругали в газете «Литература и искусство». Обругал в статье «Вредная сказка» писатель Бородин. Тем не менее разрешен закрытый просмотр пьесы. Он состоится, очевидно, в конце июня или в начале июля. Все это я пишу в номере, очень большом номере, гостиницы «Москва». Уже месяц, как театр переехал сюда. Точнее — месяц назад, 17 мая, приехал первый вагон с актерами. Собираться в Москву мы начали еще в апреле. Акимов уехал передовым, а мы все собирались и ждали, ждали. Сталинабад в последнее время стал мне очень нравиться. Несмотря на отвратительное ощущение, вызванное ругательной статьей (оно улеглось через шесть-семь дней), вся весна вспоминается, как праздник. Уже в марте весна, которая, в сущности, чувствовалась всю зиму, вдруг начала сказываться так ясно, что даже не верилось. Правда, и местные жители не верили, предсказывали снегопады, длительное похолодание, но весна не обманула. Много друзей появилось в Сталинабаде. Когда окончательно выяснился день отъезда, стало жалко уезжать. 6 [мая]* двинулся в путь первый вагон. Восьмого — второй. Девятого — третий. Мы выехали девятого. В вагон нам принесли столько роз, что пришлось освободить ведро и поставить туда цветы. Ехать было жарко. По дороге снимали на полях пшеницу — странно было видеть разгар лета в начале мая. Когда мы приехали в Ташкент, выяснилось, что вагоны, вышедшие раньше, еще стоят там. Первый вагон выезжал через несколько часов. Мы пересели туда и попали в Москву неожиданно скоро — на восьмой день. К нашему удивлению в гостинице уже был приготовлен для нас номер.

16 июля

«Дракон» все время готовится к показу, но день показа все откладывается. Очень медленно делают в чужих

* В подлиннике ошибочно — июня.

мастерских (в мастерских МХАТа и Вахтанговского театра) декорации и бутафорию. Вчера я в первый раз увидел первый акт в декорациях, гримах и костюмах. Я утратил интерес к пьесе.

9 декабря

«Дракон» был показан, но его не разрешили. Смотрели его три раза. Один раз пропустили на публике. Спектакль, имел успех. Но потребовали много переделок. Вместо того чтобы заниматься мелкими заплатками, я заново написал второй и третий акты. В ноябре пьесу читал на художественном совете ВКИ. Выступали Погодин, Леонов — очень хвалили, но сомневались. Много говорил Эренбург. Очень хвалил и не сомневался. Хвалили Образцов, Солодовников[5]. Сейчас пьеса лежит опять в Реперткоме.

10 декабря

Начал писать новую пьесу[6]. Работаю мало. Целый день у меня народ. Живу я все еще в гостинице «Москва», как и жил. В газете «Британский союзник» 3 декабря напечатали, что моя «Снежная королева» была поставлена в новом детском театре в Манчестере. Сейчас театр гастролирует в Лондоне. Напечатано три фотографии... Сегодня Маршак читал по телефону свои стихи «Словарь» и переведенные им сонеты Китса[7]. И то и другое мне понравилось. Сказал, что завтра навестит меня. Пробую, все время пробую писать новую пьесу. День кончается, двенадцатый час. По радио передают «Пиковую даму».

15 декабря

Я почти ничего не сделал за этот год. «Дракона» я кончил 21 ноября прошлого года. Потом все собирался начать новую пьесу в Сталинабаде. Потом написал новый вариант «Дракона». И это все. За целый год. Оправ-

даний у меня нет никаких. В Кирове мне жилось гораздо хуже, а я написал «Одну ночь» (с 1 января по 1 марта 42 года) и «Далекий край» (к сентябрю 42 года). Объяснять мое ничегонеделание различными огорчениями и бытовыми трудностями не могу. Трудностей, повторяю, в Кирове и Сталинабаде было больше, а я писал каждый день. И запрещение или полузапрещение моей пьесы тоже, в сущности, меня не слишком задело. Ее смотрели и хвалили, так что нет у меня ощущения погибшей работы. Нет у меня оправданий, к сожалению…

Сегодня ходил с Акимовым в Репертком, разговаривал о новом варианте «Дракона». Разговор, в сущности, кончился ничем.

1945

23 июля

17 июля 1945 года я переехал на старую мою квартиру, которую в феврале 42-го разбило снарядом. Квартира восстановлена. Так же окрашены стены. Я сижу за своим прежним письменным столом, в том же павловском кресле. Многое сохранилось из мебели. Точнее — нам кажется, что многое, потому что думали мы, что погибло все. Часть вещей спрятала для нас Пинегина, живущая в квартире наискосок от нас. Она уезжала на фронт. Квартира ее была запечатана, и поэтому вещи сохранились. Итак, после блокады, голода, Кирова, Сталинабада, Москвы я сижу и пишу за своим столом у себя дома, война окончена, рядом в комнате Катюша[1], и даже кота мы привезли из Москвы.

25 июля

Я сажусь на двадцатый номер, который стоит у конечного своего пункта. Подходит второй вагон. Кондуктор сообщает: «Граждане, вылезайте, второй поезд пойдет раньше первого». Все повинуются. Когда мы проезжаем мимо поворота к Михайловскому замку, я с радостью вижу, что конную статую растреллиевского Петра вырыли и она лежит на боку возле постамента, чтобы вернуться на место после четырех лет войны. К Петру у меня особенное отношение. Я каждый раз в страшные дни 41 года, глядя на пустой постамент, го-

ворил себе, что Петр на фронте. В Союзе я с радостью увидел Леву Левина, который приехал из армии в отпуск. Юра Герман там же. Он и Лева говорят о том, как странно после четырех лет войны опять шагать вместе по набережной.

12 августа

Сценарий «Золушки» все работается и работается[2]. Рабочий сценарий дописан, перепечатывается, его будут на днях обсуждать на художественном совете, потом повезут в Москву. Много раз собирались мы у Надежды Николаевны Кошеверовой — она будет ставить «Золушку». Собирались в следующем составе: я, оператор Шапиро и художник Блейк или Блэк — не знаю, как он пишет свою фамилию. Кошеверова — смуглая, живая, очень энергичная, но ничего в ней нет колючего, столь обычного у смуглых, живых и энергичных женщин. И не умничает, как все они. Шапиро — полуеврей, полугрузин. Приятный, веселый, беспечный, сильный человек. Странно видеть, как дрожит у него одна рука иногда, и как он вдруг иногда начинает заикаться. Это следствие сильной контузии. В начале войны он был в ополчении. Блэк — длинный, черный, в профиль чем-то похож на Андерсена. В этом — иногда — вдруг ощущается нечто женственное и капризное. Он — самый активный из всех обсуждающих рабочий сценарий. Но предложения его меня часто приводили в отчаянье. То ему хочется, чтобы король любил птиц, то — чтобы часы на башне били раньше, чем они бьют в литературном сценарии. Все это, может быть, и ничего, но, увы, совершенно ни к чему. Я возражал — и часто яростно, но старался не обижать Блэка, ибо он человек, очевидно, нежный и, боюсь, вследствие этого недобрый. А согласие в группе — первое дело. После обсуждений мы ужинали. Кошеверова пленительно гостеприимна, что тоже редкий талант. Вообще встречи эти — целый период. Приятный.

21 октября

Сегодня день моего рождения. Мне исполнилось сорок девять лет. Пришелся этот день на воскресенье. И я мечтаю, что это к счастью. В этом году очень ранняя осень перешла в настоящую зиму дня два-три назад. На крыше дома напротив я вижу снег, на карнизах тоже, на остатках водосточных труб висят сосульки. Я за последние два месяца с огромным трудом, почти с отвращением, работал над сказкой «Царь Водокрут»[3]. Для кукольного театра. Вначале сказка мне нравилась. Я прочел ее труппе театра. Два действия прочел. Актеры хвалили, но я переделал все заново. И пьеса стала лучше, но опротивела мне. Но, как бы то ни было, сказка окончена и сдана. Но запуталось дело со сценарием, который заказал мне для режиссера Роу «Союздетфильм»[4]...

«Золушку» готовят к съемкам. Боже мой, какое это громоздкое, бестолковое, неуклюжее предприятие. Картину решили делать цветной, отчего все дело еще более усложнилось. Снимать ее собираются в Праге, что тоже дела не упростит.

1946

18 января

Вот и пришел новый год. Сорок шестой. В этом году, в октябре, мне будет пятьдесят лет. Живу смутно. Пьеса не идет[1]. А когда работа не идет, то у меня такое чувство, что я совершенно беззащитен и всякий может меня обидеть. Новый год после пятилетнего перерыва (41—46) встречали мы в Доме писателей. Было тесно, шумно, бестолково, но сытно и не скучно. Мы пытались устроить так, чтобы у встречающих не вырезали из карточек талоны. Ездили делегацией в Ленсовет. Из поездки ничего не вышло. Талоны резали, но зато по этим талонам выдали продукты высокого качества. Жалоб не было. Было тесно, шумно, бестолково, но празднично. Тем не менее работа над пьесой не идет. 11-го Михалков читал в Комедии свою пьесу «Смех и слезы». Имел огромный успех. После этого я пошел к нему обедать. Он жил в «Астории» вместе со Львом Никулиным. На другой день Михалков и Никулин читали в Доме писателей. Михалков — басни. Никулин — отрывки из книги о Шаляпине. После чтения мы ужинали в кабинете директора Дома. Были Ахматова, Зощенко, Орлов[2], Лихарев[3], Лифшиц[4], Рест[5], Меттер[6], Берггольц, Макогоненко[7]. Михалкова я встречал раньше мало и ненадолго. На этот раз я его рассмотрел. В первый момент встречи поразил он меня сходством с генералом Игнатьевым[8]. Кавалергардский рост и выражение глаз — и отчаянное,

и хитроватое, и хмельное, и сонное. Основное впечатление — приятное. Талантливости.

4 марта

Я вот уже восьмой день пишу не менее четырех часов в день. Пишу пьесу о влюбленном медведе, которая так долго не шла у меня. Теперь она подвинулась. Первый акт окончен и получился.

10 апреля

Сценарий «Царь Водокрут» принят в Москве «Союздетфильмом». Ставит Роу.

Пьесу все пишу да пишу. Читал Акимову. Едва не поссорился с ним. Целый месяц не разговаривал. Он очень тяжелый человек. Теперь как будто помирились. Пишу второй акт. Застрял на сцене встречи переодетой принцессы с медведем. Переписываю чуть ли не в шестой раз.

Я получил медаль за оборону Ленинграда. За месяц до этого — медаль за доблестный труд во время войны.

3 мая

Был сегодня днем в Комедии. Актеры встречают меня всегда радостно, и это меня радует. Еще меня обрадовала заметка в «Советском искусстве» о том, что в Берлине на немецком языке выходят мои пьесы. В последние дни работаю мало, что меня ужасно мучает. Первого мая был на трибуне. Парад всегда волнует. Маршал Говоров скакал, здоровался, ему отвечали — и вдруг все засмеялись на трибунах. Нахимовцы тоненькими мальчишескими голосами ответили на приветствие.

17 июня

Четырнадцатого мая поехал я в Москву... Увидел в Москве после восьмилетней разлуки Заболоцкого[9].

Много говорил с ним. Обедал с ним у Андроникова[10]. Ехал домой как бы набитый целым рядом самых разных ощущений и впечатлений и вот до сих пор не могу приняться за работу. Странное, давно не испытанное с такой силой ощущение счастья. Пробую написать стихотворение «Бессмысленная радость бытия»[11]…

21 октября

Сегодня мне исполнилось пятьдесят лет. Вчера сдал исправления к сценарию «Золушка». Сидел перед этим за работой всю ночь. К величайшему удивлению моему, работал с наслаждением, и сценарий стал лучше. В «Вечернем Ленинграде» написал Янковский в статье о детской драматургии, что я один из лучших детских драматургов, но что мне нужно общими силами помочь заняться современной темой. Что же случилось за этот год от сорокадевятилетнего возраста до пятидесятилетнего? Написано: «Царь Водокрут» (сценарий и пьеса), «Иван честной работник» (пьеса для ремесленников. Для их самодеятельности), сценарий «Первая ступень»[12]— для «Союздетфильма», сделал почти два акта пьесы для Акимова[13]. Начал пьесу «Один день»[14]. А пережил что? Два раза был в Москве: в мае и в августе. Был в Сочи. А чем был окрашен для меня этот год? Не знаю. Несколько раз испытывал просто бессмысленное ощущение счастья. Не знаю отчего. Думать, что это предчувствие, перестал. Бессмысленная радость бытия… Что же все-таки принес мне этот год? В литературе стало очень напряженно. Решение ЦК резко изменило обстановку. В театре и в кино не легче. Особенно в кино. Что я сделал? Что сделано к пятидесяти годам? Не знаю, не знаю. Каждую новую работу начинаю, как первую. Я мало работаю. Что будет? Не знаю. Если сохраню бессмысленную радость бытия, умение бессмысленно радоваться и восхищаться — жить можно. Сегодня проснулся с ощущением счастья.

1947

7 января

Позвонил Акимов, пригласил к 3 часам в театр подписать договор на пьесу «Один день». В половине третьего я пошел с Наташей через Михайловский сад погулять. Вышел к Петру, который стоит у Михайловского замка. Памятник покрыт инеем. Он мне нравится все больше и больше. Наташа проводила меня до театра. Там на площадке меня радостно приветствовали актеры. Наверху Флоринский читал статью для сборника о театрах Ленинграда во время войны. Статью о Театре комедии. Слушали Акимов, Бартошевич[1], Рахманов. Когда я вошел, уже шло обсуждение статьи. Вспоминали блокадный Ленинград. О том, как на премьере спектакля «Давным-давно» зрители не могли понять, на сцене ли это изображают пальбу, или идет обстрел города[2].

9 января

Дома узнал, что звонил Эйхенбаум[3]. Оказывается, он нашел в сборнике (точнее, в книге М. К. Корбута, т. 2 «Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет» (1804/5—1929/30) фотографию отца и упоминание о нем. (Он был в подпольном с[оциал]-д[емократическом] кружке университета.) Об отце на с. 204 говорится в примечании 57: «Шварц Лев Борисович (Васильевич) — еврей, сын мещанина; род. 10.XII.1874 г. в Керчи, обучался в

Керченской, Кубанской и Екатеринодарской гимназиях. В 1892 г. зачислен на мед. ф. Каз. ун., причем ректор предложил инспектору студентов учредить за Ш. “особо бдительный надзор” ввиду данных, изложенных в характеристике Екатеринодар. гимн. В характер. говорилось, что Ш. в бытность в VIII кл. “точно переродился, стал раздражителен, дерзок, запальчив, начал выказывать недовольство на гимназич. порядки, был замечен в дерзком отношении к старшим”. В 1896 г. Ш. крестился в связи, по-видимому, со скорой женитьбой на православной (М. Ф. Шелковой). В 1898 г. унив. окончил (Дело инсп. студ. 1892 г. № 208 о зачисл. в студ. Л. Б. (В.) Шварца на 43 л.)». А на 185 с. — фотография отца: совсем мальчик, с очень славным, мягким выражением. Отец умер в 1940-м и не знал об этой книге. И мама[4] тоже. Жалко. Если буду в Казани, загляну в «дело».

15 января

Ну вот и кончается моя старая тетрадь. Ездила она в Сталинабад, ездила в Москву. В Кирове ставили на нее электрическую плитку — поэтому в центре бумага пожелтела. Забывал я ее, вспоминал. Не писал месяцами, писал каждый день. Больше всего работал я в Кирове и записывал там больше всего…

Начну теперь новую тетрадь. А вдруг жизнь пойдет полегче? А вдруг я наконец начну работать подряд, помногу и удачно? А вдруг я умру вовсе не скоро и успею еще что-нибудь сделать? Вот и вся тетрадь.

16 января

Года с двадцать шестого были у меня толстые переплетенные тетради, в которые я записывал беспорядочно, что придется и когда придется. Уезжая в декабре 41-го из Ленинграда в эвакуацию на самолете, куда нам разрешили взять всего по 20 кило груза, я тетради эти сжег, о чем очень жалею теперь. Но тогда казалось, что старая

жизнь кончилась, жалеть нечего. В Кирове в апреле 42-го завел я по привычке новую тетрадь, которую и кончил вчера... По бессмысленной детской скрытности, которая завелась у меня лет в тринадцать и держится упорно до пятидесяти, не могу я говорить и писать о себе. Рассказывать не умею. Странно сказать, но до сих пор мне надо сделать усилие, чтобы признаться, что пишу стихи. А человек солидный, ясный должен о себе говорить ясно, с уважением. Вот и я пробую пересилить себя. Пишу о себе как ни в чем не бывало. Сейчас первый час. Вдруг мороз пропал. За окном постукивают капли — дождь идет как будто. На душе смутно. Я мастер ничего не видеть, ничего не обсуждать и верить, даже веровать, что все обойдется. Но через этот туман начинает проступать ощущение вещей, на которые глаз-то не закроешь. Лет много. Написано мало. Навыков профессиональных нет. Каждую новую вещь я начинаю писать, как первую, со страхом.

18 января

Сегодня кончил, наконец, сценарий[5]. Первый раз в жизни работал так мучительно.

20—21 февраля

Целый день вожусь с первым актом пьесы для Комедии[6]. Завтра в двенадцать читка, а у меня едва намечен первый акт. Сажусь, напишу две строчки, встаю, ловлю по радио такую музыку, которая могла бы мне помочь, снова пробую писать, прихожу в ужас от того, как мало сделано. Обедать садимся рано. У меня так дрожат руки, что я отказываюсь от супа. После обеда повторяется та же история. К вечеру у меня написаны всего две страницы. В половине одиннадцатого я ложусь на час поспать, а с двенадцати, наконец, работа начинает идти по-настоящему... Я, наконец, пришел в то приятнейшее состояние, когда удивляет одно: почему я не пишу все

время, почему я все откладываю да пишу понемножку, когда это такое счастье. Теперь я не искал поводов оторваться от работы, а наоборот, меня раздражала эта необходимость. К восьми часам первый акт был готов. Я поспал до одиннадцати и к двенадцати был в театре. Акимов, очевидно, не ждал, что я приду. Он улыбнулся радостно, и мы поцеловались, что у него не в манерах. Он писал портрет Володи Лифшица, который тоже остался слушать. Слушали первый акт: Акимов, Ханзель[7], Зинковский[8], Осипов[9], Яценко (директор театра), Рахманов. Я читал по выработанной привычке, не подымая глаз, чтобы не думали, что я стараюсь разглядеть, какое произвожу впечатление. Но чувствовал и без этого, что слушают хорошо. Обсуждали долго, очень хвалили. (Слушал еще Бонди[10], забыл сказать.) Говорили главным образом о втором и третьем актах. (Еще не существующих.) Высказывали пожелания. Решили, что второй акт я буду читать через неделю, 28-го. Домой я вернулся около четырех, чувствуя себя необычайно легко и хорошо, хотя спал всего около двух часов. Лег спать и вечером проснулся разбитым. Заходил к Эйхенбауму, взял воспоминания Панаева и Тютчевой. Вспомнил, как в детстве по субботам бывал у директора реального училища Истаманова, с сыном которого, Жоржиком, дружил. Читал Панаева.

1 марта

В ночь на сегодня позвонил Фрэз и сообщил, что у него приятные, и неприятные новости. Приятные — сценарий очень хвалили на худсовете министерства. Решили считать его важнейшей картиной «Союздетфильма». Неприятные: в силу этого Фрэза, которому сценарий обязан своим существованием (без него я не стал бы возиться с этой труднейшей темой), хотят снять и назначить другого режиссера. Я дал протестующую телеграмму в министерство и «Союздетфильм». После разговора с Фрэзом долго не мог уснуть.

19 марта

Ночью разговаривал с Фрэзом по телефону. Его окончательно назначили режиссером «Первоклассницы». Прочел за эти дни воспоминания Аполлона Григорьева — книгу трагическую и воистину русскую. Тяжелую книгу.

23—26 апреля

В среду произошло неожиданное событие. Я получил из Берлина письмо о том, что «Тень» прошла в Театре имени Рейнгардта, точнее, в филиале этого театра, Kammerspiele, с успехом, «самым большим за много лет», как сказано в рецензии. «Актеров вызывали к рампе сорок четыре раза». Я, несколько ошеломленный этими новостями, не знал, как на это реагировать. Пьеса написана давно. В 39-м году. Я не очень, как и все, впрочем, люблю, когда хвалят за старые работы. Но потом я несколько оживился. Все-таки успех, да еще у публики, настроенной враждебно, — вещь скорее приятная... Пятница началась интересно. Телеграмма из Москвы. Кошеверова и Погожева[11] сообщают, что худсовет министерства принял «Золушку» на отлично. Что особенно отмечена моя работа. Поздравляют. Едва я успел это оценить — телефон: Москвин[12] поздравляет — ему Кошеверова звонила из Москвы. Едва повесил трубку — Эрмлер звонит. Тоже поздравляет. Потом начались звонки со студии. Я принимал все поздравления с тем самым ошеломленным, растерянным ощущением, с каким встречаю успех. Брань зато воспринимаю свежо, остро и отчетливо. «Золушка», очевидно, для тех, кто не знает литературный сценарий, приемлема. Ну вот. Надо ли говорить, что это еще больше выбило меня из колеи. Взбудоражило. Суббота принесла новые сенсации. Васильев[13] телеграфировал Глотову[14], что поздравляет его и весь коллектив. Что «Золушка» — победа «Ленфильма» и всей советской кинематографии. Глотов приказал эту телеграмму перепи-

сать на плакат и выставить в коридоре студии. Тут уже я стал пугаться. Я люблю нормальный успех. В этом буме, мне показалось, что-то угрожающее есть. Я вспомнил успех «Дракона», который кончился так уныло. Словом, я притаился внутренне и жду. И я устал, устал — сам не знаю отчего. Впрочем, все эти сенсации меня ободрили. Моментами кажется, что все будет хорошо.

27—28 апреля

Чудеса с «Золушкой» продолжаются. Неожиданно в воскресенье приехали из Москвы оператор Шапиро и директор. Приехали с приказанием: срочно, в самом срочном порядке, приготовить экземпляр фильма для печати, исправив дефектные куски негатива. Приказано выпустить картину на экран ко Дню Победы. Шапиро рассказывает, что министр смотрел картину в среду. Когда зажегся свет, он сказал: «Ну что ж, товарищи: скучновато и космополитично». Наши, естественно, упали духом. В четверг смотрел «Золушку» худсовет министерства. Первым на обсуждении взял слово Дикий. Наши замерли от ужаса. Дикий имеет репутацию судьи свирепого и неукротимого ругателя. К их великому удивлению, он стал хвалить. Да еще как! За ним слово взял Берсенев. Потом Чирков. Похвалы продолжались. Чирков сказал: «Мы не умеем хвалить длинно. Мы умеем ругаться длинно. Поэтому я буду краток...» Выступавший после него Пудовкин сказал: «А я, не в пример Чиркову, буду говорить длинно». Наши опять было задрожали. Но Пудовкин объяснил, что он попытается длинно хвалить. Потом хвалил Соболев. Словом, короче говоря, все члены совета хвалили картину так, что министр в заключительном слове отметил, что это первое в истории заседание худсовета без единого отрицательного отзыва. В пятницу в главке по поручению министра режиссерам предложили тем не менее внести в картину кое-какие поправки, а в субботу утром вдруг дано было

вышезаписанное распоряжение: немедленно, срочно, без всяких поправок (кроме технических) готовить экземпляр к печати. В понедельник зашел Юра Герман. К этому времени на фабрике уже ходили слухи, что «Золушку» смотрел кто-то из Политбюро. Юра был в возбужденном состоянии по этому поводу... Он остался у нас обедать... Потом Юра читал отрывки из своего романа о Северном флоте, которые мне очень понравились. Он умеет создавать в своих вещах (как и Каверин) уютную, как бы диккенсовскую обстановку. Только у Германа она ближе к жизни, и люди сложней, и любовь не столь пасторальна. Я доволен успехом «Золушки» — но как бы теоретически. Как-то не верю. Ну вот — кончается вторая тетрадь. Зачем я их пишу — не знаю. Но иногда как будто удается поймать миг за хвост. (Для себя.) Начну новую тетрадь. А вдруг все будет хорошо!

8—12 мая

Дом кино устроил из просмотра «Золушки» в некотором роде праздник. В вестибюле — гипсовые фигуры выше человеческого роста. Какие-то манекены в средневековых одеждах. В фойе выставка костюмов на деревянных безголовых манекенах же. (Внизу они с головами и руками.) На стенах фойе — карикатуры на всех участников фильма. На площадках — фото. Но праздничней всего публика, уже посмотревшая первый сеанс. Они хвалят картину, а главное — сценарий, так искренне, что я чувствую себя именинником, даже через обычную мою в подобных случаях ошеломленность. Звонок. Идем в зрительный зал. На занавесе, закрывающем экран, нашиты буквы: «Золушка». Трауберг идет говорить вступительное слово. Его широкая физиономия столь мрачна, что я жду, что он, как всегда, будет нас бранить за нехорошее поведение. (Так он делает всегда по средам, перед просмотрами иностранных картин. То мы членские взносы не платим, то не по тем пропускам

ходим, то не так сидим.) На этот раз он милостив. Хвалит картину, в особенности сценарий, и представляет публике виновников торжества. Нам аплодируют. Но и тут он проявляет характер. Не называет и не представляет публике Акимова, сидящего в зале, хотя декорации его были отмечены в решении худсовета. Ругает он на этот раз только дирекцию студии за то, что она хороший экземпляр послала в Москву, а плохой показывает в Доме кино. Начинается просмотр. Смотрю на этот раз с интересом. Реакции зала меня заражают. После конца — длительно и шумно аплодируют. Перерыв. Обсуждение. Хвалят и хвалят...

Иду на вернисаж выставки Акимова в Союз художников[15]. Торжественное заседание перед выставкой. Говорят речи Серов[16], Морщихин[17], художник Рыков[18]. Затем публику приглашают в выставочные залы. Впечатление от выставки солидное — два больших зала и хоры заняты работами Акимова. Портреты, эскизы постановок, макеты. (Два моих портрета — 39 и 43 года. На первом — я толст. На втором — тощ.) Театральные работники хвалят. Художники выставку поругивают.

15—22 мая

В понедельник звонит утром Бартошевич, напоминает, что я обещал выступить на обсуждении выставки Акимова. Обещаю. Вечером выхожу. Дом художников, где когда-то было Общество поощрения искусств и где учился когда-то лучший мой друг, пропавший без вести Юрий Соколов. Малый выставочный зал полон. Собрание открывает молодой и толстый Серов. Бартошевич делает доклад, мямлит, тянет. Основной прием очень опасный. Он излагает доводы противников Акимова, а потом крайне вяло их опровергает. «Утверждают, ссылаясь на то-то и то-то, что Акимов — формалист. По-моему, это не верно. Говорят, что он сух, рассудочен и однообразен, ссылаясь на такие-то и такие-то его

работы. С моей точки зрения, это не так». В зале начинают уже посмеиваться. Как всегда, после речи докладчика никто не хочет выступать первым. Из президиума подходит ко мне художница Юнович[19]. Уговаривает выступить меня. Я отказываюсь. Наконец соглашается выступить Цимбал. Потом говорит Левитин[20]... Говорит храбро. Хвалит безоговорочно... Затем, наконец, приходится говорить мне. Говорю о смежности и раздельности искусств. Удивляюсь тому, что в литературе, когда хотят похвалить, пользуются терминами других искусств. О слове говорят: «Музыкально. Живописно». Художники же говорят: «Литературно», когда хотят выругать. Признаю, что это явление здоровое. Каждое искусство должно обходиться своими средствами. Я сам не люблю, скажем, программной музыки — но не слишком ли дифференцировались искусства? Почему не только передвижники, но и «Мир искусства» шли в ногу со всеми передовыми отрядами литературы, музыки, философии своего времени, почему их выставки были переполнены зрителями? Почему и сейчас полно в Филармонии? Говорю об Акимове как о художнике, в котором, независимо от того, что он делает, внимательный человек узнает человека с переднего края, боевого художника, деятеля искусств. Это пограничник, не охраняющий границы, а вторгающийся на чужие территории. Как настоящий боец, он и смел и разумен. Бывают у него и победы и поражения. Ну вот и все в общих чертах. Затем выходит художник Павлов[21] с лицом злодея, высокий, бледный, черные усы, приказчичий нос. Яростно громит Акимова за его портреты. Он не видит здесь борьбы за социалистический реализм. Его поддерживает маленький человечек, фамилии которого я не расслышал, преподаватель Академии. Юнович Акимова защищает. Серов говорит заключительное слово очень толково и очень доказательно. Хваля вежливо Акимова, обвиняет его как раз в недостаточности

формализма. Нельзя бороться с фотографией, увеличивая или уменьшая на сантиметр нос, вытягивая шею натуры. Надо найти форму для таких опытов. Долго объясняет мне причины, по которым художники считают слово «литературно» ругательным, что, впрочем, мне самому хорошо известно и понятно. Затем Акимов в высшей степени остроумно отвечает выступавшим хулителям. Он говорит, что очень уважает самодеятельность. Полезно, когда человек делает нечто для души, для собственного удовольствия, помимо основной своей работы. Так он рассматривает свои портреты. Общественного вреда они не приносят — так как не висят ни в музеях, ни в учреждениях. Дальше он благодарит оратора, сказавшего прямо ему в лицо: «Плохи ваши портреты, Николай Павлович». — «С этим я согласен, — говорит Акимов. — Меня утешает только то, что в этом несчастье я не одинок». Тут ему аплодируют.

28—30 сентября

«Первоклассница» снимается в Ялте, и, по слухам, получается отлично. Пьеса, написанная для Шапиро, тоже в работе, хотя ответа из Москвы он еще не получил. (Из Реперткома.) В театре Деммени заново поставили «Сказку о потерянном времени»[22]. С периферии приходят письма (адресованные, правда, не мне, а актерам), из которых ясно, что картина «Золушка» понята именно так, как мне хотелось. А самое главное, я пишу новый сценарий и многое в нем пока как будто выходит. Сценарий о двух молодых людях, которые только что поженились, и вот проходит первый год их жизни с первыми ссорами и так далее и тому подобное[23]. Главная трудность в том, чтобы сюжет был, но не мешал. (Словом, как всегда, когда я касаюсь самого основного, литературы, и касаюсь, так сказать, со стороны, мне делается совестно, слова отнимаются и мне хочется заткнуться.) Итак, работа на данный день идет.

1948

21 апреля

Приезжали немецкие писатели[1]. Бернгард Келлерман очень, очень старый. Я в детстве любил «Туннель» и ощущал эту книгу как некое жизненное явление, без автора, без начала, — как чудо; словом, так, как ощущается книга в детстве. И расстроился, увидев дряхлого, земного автора, как удивлялся и расстраивался много раз. И вообще, что-то он мне не показался. Остальные немцы ничего себе, тем более что никого из них я не читал раньше. Еще что? Читал в Комедии два акта «Медведя». Впрочем, об этом я уже писал. Пробую пьесу кончить. Моя собственная неуверенность мешает мне направить ее по той или другой дороге. Что еще? Попробую писать детскую пьесу[2]. Попроще сюжетом и побогаче.

29 августа

Необходимо решить, что я буду писать дальше. Вот и буду размышлять вслух, чтобы заодно научиться печатать на машинке.

Прежде всего мне надоела моя сказочная манера писать. Все это искусство не слишком точное. Это мне особенно заметно, когда я читаю сказки моих коллег. И не все туда уложишь. В сказку-то.

Тем не менее надо подумать именно о сказке для МТЮЗа. У меня договор с ними[3]. Театр этот со мною всегда был трогательно внимателен и мил.

О чем же сочинить сказку? Приятнее всего мне сказка трогательная. Точнее, сейчас мне хочется сделать именно такую сказку. Трогательнее всего, пожалуй, история о братце и сестрице, об Аленушке и Иванушке. Но боюсь, что это выйдет похоже на «Снежную королеву»[4].

4 октября

При бесконечных разговорах о влиянии, которые так любят литературоведы, кроме многих других вещей, они не учитывают одного обстоятельства. Я полушутя изложил его в стихах следующим образом:

На душе моей темно,
Братцы, что ж это такое?
Я писать люблю одно,
А читать люблю другое!

И в самом деле. Я люблю Чехова. Мало сказать люблю — я не верю, что люди, которые его не любят, настоящие люди. Когда при мне восхищаются Чеховым, я испытываю такое удовольствие, будто речь идет о близком, лично мне близком человеке. И в этой любви не последнюю роль играет сознание, что писать так, как Чехов, его манерой, для меня немыслимо. Его дар органичен, естественно, только ему. А у меня он вызывает ощущение чуда. Как он мог так писать?

А романтики, сказочники и прочие им подобные не вызывают у меня ощущения чуда. Мне кажется, что так писать легко. Я сам так пишу. Пишу с наслаждением, совсем не похожим на то, с которым читаю сочинения, подобные моим. Точнее, родственные моим.

В чем же дело?

Неужели на меня влияют те писатели, которые нравятся мне меньше? Или дело здесь в органической, врожденной (как голос, к примеру) склонности к данному виду литературы? Или на самом деле влияние было, но так давно, в таком раннем детстве, что я начисто об этом забыл?

Не думаю, что раннее, детское впечатление такой силы можно было бы забыть.

Припоминаю теперь, что первую свою пьесу «Ундервуд» я совершенно искренне считал произведением вполне реалистическим. С удивлением и удовольствием услыхал я, что у меня получился новый вид сказки. Очень мне это понравилось. Думаю, что в дальнейшем я сознательнее, чем прежде, старался, чтобы пьесы мои походили на сказки.

К чему я все это пишу? Во-первых, потому что продолжаю учиться печатать. А во-вторых, потому, что вопрос о влияниях не так прост и решается не столь прямо. Прекрасная вещь возбуждает желание работать, но не передразнивать, если ты уже человек, а не обезьяна. А работаешь — как можешь.

1950—1953

27 июля 1952 г.

Черкасов[1] рассказывает об Эйзенштейне: «Он боялся умереть — мексиканская гадалка предсказала ему смерть в пятьдесят лет. Когда в Доме кино хотели отпраздновать его пятидесятилетний юбилей, он сказал: "Тсс, тсс, отложим на месяц", — и умер через две недели. Он всегда был в маске. Он меня очень любил, но откровенен со мною не был. На съемках шутил, чтобы повысить настроение. В ужасных условиях снимали мы «Грозного»[2]. Эйзенштейн глядит в аппарат: "А ну, царюга, пять шагов вперед. Так. Полшага вправо. Шаг влево" . И вдруг что-то ледяное падает мне за шиворот. Это, оказывается, Эйзенштейн нарочно подвел меня к сосульке, с которой капало. Он был суеверен — ничего не начинал в понедельник или пятницу. Как его любили в группе!»

13 мая 1953 г.

Я сегодня утром кончил пьесу «Медведь», которую писал с перерывами с конца 44 года. Эту пьесу я очень любил, прикасался в последнее время к ней с осторожностью и только в такие дни, когда чувствовал себя человеком.

25 декабря 1953 г.

Сегодня звонил Товстоногов относительно «Медведя», которого он прочел. Ему очень нравится первый

акт, менее нравится второй и совсем не нравится третий, кроме некоторых сцен. Он просит выслушать его соображения, где я хочу, — у них в театре, у меня дома — и так далее. Я слушал слова заинтересованного человека, действительно заинтересованного, желающего пьесу поставить, как музыку. Заходил к Тоне. Он все пробует написать, найти теорию художественного чтения, и я с завистью слушаю его рассуждения.

6 марта 1953 г.

Сегодня сообщили, что вчера скончался Сталин. Проснувшись, я выглянул в окно, увидел на магазине налево траурные флаги и понял, что произошло, а потом услышал радио. Через час еду в город — в пять общее собрание в Союзе. <… > Мне сегодня писать трудно. День мрачный, ночью не спалось. По радио передают печальную музыку.

7 марта 1953 г.

Вчера в Союзе состоялось траурное собрание. Против обыкновения, зал наполнился за полчаса до срока. Анна Ахматова вошла, сохраняя обычную свою осанку, прошла вперед, заняла место в первых рядах. В президиуме — никого. Зал, переполненный и притихший-притихший, ждет. Не слышно даже приглушенных разговоров. Но вот в президиуме появляются. Кочетов и Луговцов — секретарь партийной организации. Тише не делается, это невозможно, зал становится неподвижнее. Но не успел секретарь договорить: «Предлагаю почтить память почившего вождя…» — зал встает и стоит смирно дольше, чем обычно в подобных случаях. Плачут женщины. После того как прочитано сообщение Совета Министров и ЦК, Кочетов обращается в зал: «Кто просит слова, товарищи?» После паузы поднимается Владимир Поляков. Его длинное и длинноносое лицо, хранящее обычно свойственное всему виду эстрадников

скептическое выражение: «Меня не надуешь», — сегодня торжественно и печально. И все же необычность происходящего нарушается. Собрание делается более традиционным. Только зал по-прежнему тих и неподвижен. После выступления нескольких поэтов и Пановой Прокофьев читает проект письма в ЦК, которое и принимается.

1954

18 марта

Режиссер Цетнерович Павел Владиславович — человек очень высокого роста. Репетирует он неутомимо, не замечая времени, как оратор, нарушающий регламент[1]. Он тощий, узкоплечий, седой, ставит на режиссерский столик три стакана с очень крепким чаем, а под стул — бутылочку из-под боржома. «Тут мое лекарство», — сообщил он, когда я, по неведению, едва не опрокинул этот сосуд. Кажется, там черный кофе. И все время он мечется. То он на сцене, то в партере, и кричит, кричит. Кричит он указания актерам. Например: «Володя, тут вы затормозите, чтобы накопить, а я потом дожму, в поэтическом плане», «Лучше. Насыщенно. Но это еще не потолок», «У этих фраз правильные рельсы, но ты не снижай, и тогда эмоция сама выплеснет», «Маша, тут у тебя есть привкус истошности», «Тут эмоция отошла, осталась материнская настойчивость» — и так далее. И актеры понимают его. Это сложное существо, актерский коллектив, в основном слушается своего долговязого и седого повелителя, но полное подчинение, священный трепет — отсутствуют. На замечания актеры, правда, невнятно и глухо огрызаются. Они в коридоре обсуждают трактовку образов и глухо и невнятно спорят с ней. Полного подчинения свирепый режиссер добиться может. Но священный трепет — другое дело. Тут нужна режиссеру слава, многие победы или очень молодой

коллектив. Между тем Цетнерович очень уж моложав. Кажется иной раз, что ему лет пятнадцать, несмотря на его седые волосы, и авторитет свой он укрепляет, доказывает, что уже взрослый, — так же шумно и обидчиво, как в том возрасте. Сейчас еду на генеральную. Вечером постараюсь дописать, что из всего этого получится. Получилось вот что: премьеру отложили еще на четыре дня, то есть до 24-го[2]. От сегодняшнего дня, следовательно, почти на неделю. Не знаю, что из этой новой премьеры выйдет. Сегодня шло плохо.

19 марта

Вчерашняя генеральная репетиция вызвала тот самый нездоровый, сонный отзыв всего моего существа, который я терпеть не могу. Я дважды на самом деле засыпал да и только. Было человек полтораста зрителей — детей. Все девочки, ученицы третьего класса. «Реакции», как говорили на заседании художественного совета, были правильные, но то, что творилось на сцене, ни на что не было похоже. Я удивлялся, как девочки поняли хотя бы то, что деревья плакали. Слез не было. Не вышли. На нижних ветвях повисли не то значки, не то сережки, да и их тоже не осветили. Ужасна была избушка. Я, вместо того чтобы прийти в ярость, впал в безразличное состояние. Засыпал не только на репетиции, но и на художественном совете.

10 апреля

Вчера состоялась премьера «Двух кленов». Успех был, но не тот, который я люблю. Мне все время стыдно то за один, то за другой кусок спектакля. Возможно, что не я в этом виноват, но самому себе этого не докажешь. Видимо, с ТЮЗом московским, несмотря на дружеские излияния с обеих сторон, мне больше не работать. Тем не менее и успех, и атмосфера успеха имелись налицо.

24 мая

В октябре 33 [года] состоялась в ТЮЗе премьера «Клада». Генеральная не удалась. Никто не ждал успеха. Но, придя на просмотр с публикой, мы увидели нечто поразившее, даже испугавшее нас. Вестибюль оказался переполнен. Весь Ленинград собрался на просмотр. Я вошел как раз в тот момент, когда Н. Тихонов спорил запальчиво с неопытным тюзовским администратором, доказывая, что он имеет все права быть на просмотре. Успех был неожиданный и полный. В «Литературном Ленинграде» появился подвал: «ТЮЗ нашел клад». Стрелка вдруг словно бы дрогнула, пошла на «ясно»...

9 сентября

А вчера звонил Козинцев. Ему предлагают писать «Дон Кихота». Он позвонил об этом мне, и мне вдруг захотелось написать сценарий на эту тему. Хожу теперь и мечтаю.

10 сентября

Продолжаю думать о «Дон Кихоте». Необходимо отступить от романа так, как отступило время. Ставить не «Дон Кихота», а легенду о Дон Кихоте. Сделать так, чтобы, не отступая от романа, внешне не отступая, рассказать его заново.

13 сентября

Начал читать «Дон Кихота», и стало страшно. Трудно схватить его дух. Сервантес был сын врача — единственное утешение.

14 сентября

Продолжаю читать «Дон Кихота», и прелесть путешествия по дорогам, постоялые дворы, костры понемногу отогревают насторожившееся мое внимание.

Притаившуюся мою впечатлительность. Особенно тронула сцена у пастухов, где Дон Кихота принимают и угощают. Вообще, видимо, начинать сценарий следует сразу на большой дороге, с разговора о том, чем питаются странствующие рыцари, о том, что они не спят, о литературе[3]. Потому что из всех нападок на рыцарские романы следует сохранить то, чем можно поспорить с абстрактными героями нынешних книг. Страстная любовь к жизни стареющего человека — вот что еще можно придумать себе, когда будешь работать. Не Дон Кихот страстно любит жизнь, а автор. Драки, рвота, поносы, кровь! Особенно драки! Дон Кихота избивают с удивительной периодичностью. И я, понимая, что это протест против непрерывных побед рыцарских романов, просто не знаю, как поступать с этим в сценарии. Но вот рыцарь и оруженосец тронулись в путь, и надежды мои оживают. Утешает меня и то, что по мере развития романа, к счастью, автор начинает любить Дон Кихота, и тот из настоящего сумасшедшего обращается в безрассудного безумца, из маньяка — в одержимого высокой идеей. И если удастся передать прелесть путешествия, с одной стороны, и показать, что видит Дон Кихот и что видит Санчо Панса, — то, может, и одолеем? Главное — не давать себе замирать почтительно, опустив руки по швам перед величием собственной задачи и романа, которого касаешься.

15 сентября

Сегодня утром пришло мне в голову вместо планов, которые никогда у меня не удаются, написать сразу сценарий «Дон Кихот». Мне куда легче думать, переписывая. Дон Кихот имел прозвище: Алонзо Добрый. Он и читать начал по доброте, чтобы успокоить боль сердца. И на дорогу вышел, убедившись, что жить и любить можно иначе, чем соседи, а непрерывно совершая подвиги. Неужли добро может породить зло? Теперь мело-

чи, которые приходят в голову. Вор, укравший Серого, рыдает от угрызений совести, но иначе поступить не может. А может быть, этот вор и есть противоположность Дон Кихоту. «Уж очень я озлобился!» Он же говорит: «Добро не может породить зла. Но в чем добро? Да в уничтожении зла. А раз не уничтожил ты зла — следовательно, не сотворил ты добра. А что ты сотворил? Зло! Значит, такой же ты злодей, как и я». Он должен говорить: «Я простой, я круглый, словно шарик или нечто в этом роде». Очень мила дочь хозяина. Она любит рыцарские романы не за драки и не за повести, а за жалобы влюбленных. Она добра, как Дон Кихот. И, перевязав ему раны, отправляется за ним. И вор, переодетый цыганом, как в романе, с ними. Можно придумать множество переодеваний. Это приводит, к тому, что в честном человеке подозревает Дон Кихот переодетого Хинеса де Пасамонте. В последнюю ночь перед своей смертью бродит Дон Кихот и прощается с миром. И перед смертью начинает понимать речи деревьев, слушает разговор Росинанта и Серого. Дочь трактирщика, к ужасу Дон Кихота, иной раз говорит неправду. И объясняет это. Рассуждая, говорит: «Я не умна — моя бабушка умна, у нее нашлось к старости время подумать». — «У женщин нет времени думать».

16 сентября

Продолжаю читать «Дон Кихота» и думать о сценарии. Вчера, впервые за год, а может быть, и еще за больший срок, спустился возле [дачи] Державиных и внизу свернул направо, повторил прогулку, когда-то ежедневную. Прорыты глубокие канавы. По чистому песчаному дну бегут ручьи. Все это незнакомо. Но журчат новые ручьи, как старые. Прорублена широкая просека, по ней дохожу до поворота к морю. И все думаю о Дон Кихоте. Прибой был, видимо, эти дни сильный. Обломки камыша, похожие на груды карандашей, показывают, извива-

ясь валиками по песку, как прибой успокаивался, отходил шаг за шагом. Вода. Дно. Камни. А я все думаю. Мне становится ясен конец фильма. Дон Кихот, окруженный друзьями, ждет приближения смерти. И, утомленные ожиданием, они засыпают. И Дон Кихот поднимается и выходит. Он слышит разговор Росинанта и Серого. Разговор о нем. Росинант перечисляет, сколько раз в жизни он смертельно уставал. Осел говорит, что ему легче потому, что он не умеет считать. Он устал, как ему кажется, всего раз — и этот раз все продолжается. Ночью не отдых. Отдыхаешь за едой. А когда нет еды, то начинаешь думать. А когда делаешь то, чего не умеешь, то устаешь еще больше. И оба с завистью начинают было говорить, что хозяин отдыхает. И вдруг ворон говорит: «Не отдыхает он. Умирает». И с тоской говорят они: «Да что там усталость. В конюшне — тоска». Оба вспоминают утро. Солнце на дороге. Горы. И Дон Кихот соглашается с ними. Он выходит на дорогу и слышит, как могила просит: «Остановись, прохожий». Надгробный памятник повторяет это. И никто не останавливается, не слушает.

17 сентября

Продолжаю читать «Дон Кихота» и все глубже погружаюсь в его дух. Все думаю, что вор может быть тенью Дон Кихота, его противоположностью. Думаю, что словами о золотом веке следует окончить сценарий. Он едет и говорит об этом все тише, тише, пока на экране не выступает слово «конец»[4]. А начало сценария — брань экономки. Она бранит его в ясное-ясное утро. Санчо седлает Росинанта. Жена Дон Кихота говорит. Не то пишу — жена Санчо Пансы говорит: «Почему я, твоя жена, которой сам Бог велел бранить мужа, молчу себе или плачу тише, чем птичка, а его экономка, на которую он даже и не взглянул никогда, кричит на него, как власть имущая». И Панса объясняет: «Потому что он добр, а я строг». Они едут по горе, по дороге,

которая идет петлями, неуклонно спускаясь вниз, но то приближается к дому, то удаляется от него. И каждый раз, когда они на линии дома, — брань слышнее. Нет, не так. Они едут по дороге. А экономка бежит по тропинке вниз. И, браня, снабжает Дон Кихота провизией, которую забирает в свою сумку Санчо Панса. И Дон Кихот считает это волшебством, а Санчо объясняет ему, как просто догоняет его экономка. Но Дон Кихот не слышит. «Трусость и предательство слушать то, что противоречит твоей вере, поверять ее разумом». Встреча с каторжниками? Или с мельницами? Надо второй раз перечитать «Дон Кихота».

18 сентября

Прочел статью Державина об инсценировках «Дон Кихота», и сразу слегка побледнел тот мир, близость которого я чувствовал все последние дни. Я испугался.

Никаких экранизаций не хотелось бы мне делать, никаких инсценировок. Я на это не способен. Я сразу пугаюсь. Изобилие материала меня не вдохновляет — изобилие материала о романе, а не в нем самом. Я верю только в мое собственное ощущение духа того времени. Нет Дон Кихота. И веру эту так легко ослабить или затуманить. Знание источников делает вооруженными тех людей, в настоящее понимание которых не верю да и только. Но судить и рядить предстоит все же им. Тем не менее что бы то ни было, а сад, по которому бродит Дон Кихот ночью, не затуманивается. Уже стал чем-то вроде личного моего воспоминания. Но ведь Доре вносил самого себя и множество выдумок, не отступая от романа[5]. Можно было бы показать и такой фокус: рассказать всю историю, строго следуя Сервантесу — сюжетно. А себе дать волю в трактовке, как делал это Доре. Не знаю, — знаю только, что пока читаю роман — интересно и завлекательно, а едва коснусь работы вокруг него — трезвею и смущаюсь. Едва я начинаю думать о вольной переработ-

ке — сразу слышу разговоры. Дон Кихот, объезжающий гостиницу при луне, так ясен, что хоть садись и пиши. Вплоть до запаха соломы и навоза. Влюбленная девочка, дочь аудитора, племянница солдата. Мальчик в костюме погонщика. Всех — хоть садись и пиши. Страшно начинать и еще страшнее ждать. А ну как совсем отрезвею? Впрочем, сегодня вопрос должен решиться. Я еду на студию, чтобы там договориться насчет этой самой работы и решить вопрос.

19 сентября

Вечером иду я на музыку. И мне приходит в голову, что Дон Кихот должен крайне удивиться, увидев, что после боя Санчо Панса окровавлен. В рыцарских романах о грязи, распухшем, как яблоко, носе и всем безобразии драки — не говорилось. Колдовство. Его в конце сравнивает некто с цветком, названным в честь Георгия Победоносца — георгином. Он не приносит плодов. Не радует благоуханием. Он велик и только. И то бледен, как мрамор памятника, то красен, словно кровь. Трезвая осень вокруг. Плоды везут на базар. Цветы умерли или проданы. И только георгин утешает: стоит и не боится осени. Пока не увянет.

20 сентября

Росинант говорит: «Нельзя стоять на месте, когда голос хозяина, шпоры и удила приказывают идти вперед». И ему не улежать на смертном одре, если жалость, совесть и негодование прикажут, пришпорят и возьмут под уздцы. Дон Кихот говорит, рассуждая о странствующих рыцарях: «Увы, Санчо, нельзя нам, рыцарям, больше трех дней отдыхать и радоваться победе и принимать награды. Иначе так отяжелеешь, что не взберешься на коня». Вот пока все, что думал о сценарии…

Санчо говорит: «На моем теле больше места для колотушек».

21 сентября

В половине второго у Козинцева обсуждали «Дон Кихота». Григорий Михайлович начинает интересоваться сценарием. Но пока ни он, ни я не знаем, что делать, куда повернуть. Я знаю куски, которые начинают кристаллизоваться.

23 сентября

Начинаю приходить в себя после вчерашних разговоров, и «Дон Кихот» освобождается от тумана. Ладно. Будем держаться романа. Но и Доре держится романа, и Кукрыниксы, и современные Сервантесу художники и авторы гобеленов, что висят в Эрмитаже. И каждый из них следует роману на свой лад. Я перечитал роман и вижу, что там целый мир, который дает возможность рассказать то, что хочешь. А хочу я рассказать следующее: человек, ужаснувшийся злу и начавший с ним драться, как безумец, всегда прав. Он умнеет к концу жизни. Умирает Дон Кихот с горя. И потому что отрезвел, то есть перестал быть Дон Кихотом. Можно и пересказать весь роман, не отступая ни на шаг. Введя историка или автора. Или голос. Или разговоры на перекрестках. Или экономку в придорожном трактире, где собирает она о своем господине новости. А в финале, который я хотел дописать, я могу сказать что угодно, если после слов Дон Кихота о том, что он Алонзо Добрый, мы услышим голос, говорящий: «Так, по некоторым слухам, кончилась история Дон Кихота. Но с другой стороны — тысячи тысяч людей утверждают, что Дон Кихот живет. Как же это? Почему? Потому что Дон Кихот выехал в четвертый раз, как нам кажется. Как нам удалось узнать». И идет финал, придуманный нами. О святости мечты. И о великой святости действия, которому завидуют мечтатели. И осмеивают действующих.

24 сентября

Снова перечитываю «Дон Кихота», на этот раз выписывая из этой энциклопедии все, что может понадобиться для работы, разбив на отделы: одежда, вооружение, пища, дорога и так далее. Теперь о другом: о чем я вчера думал. Очень немного народа смеется только когда хочется. У многих смех стал подобием междометия, выражающего смущение, недоверие, растерянность. В этих случаях смех не появляется сам собою, как ему положено, а произносится как слово. И раздражает часто своей ублюдочностью: ни чувство, ни мысль. Лживое, поддельное, принужденное высказывание. Это первое. А вот второе. В желании рассказать анекдот или просто смешной случай и в радости рассказчика, когда он вызывает смех, есть известная слабость. Ему нужно чужое чувство, чтоб разгорелось его собственное. И он смеется в большинстве случаев, вместе со слушателями. В этом есть нечто женственное. Не у всех, впрочем. Некоторые рассказывают не от слабости, а от избытка сил. И вообще смех — явление коллективное. Редко смеется человек один в комнате, даже читая, или вспоминая, или придумывая что-нибудь смешное. А читая вслух или рассказывая — непременно засмеется.

7 октября

Работа над «Дон Кихотом» пошла полным ходом. Написал первые семь страниц на машинке. И продолжаю. Что-то все время чувствую очень твердо, боюсь только испортить. Пишу с наслаждением.

8 октября

Вчера вечером прочитал начало сценария Пантелееву[6] и, как всегда, стал сомневаться после чтения, так ли следует начинать. И придумал новое начало. И сегодня все время о нем думаю. А что, если начинать всю историю с того, что Дон Кихот останавливается на перекрестке

четырех дорог, пробует прочесть надпись на придорожном камне и обнаруживает, что она давно стерлась. Тогда, по рыцарскому обычаю, бросает он поводья на шею коня — пусть Росинант приведет к подвигам. Но Росинант заснул. И никуда не хочет идти. И мимо рыцаря, прикованного к месту, проходят различные люди, из разговоров с которыми и выясняется, кто он и что он. И все думаю я на этот счет и думаю и не могу решить. Во всяком случае, попробую я это начало сделать. Проходят мимо козопасы с копьями, проезжают молодые, и, наконец, Самсон Карраско. Этот уверен в превосходстве науки над мечтаниями. И может быть, в финале встречаются они на перекрестке еще раз. Ты возьмешь у меня знаний, а я у тебя научусь ненависти к злу, и любви к добру, и любви к действию.

10 октября

Все думаю о «Дон Кихоте». Мое начало кажется мне теперь милым, что раздражает меня. Дух романа суровее. Тоска по добру прорывается через колотушки, жестокость, условное остроумие тех дней и такую же рассудочную поэзию. То, что нам дорого, сказывается в «Дон Кихоте» как бы украдкой. Контрабандой. Причем автор как будто сам смущен тем, что у него высказывается. Дон Кихот говорит умно и трогательно — и тут же автор спешит пояснить: эти речи удивительны у безумца! Они как бы и приводятся для того, чтобы показать, какая удивительная, достойная описания вещь — безумие. И если нарушить эту как бы непроизвольно сказывающуюся поэтическую, человеколюбивую сторону, точнее, если дать ей выйти открыто на первый план — ничего хорошего не выйдет. Воздух романа строг, сух, жесток. И этого нельзя забывать. Поэтому детски откровенное начало меня смущает. То начало, что я написал.

11 октября

Вчера вечером охватила меня вдруг без причины и без подготовки комаровская тоска. Впрочем, причина была — дождь и тьма. Но потом я взялся переделывать начало сценария и успел даже переписать переделку на машинке. Из уважения к Дон Кихоту делаю я по-новому — точнее, по-старому: пишу сначала от руки и только потом перепечатываю. И это мне помогает очень и как будто даже ускоряет дело. Не мешала ли мне машинка в последние годы? В новом варианте выгодно, что показываю я рыцаря настоящего, пока идут надписи. Есть с чем сравнивать Дон Кихота, когда видят его зрители впервые. Начало, правда, немножко похоже на литературный сценарий «Золушки», но в картину тот пролог не вошел. И новое начало ближе к открытой стороне романа — насмешливой. В первом варианте слишком отчетливо говорилось о доброте Дон Кихота. Кончил я писать в четвертом часу. Тоска исчезла — завтрашний день приблизился.

16 октября

Сегодня смотрел в ТЮЗе последний комнатный прогон перед переходом на сцену «Двух кленов». Все прошло в той драгоценной и редкой обстановке доверия, которая и помогает актерам творить чудеса. А мне начинает в эти редкие часы казаться, что мы не напрасно живем возле этой громоздкой, неоправданно самодовольной махины. Возле театра.

21 ноября

<…> Зон[7] обижен на меня. Он считает, что я недостаточно хлопотал, чтобы он ставил «Два клена». Это мне непривычно. А впрочем, ладно. Сегодня в «Ленинских искрах» появилась рецензия... Сегодня оставил Козинцеву четырнадцать страниц сценария и три страницы плана. Двадцать пять эпизодов. Никогда еще не работал я так жадно.

28 ноября

Сегодня в «Ленинградской правде» напечатана заметка о премьере «Двух кленов». Хвалят… Говорил с Козинцевым — он придумал сюжет полностью. Боюсь, что это мне будет или трудно, или обидно. Впрочем, увидим.

29 ноября

То, что придумал Козинцев, оказалось вполне обсуждаемым, а три выдумки — блистательны. Сегодня выяснилось, что придется поехать на дачу, чего мне на этот раз никак не хочется. Потихоньку начинаю погружаться в домашние сумерки. Давно не хотелось мне так работать, как сейчас. Настроение при этом — будничное.

Продолжаю уже на даче. Настроение смутное. Привык я теперь к городской жизни. Сегодня прочел кусочки «Дон Кихота» — сценария — Пантелееву. Он хвалил, а мне показалось, что вышла только одна сцена — с мальчиком. Впрочем, посмотрим.

28 декабря

Все, что я думал о «Дон Кихоте» и придумал по мере сил, никуда не годится. Особенность этого романа в том, что всякая попытка внести правильность и драматургический сюжет в его великолепную растрепанность и свободу [терпит неудачу]. Попробую сделать нечто иное. Что? Прежде всего — убрать тот несколько излишне светлый тон, которым я начал. «Дон Кихот» мрачен по цвету. Или, точнее, строг. Может быть, взять отдельно три эпизода? Может быть, написать пролог? Я вошел было в какой-то мир, но ничего общего (кроме одной сцены) с «Дон Кихотом» не отыскалось. Новый способ работы для меня. Я шел в ту сторону, что легче, а тут придется связать себя.

29 декабря

Посмотрел сегодня начало «Дон Кихота» (сценария) и убедился в том, что я не так уж плохо писал его. Особенно один кусок — с Андресом. Завтра начну писать новое начало.

30 декабря

Начал по-новому «Дон Кихота». Точнее, начал план главы. Боюсь, как бы не повредила мне излишняя почтительность.

12 мая

Первый раз в жизни я испытал, что такое успех, в ТЮЗе на премьере «Ундервуда». Я был ошеломлен, но запомнил особое, послушное оживление зала, наслаждался им, но с унаследованной от мамы недоверчивостью. А даже неумолимо строгие друзья мои хвалили, Житков, когда я вышел на вызовы, швырнул в общем шуме, особом, тюзовском, на сцену свою шапку. Утром я пришел в редакцию. Все говорят о текущих делах. Я закричал: «Товарищи, да вы с ума сошли! Говорите о вчерашнем спектакле!» Неумолимые друзья мои добродушно засмеялись. Молчаливый Лапшин убежденно похвалил. Я был счастлив.

13 мая

Но держался я тем не менее так, что об успехе моем быстро забыли. Впрочем, Хармс довольно заметно с самого начала презирал пьесу. И я понимал за что. Маршак смотрел спектакль строго, посверкивая очками, потом, дня через два, глядя в сторону, сказал, что если уж писать пьесу, то как Шекспир. И жизнь пошла так, будто никакой премьеры и не было. И в моем опыте как будто ничего и не прибавилось. За новую пьесу я взялся как за первую — и так всю жизнь. <...>

1955

1 января

А «Дон Кихот» стоит и не двигается. То, что начал я вчера, не пригодилось. Надо сделать просто парикмахерскую, где цирюльник рассказывает новости. Тому, кто купил землю у Дон Кихота. Тут надо попробовать в нескольких словах дать все начало романа. Купец проявляет крайнее недоверие. «Не верю», — когда говорят ему о Дон Кихоте и прочем тому подобном.

...Я начинаю бояться Дон Кихота. Я не люблю излишней свободы, но когда связан, то это еще хуже.

6 января

Мы в Ленинграде. Был вчера у Козинцева, читал начало «Дон Кихота», уже третье с тех дней, что начал я работать. Со 2-го до вчерашнего дня написал я больше десяти страниц на машинке, не считая вариантов, отвергнутых мною самим. Удивляюсь собственной трудоспособности. Работал-то я, в сущности, один день, — народ мешал. Этого самого второго января, что начал я работу, перебывало у меня в течение дня общим счетом семнадцать человек. И я был скорее доволен. Тишина последнего года начала угнетать меня.

25 марта

<...> Я почти кончил сценарий о Дон Кихоте. Остался герцогский двор и прочее: губернаторство Сан-

чо, турнир, победа Карраско, смерть. И я читал отрывки в Доме искусств и в университете.

12 мая

Кончил я 15 апреля, с месячным по договору опозданием, сценарий «Дон Кихота». Сегодня сделал первые поправки. Кончил первые поправки, предложенные сценарным отделом. Козинцев все последние месяцы хворал. У него бронхоплевропневмония. Вот и все новости.

1956

1 января

И вот я заболел. До болезни успел я кончить сценарий «Дон Кихота». И, к счастью, по болезни не присутствовал на его обсуждении, хоть и прошло оно на редкость гладко. Гладко прошел сценарий и через министерство, и теперь полным ходом идет подготовительный период. Произошли после болезни важные события в духовной моей жизни. Но я никак не могу их освоить. В Москве Гарин кончает репетировать «Медведя». Пришлось переименовать пьесу. Называется она теперь «Обыкновенное чудо»[1].

16 января

У меня произошли события неожиданные и тем более радостные. Эраст Гарин ставил в Театре киноактера «Медведя». Он теперь называется «Обыкновенное чудо». Премьера должна состояться 18 января. Вдруг 13-го днем — звонок из Москвы. Прошла с большим успехом генеральная репетиция. Сообщают об этом Эраст и его помощница Егорова. Ночью звонит Фрэз — с тем же самым. 14-го около часу ночи опять звонок. Спектакль показали на кассовой публике, целевой, так называемый, купленный какой-то организацией. Перед началом — духовой оркестр, танцы. Все ждали провала. И вдруг публика отлично поняла пьесу. Успех еще больший. Вчера звонил об этом Коварский. Не знаю, что будет дальше, но пока я был обрадован.

17 января

Меня радует не столько успех, сколько отсутствие неуспеха. То есть боли. Всякую брань я переношу как ожог, долго не проходит. А успеху так и не научился верить. Посмотрим, что будет завтра. Был вчера на съемке проб к «Дон Кихоту». Суета, много народу, дым валит из одной многоламповой пушки, прожекторы на башенках, к которым поднимаются по железным лестничкам, маленький световой прибор у самой съемочной площадки. Москвина с аппаратом везут на тележке по узеньким, как трубка, рельсам. Он наставляет объектив на актеров, и все световые приспособления направлены на них снизу. Сбоку и сверху. Из могучей пушки бьет свет, идет дым. Это репетиция. Одна, другая. И вот — съемка. «Проверьте, закрыты ли двери!» — «Заперты», — отвечает мужской голос. У всех, даже у у зрителей, лица напряженные. Осветители замерли у своих приборов. Выражение решительное, как у пулеметчиков. Один узколицый, в очках, вроде студента, другой, с лицом грубым и осуждающим, похож на дворника, но выражение одно. Помощницы гримера и он сам — в белых халатах. И они глядят, словно прицелились. «Мотор!» Начинается съемка. Актеры сохраняют самообладание, но играют хуже, чем на репетиции. Дублей не снимают — берегут пленку. Понять, что получилось у Черкасова, Толубеева, Мамаевой[2], так же трудно, как на примерке костюма — как он будет сидеть. Тем не менее я скорее испытываю удовольствие от всего происходящего. Вроде как бы участвуешь в жизни. Раздражает меня актерская привычка рожать текст, уже давно родившийся и напечатанный. Они делают вид, отравленные законами сценического правдоподобия, что текст из ролей только что пришел им в голову. И они запинаются, как не запинается никто в быту. Но, надеюсь, все это еще от примерок.

18 января

Сегодня подходит к концу моя тетрадка. Сегодня Крещение. Сегодня в Москве премьера «Обыкновен-

ного чуда», он же «Медведь», и я не знаю, как пройдет на этот раз... Звонили из Москвы. Пока «Медведь» идет хорошо.

Сегодня (точнее, сейчас) идет просмотр «Медведя». Вероятно, третий акт... В первый раз я не присутствую на собственном спектакле. И не испытываю почему-то особенной горести. Мне уже звонили во время второго акта по гонорарным делам оттуда. Из театра. Говорят, что принимают так же, как 14-го. На премьерах, которые переживал я до сих пор, был я, к собственному удивлению, спокоен. Как спал. Особенно удивился я собственному спокойствию на «Ундервуде». Мне до того не понравилось, показалось странным начало, что я даже засмеялся. Но есть особое счастье — когда спектакль идет уже не первый раз — ждать спокойно и следить за поведением зрительного зала. В тех случаях, когда он имел успех. Тогда может показаться, что ты не один. Сейчас еще звонили из Москвы. Каверин был на спектакле. Этот уже хоть и хвалил, но что-то смутное проскальзывает в его похвалах. Правда утверждает, что занавес давали раз десять. Но все говорил: «Хорошо, хорошо», а до этого мне твердили: «Замечательно, замечательно!»... Не успел я поставить многоточие, как позвонила опять Москва. Гарин, полный восторга, и Хеся[3] — еще более полная восторга. Точнее — восторг ее внушал больше доверия. Эраст выпил с рабочими сцены на радостях. Вместо снисходительного «хорошо... хорошо...» Каверина, вместо «хорошо» с запинкой — почувствовал я прелестную атмосферу, что бывает за кулисами в день успеха. И утешился.

22 января

Вчера (точнее, даже сегодня, потому что произошло это около часу ночи) опять звонок из Москвы. Звонит Дунина[4] — снова: «Замечательно», но не «хорошо» с заминкою. Потом Женя Рысс позвонил, вернувшись до-

мой со спектакля. И тоже с безоговорочной похвалой. Теперь жду отрезвляющих новостей.

22 января

Вчера получил письмо от Малюгина, которое при сем прилагаю вместе с программой[5]. Тон — ясный, трезвый и, видимо, определяющий характер спектакля. Чему я и рад. Восторженный тон некоторых телефонных звонков и устных рассказов несколько выбивает меня из колеи. Пугает.

27 января

Ночью звонил из Москвы Дрейден: «Успех несомненный, но...»

Все о третьем акте. Об отдельных актерах. Затем говорил я с Хесей — полный восторг. Хвалят. Николай Эрдман говорил о пьесе отлично. Пырьеву понравился первый и третий акт, «во втором слишком смешат» — и так далее. Так или иначе, семь первых спектаклей прошли, и при этом билетов достать невозможно...

Пишу поздно. День хлопотливый и утомительный. Приехал Гарин, много рассказывал о спектакле. На февраль объявили новые — чуть ли не через день. Успех. Во время его рассказов пришли письма от Крона и Дрейдена, которые при сем прилагаю[6]. Акимов тоже решил ставить «Обыкновенное чудо». На душе то празднично, то смутно. Я не привык к благополучным концам, и все мне кажется, что вот-вот произойдет что-то отменяющее. Но, с другой стороны, спектакль уже похвалили такие люди, как Эрдман, Крон. Эраст сияет. Очень смешно рассказывал и очень похож был на того, что описан у меня в телефонной книжке[7]. Все взял и решил с необыкновенной решительностью, как ересиарх. И радовался. Он даже поправился за эти дни, хоть у него и чуть не каждый день были спектакли. Хоть он родом из Рязани, но на успех смотрит не по-шелковски.

13 апреля

Заболел Москвин. У него инфаркт. Съемки «Дон Кихота» продолжаются. Козинцев в отчаянии. Мне жаль Москвина. И так далее и так далее. Надо писать пьесу о молодых супругах для Комедии. Потом сценарий и детскую пьесу. Одного хочу — чтобы не мешало мне ничто.

29 апреля

...Сегодня была у меня премьера «Обыкновенного чуда» в Комедии. Видел я пьесу и позавчера — первый прогон и сегодня — последний прогон, последняя открытая генеральная перед премьерой, перед спектаклем на публике, который состоится завтра. Вчера составляли мы списки людей, которых необходимо позвать. Потом они приезжали за билетами. Потом отправили мы списки людей, которых необходимо позвать. Потом они приезжали за билетами. Потом отправились мы в театр пораньше, чтобы избежать давки у входа и просьб о билетах. Начало. Чувствую по актерам, что спектакль сегодня пойдет похуже. И сам не знаю почему. Споткнулся в первом монологе, во вступлении, Колесов[8]. Неуверенно говорит всегда прекрасно играющая Зарубина. Но зал верит мне, и театру, и Акимову. Для всех этот спектакль — признак радости. Признак возвращения прежней Комедии, ставшей в некотором смысле легендой. Довоенной Комедии. Первый акт не нравится мне, но им очень довольны. Аплодируют среди действия. Я сижу и шевелю губами за актерами, на чем ловлю себя. Смеюсь вместе с публикой, отчего потом смущаюсь. В антрактах хвалят. Вызывают в конце, но у меня нет уверенности в успехе. Третий акт — не готов. Финал. Вечером приезжает Акимов. Целый день звонят и поздравляют, но я чувствую, что спектакль не готов. Поэтому занимаюсь финалом. И чувствую облегчение от этого. Сокращаем. Сейчас около двух часов. На душе

скорее спокойно — чувствую, что живу. Райкин ругает простоту трактовки роли Сухановым. Дрейден ругал Ускова[9]. Но я чувствую, что живу.

30 апреля

Сегодня я с утра написал новый конец третьего акта. Вряд ли успеют они его подготовить до вечера, но у меня на душе стало спокойней. Вчера все звонили, звонят и сегодня. Вечером собираемся на спектакль. Тревожно, но весело.

1 мая

Спектакль прошел хорошо, но не отлично. Акимов в каком-то бешенстве деятельности. Он и в Театре Ленсовета на премьере Сартра — театр все еще считается подшефным ему. И в Москву уезжает он делать доклад на Всесоюзной конференции художников-декораторов, и здесь выступает на конференции в ЛОСХе. Выступает и тут и там с неслыханным успехом. А ставит — между этими и прочими делами. Вот уж воистину деятель искусства! Спектакль сыроват. Меня очень радовали все актеры на комнатных прогонах. А как вышли на сцену, испытываю я страх и напряжение. Впрочем, вчерашняя публика слушала с напряжением, никто не ушел до конца, много смеялись, непривычная форма никого не смутила. Но есть нечто до такой степени не совпадающее в Акимове со мной, а во мне с его стекольной остротой и светом без теней, что так и должно было выйти. Я подарил ему экземпляр пьесы три года назад. Он вполне мог поставить ее в Театре Ленсовета, но и не заикнулся об этом. Таинственно молчал, а я понимал, что она не нравится ему. Но вот пьесу в Москве поставил Гарин. Поставил, вопреки мнению руководства, показав половину пьесы и убедив противников. Акимов вернулся в Театр комедии и тут — все же с легким сомнением — решился. Все как будто хорошо. Но не отлично. На пьесу словно

надели чужой костюм. Или на постановке пьеса сидит, как чужое платье. Но жаловаться грех. Все пока что благополучно.

15 августа

Сегодня смотрел материал «Дон Кихота». Все хорошо. Но дело не в этом. Я опять увидел юг, и мне ужасно захотелось к морю. В Комарове холодно. Льет дождь, и нет никакой надежды на хорошую погоду...

26 августа

Вчера сидел я тут в обычной за последние дни тоске, неизвестно зачем, в дождь, в холод. К ночи тоска еще усилилась. А в первом часу позвонил из города Акимов. Театр открылся «Обыкновенным чудом», спектакль прошел необыкновенно удачно. После второго акта Акимов произнес речь, когда его вызвали. После третьего десять раз давали занавес — и так далее, и так далее. И я удивился: что за сила держит меня тут? Почему я не поехал в город? Почему я не беру то, что дается? Испытываю неуверенность, неловкость, и слабость охватывает меня. И так всю жизнь.

16 сентября

Вчера — точнее, в ночь на сегодня — разговаривал я с Уваровой. Она звонила из Москвы. Рассказывала о первом спектакле «Обыкновенного чуда». Театр комедии гастролирует в Москве. Спектакль, видимо, прошел скорее благополучно, чем я и успокоен. Заметил окончательно, что моя холодность к судьбе моих пьес не притворная, но кажущаяся. Не слишком здоровая. Все результат слишком большого количества разных заглушающих друг друга чувств, вызывающих бессилие. Неясность. Но чуть заденет побольнее — все понимаешь. Если выругают или ты ждешь, что выругают. Когда хвалят — не веришь, по Шелковской сущности моей.

Впрочем, через несколько часов начинает туман рассеиваться. И я успокаиваюсь — главное наслаждение. Одно чувство побеждает. Сегодня похвалили мою книжку в «Ленинградской правде».

14 октября

Читаю статьи Блока. Через непонятную сегодня речь, сквозь значительность, ключ к которой утерян, вдруг ясность, и простота, и пророческие предчувствия. Не всегда отчетливые, но ведь пророк не гадалка, он не врет, а переводит с такого языка, на котором нет слов, в нашем представлении. И серьезность, которая мне, увы, не была дана. Я все, как в реальном училище, убегаю с уроков... Всегда я работаю, силой усаживая себя за стол, будто репетитор свой собственный. И написал то, что написал, только благодаря некоторому дару импровизации. Это, как ни рассматривай, — второстепенный дар. У меня нет или почти нет черновиков. Особенно в двадцатые, тридцатые годы. «Клад» написал в три дня. В более поздние годы, когда задачи стал я себе ставить посложнее, пошло дело медленнее. И то не слишком. Да, первый акт «Медведя» написал я в 44 году, а последний — в 54-м. Но я попросту бросал работу. Напишу первый акт — и брошу. Напишу второй — и несколько лет молчу. Правда, писал я, когда хочется. Меня долго мучило утверждение Толстого, что писать надо, когда не можешь не писать. Я чувствовал себя виноватым, когда не пишу, но как будто болезнь какая-то мешала мне писать или проклятье. Но я мог не писать, раз не писал подолгу! Потом утешало меня следующее: я встретил множество людей, которые не могут не писать, не могут не играть, — и не писатели они и не актеры. Следовательно, в насилии над собой нет греха. Сколько людей — столько и способов себя сделать работником. Высказать себя. Впрочем, именно сейчас, когда виден потолок, я особенно отчетливо понимаю, что сделано непростительно мало, и обвинять в

этом некого... Писать следует тоньше, если хочешь ты, наконец, писать для взрослых. У меня вдруг появляется отвращение к сюжету, едва я оставляю сказку и начинаю пробовать писать с натуры.

17 октября

Сегодня зовут меня в ТЮЗ, поздравлять с юбилеем.

18 октября

Вчера были в ТЮЗе. Такси нашли раньше, чем предполагали, и поэтому решили сначала проехаться по набережной, по Невскому и только потом на Моховую.

Небо было ясное, чуть затуманенное, а над рекой туман стоял гуще, так что Ростральные колонны и Биржа едва проглядывали. Солнце, перерезанное черной тучей, опускалось в туман. Смотреть на него было легко — туман смягчал. Все, что ниже солнца, горело малиновым приглушенным огнем. Я старался припомнить прошлое, но настоящее, хоть и приглушенное, казалось значительным, подсказывающим, не хотелось вспоминать. И Невский показался новым, хоть и знакомым. И тут мне еще яснее послышалось, что молодость молодостью, а настоящее, как ты его ни понижай, значительнее. И выросло из прошлого, так что и то никуда не делось, как дома и нового, и глубоко знакомого Невского проспекта. Впрочем, сегодня, в рассказе, это получается яснее, вчера я только едва-едва, как в тумане, не называя, угадывал то, о чем говорю. Мешали еще и мелкие заботы. Что будет в ТЮЗе? Не приехать бы слишком рано. Не опоздать бы. Но общее ощущение значительности не оставляло. Против ТЮЗа чинят мостовую, так что выйти нам пришлось у глазной больницы, что меня огорчило. Вспомнил, как в 38 году ходил сюда навещать внезапно ослепшего отца... В ТЮЗ идти было все еще рано. Небо совсем прояснилось, воздух после машины казался чистым. И мы пошли не спеша, гуляя по Моховой. К театру уже вели зрителей,

все больше третьеклассников. Они были опьянены предстоящим. Одна девочка от избытка чувств крикнула мне: «В ТЮЗ идем!» И легко перенесла замечание педагога. И вот ровно в назначенное время, без четверти шесть, вошли мы в новый сегодня и столько лет знакомый вестибюль театра. Натан[10] —ныне директор ТЮЗа — уже нас ждал. В кабинете его вручили нам пригласительные билеты. Появлялись актеры то один, то другой — поздравить.

19 октября

Когда пришло время, взяли меня под руки две актрисы, отчего почувствовал я себя не то взятым под стражу, не то инвалидом, и, путаясь под ногами, повели. Перед полукругом тюзовской сценической площадки стояло кресло и микрофон — радио прислало сотрудников записывать мою встречу с детьми. Оркестр играл песенку Иванушки из «Двух кленов». Ребята аплодировали нашему появлению сначала бурно, а потом, услышав музыку, — в такт, подчиняясь оркестру. Макарьев легенький, сухенький, очень моложавый — никак ему не дать шестидесяти четырех лет, — улыбаясь мудрой и педагогической улыбкой, начал речь. Она вся была построена на музыкальных цитатах. Первая — песенка Иванушки: «Я Иван Великан». И Макарьев назвал меня великаном. Потом оркестр сыграл музыку к «Кладу», которую я не узнал. И Макарьев назвал меня кладом. Я стоял и слушал с твердым ощущением, что это ко мне не относится. Знакомый театр не вызывал воспоминаний, но и чувство реальности происходящего, чувство настоящего — тоже затуманилось. Кончив приветствие, сохраняя все ту же улыбку, стал Макарьев вызывать представителей разных школ. И вот пошли делегации: по одному, по двое, по трое. Девочки и мальчики в формах, в пионерских галстуках. По мере приближения ко мне и микрофону лица их принимали выражение все

более испуганное и напряженное, смотрели они не на меня, а прямо в тупое рыльце микрофона. И произносили свои приветствия. И дарили либо цветы, либо адрес. Четыре девочки вышли без всякого подарка. Три из них по очереди произнесли свое приветствие, а четвертая таким же торжественным голосом, как подруги, возгласила: «Евгений Львович! Мы приготовили Вам подарок и оставили в пионерской комнате, а ее заперли, и ключа мы не могли найти...» Ей не дали договорить аплодисменты и восторженный хохот слушателей. Потом я отвечал на приветствия. Потом тюзовская художница — это уже за кулисами — попросила, чтобы я посидел десять минут. Ей нужен мой портрет. И я стал позировать.

20 октября

Сегодня продолжаются юбилейные поздравления, всё несут и несут телеграммы[11]. Я с детства считал день своего рождения особенным, и все в доме поддерживали меня в этом убеждении. Так я и привык думать. И сегодня мне трудно взглянуть на дело трезво. Труднее, чем я предполагал.

21 октября

Юбилей вчера состоялся[12]. Все прошло более или менее благополучно, мои предчувствия как будто не имели основания. Тем не менее на душе чувство неловкости. Юбилей — обряд (или парад) грубоватый.

25 октября

А потом пошли юбилейные дни. Напоминали они и что-то страшное, словно открыли дверь в дом и всем можно входить, и праздничное. Нечто подобное пережил я, когда сидел в самолете, проделывающем мертвые петли. Ни радости, ни страха, а только растерянность — я ничего подобного не переживал прежде. И спокойствие. Впрочем, все были со мною осторожны и стара-

лись, чтобы все происходило неказенно, так что я даже и не почувствовал протеста. И банкет прошел почти весело. Для меня, непьющего. Несколько слов, сказанных Зощенко, вдруг меня примирили со всем происходящим[13]. На другой день обедали у меня Каверины, Чуковские, Лева Зильбер[14]. На третий — ужинали Шток, Дрейдены, Надя Кошеверова. Сейчас потихоньку прихожу в себя. Юбилей — обряд грубый.

26 октября

И хочешь не хочешь, двери твоего дома открываются, и я до сих пор что-то в этом празднике ощущаю не то что как насилие, не то что как оскорбление, но близкое к этому. Когда кричат: «Качать его! Ура!», — то наименьшее удовольствие получает тот, кого качают... Перебирая жизнь, вижу теперь, что всегда я бывал счастлив неопределенно. Кроме тех лет, когда встретился с Катюшей. А так — все ожидание счастья и «бессмысленная радость бытия, не то предчувствие, не то воспоминанье». Я никогда не мог просто брать, мне надо было непременно что-нибудь за это отдать. А жизнь определенна. Ожидания, предчувствия, угадывание смысла иногда представляются мне просто позорными. Вчера на студии, впрочем, испытал я некоторое удовлетворение, увидев, какие силы пущены в ход для того, чтобы сценарий, написанный мной именно благодаря тем душевным особенностям, на которые я жалуюсь, — реализовать[15]. И горят рефлекторы.

И дым валит из какого-то цилиндрического прибора, тоже извергающего световой столб, прямо и бесповоротно в лицо актеру. И едет по рельсам аппарат, на котором, припав глазами к окошечку, стоит на четвереньках свирепый и определенный Москвин. И огромная фабричная труба возвышается над корпусом, вставшим против пятого ателье. И там, за окнами, ревут машины. Можно подумать, что здесь производят товар. Ленты. На самом же

деле пытаются реализовать те неопределимые ценности, без которых вся фабрика превращается в бессмыслицу. Так я утешался вчера, шагая с Козинцевым в просмотровый зал. И в зале то приходил в отчаянье, когда все получалось грубо, то радовался, когда что-то пробивалось.

9 ноября

Был сейчас на студии. Дон Кихот в спальне. Второе ателье. Новое. Черкасов ползает по полу, ищет иголку. Москвин кричит: «Включите раздолбайчик. Камарилья, поверни рукоятку на двадцать оборотов». Все знакомо. Павильон только что построен. Моют пол. Герцогский дворец. Среди других вещей — настоящий аналой XVI века, взятый откуда-то из музея. Козинцев измучен. Жалуется, что веко на одном глазу закрывается само собой. Но работает упорно, не жалея себя. Все работают. Москвин, не разгибаясь, глядит в аппарат и командует. Возле буфета сильный, наводящий тоску запах постного масла и лука. Тут же толпятся какие-то существа в золотых кафтанах и чалмах. Кто-то в мантии. Лица, мертвые от фиолетового грима. Работа в кино требует многих усилий, людей не хватает, но в коридорах вечно болтаются и болтают люди. Смотреть на них скучно. Запах лука и постного масла и с них, словно химический состав, снимает всякое подобие окраски… После вчерашнего посещения студентов у меня осталось ощущение какого-то открытия. Не в них и не во мне. А в том ясном мире, который я, рассказывая, видел и вижу до сих пор. Тянет написать что-то очень простое. Форму я чувствую. Вопрос — о чем, из того, что накоплено, рассказывать. Вот опять заговорил о себе. О чем же писать? О вечных и тщетных попытках сохранить чистый белый балахон?

14 ноября

Вчера по телевизору была передача обо мне. «Мастер театральной сказки». Я ждал худшего. Говорили Цим-

бал, Акимов, Зон, Мишка Шапиро. Показали один акт из «Снежной королевы», отрывки из «Золушки» и «Первоклассницы» и один акт «Обыкновенного чуда». Был пролог и эпилог с действующими лицами из моих пьес и сценариев — вот этого я и боялся. Но и это сошло. Было не слишком радостно, не столько лестно, сколько неудобно, но обошлось.

Вчера днем был на студии. Построен герцогский дворец — огромный зал. Идет освоение. Появляется не спеша Вертинская[16] —странное существо: стройная, неестественно худенькая в своем черном бархатном платье. Лицо удлиненное, длинные раскосые зелено-серые глаза, недоброе надменное выражение. Герцогини, выросшие во дворцах, должны быть именно такими — и привлекательными, и отравленными. Альтисидора[17] добродушнее и юнее, но так же тонка и так же поражает ее тоненькая талия и бархатное платье. Мальчик-паж стоит, откинув назад свою крупную голову. Лицо с тонкими чертами, черные глаза. Тонкие руки конвульсивно вздрагивают. Ему дали подержать живую обезьяну, и с ним едва не случился припадок от ужаса и отвращения. Держит обезьяну другой подросток, повыше и попроще. Толстая макака внимательно и просто поглядывает на окружающих, берет с ладони герцогини виноград. Но едва та пробует погладить маленькую голову зверька, макака открывает угрожающе пасть. И возле нее вырастает хозяин, грубиян с пропитой мордой. «Ну ты, корова!» — кричит он и дает обезьяне пощечину. И та смущенно замирает, ссутулившись. И недоброе лицо Вертинской вдруг делается добрым, и, протянув обе руки, она просит: «Не бейте, уж лучше я ее не буду гладить».

19 декабря

Кончается съемка «Дон Кихота». Вчера Козинцев решил показать картину в приблизительно смонтированном состоянии работникам цехов — осветителям,

монтерам, портнихам. Полный зал. Утомленные или как запертые лица. Как запертые ворота. Старушки в платочках. Парни в ватниках. Я шел спокойно, а увидев даже не рядового зрителя, а такого, который и в кино не бывает, испугался. Девицы, ошеломленные собственной своей судьбой женской до того, что на их здоровенных лицах застыло выражение тупой боли. Девицы развязные, твердо решившие, что своего не упустят, — у этих лица смеющиеся нарочно, без особого желания, веселье как униформа. Пожилые люди, для которых и работа не радость и отдых не сахар. Я в смятении.

Как много на свете чужих людей. Тебя это не тревожит на улице и в дачном поезде, но тут, в зале, где мы будем перед ними как бы разоблачаться — вот какие мы в работе, судите нас! — тут становится жутко и стыдно. Однако отступление невозможно. Козинцев выходит, становится перед зрителями, говорит несколько вступительных слов, и я угадываю, что и он в смятении. Но вот свет гаснет. На широком экране ставшие столь знакомыми за последние дни стены, покрытые черепицей крыши, острая скалистая вершина горы вдали — Ламанча, построенная в Коктебеле. Начинается действие, и незнакомые люди сливаются в близкое и понятное целое — в зрителей. Они смеются, заражая друг друга, кашляют, когда внимание рассеивается, кашляют все. Точнее, кашлянет один — и в разных углах зала, словно им напомнили, словно в ответ, кашлянут еще с десяток зрителей. Иногда притихнут и ты думаешь: «Поняли, о, милые!» Иногда засмеются вовсе некстати. Но самое главное чудо свершилось — исчезли чужие люди, в темноте сидели объединенные нашей работой зрители. Конечно, картина будет торжеством Толубеева. Пойдут восхвалять Черкасова по привычной дорожке. Совершенно справедливо оценят работу Козинцева. Мою работу вряд ли заметят. (Все это в случае успеха.) Но я чувствую себя ответственным наравне со всеми и испытываю удовольствие от того внимания, с которым смотрят на этом

опасном просмотре, без музыки, с плохим звуком, приблизительно смонтированную картину. Черкасов, уже давший в заграничные газеты различные сообщения о своей работе, ведущий дневник, с тем, чтобы потом выпустить книгу «Как я создал роль Дон Кихота», после просмотра находится в необычном состоянии. Обычная его самоуверенность как бы тускнеет.

20 декабря

Вчера я был на выставке Пикассо и позавидовал свободе. Внутренней. Он делает то, что хочет. Та чистота, о которой мечтал Хармс. Пикассо не зависит даже от собственной школы, от собственных открытий, если они ему сегодня не нужны. Убедился, что содержание не ушло. Ушел сюжет. А содержание, которое не определить словами, осталось. Выставка вызвала необыкновенный шум в городе. У картин едва не дерутся. Доска, где вывешиваются отзывы, производит впечатление поля боя. «Ах, как хочется после этой выставки в Русский музей», — пишет один. «Ступай и усни там», — отвечает другой. И так далее и тому подобное.

29 декабря

Вчера произошло неожиданное событие — по радио объявили, в вечерних последних известиях, что мне дали орден Трудового Красного Знамени[18]. Звонил весь вечер телефон. Прибежали с поздравлениями соседи.

1957

1 января

Новый год встретили у Эйхенбаумов. Было, как всегда в последний год, не слишком весело. Интересней всех, как всегда, Шкловский. Он вспомнил о том, как сорок лет назад, в 16 году, встречали Новый год трое — он, Маяковский и Василий Каменский, который в тот вечер был интересней всех. Нападал на Маяковского за то, что тот «плетется в хвосте войны». «Мы чувствовали себя хозяевами... Нет, не хозяевами. Мы чувствовали себя ответственными за весь мир».

14 января

Приближался апрель — премьера «Тени»[1]. Акимов сердился. У нас разные, противоположные виды сознания. Свет, в котором видит он вещи, не отбрасывает тени. Как в полдень, когда небо в облаках. Все ясно, все видно и трезво. Свела нас жизнь, вероятно, именно поэтому. Он не слишком понимал, что ему делать с такой громоздкой пьесой. И по мужественному складу душевному обвинял в этом кого угодно, главным образом меня, только не себя. Незадолго до премьеры в Доме писателя устроили выездную генеральную репетицию. В те времена заведена была такая традиция. Прошел показ празднично на нашей маленькой эстраде. Показывали самые удачные кусочки спектакля. Всем все понравилось, все были веселы, потом, по тогдашнему обычаю, бесплатно выступав-

ших актеров кормили ужином, писатели принимали их, как гостей. Говорил речь Лавренев. Все, казалось, будет хорошо, но все-таки я был не слишком уверен в успехе, но не слишком и беспокоился. Беспечность, идиотская, спасительная, заменявшая независимость и мужество, сопровождавшая меня всю жизнь, помогала и тут.

15 января

И вот состоялась генеральная репетиция в театре. Вечером. Первая генеральная. В отчаянье глядели мы, как ползет громоздкое чудовище через маленькую сцену театра, путаясь в монтировках, как всегда у Акимова сложных. Актеры словно помертвели. Ни одного живого слова! А на другой день на утренний просмотр пришла публика, и все словно чудом ожило. И пьеса имела успех, настоящий успех. Даже я, со своим идиотским недоверием к собственному счастью (такой же вечный спутник, как беспечность при неудаче), испытал покой. Полный радости покой. Я заметил, что Иван Иванович Соллертинский в антракте после второго акта что-то с жаром доказывает Эйхенбаумам. Соллертинский был человек острый, до отсутствия питательности. Приправа к собственным знаниям. Одаренный до гениальности. Говорили, что он знает двадцать два языка. И бесплодный. Сильный, гипнотизирующий своей силой до того, что его манера говорить, резко артикулируя, вставляя массу придаточных предложений, саркастически пародирующих неведомо кого и неведомо что, словно впечаталась в Шостаковича, его друга, и во всех музыкантов и музыковедов, связанных с ним. Он был тоже один из беспризорников или пижонов двадцатых годов, толстолицый, высокий, сутулый, обрюзгший, злой, и умный, и полностью лишенный веры во что бы то ни было. Уважающий только это свое право на неверие. Словечки его не забывались и повторялись. Я с ним был едва знаком, но отлично знал его.

16 января

Я ушел с премьеры, или просмотра, с ощущением праздника. Вечером в Доме писателя мы принимали Катаева. Он должен был читать свою новую пьесу «Домик». Во главе правления клуба в те времена стоял Герман. Приемы гостей проходили широко, и директор — молодой, злой, острый, самолюбивый Авербух — проводил их с ненавистью, но и со всей энергией, на какую был способен. И они, как правило, удавались. Мы шли к машине через узкий наш двор. И до сих пор я помню острое ощущение покоя, удовлетворения — счастья и покоя, первого за много лет. В Доме писателя уселись мы за столом декоративным — глухари в перьях, нарезанная до половины семга посреди, и бутылки, и набор бокалов. Пьесу обсуждали за столом. И я спросил Акимова, что говорил о пьесе Соллертинский. «Ему не понравилось, — сказал Акимов. — Правда, он честно признался, что первого акта не видел. Пришел на второй. Но сказал, что, по его мнению, это Ибсен для бедных». Я терпеть не могу своей зависимости от людей — признак натуры слабой. Но, чего уж тут скрывать, чувство покоя и счастья словно кислотой выело в один миг с химической чистотой и быстротой. Я сразу понял то, что увидел на просмотре: сутулую фигуру Соллертинского, его большие щеки, смущение, с которым Эйхенбаум выслушивал его страстные тирады. Как было понять себя и свою работу и ее размеры в путаные и тесные времена? Я увидел одно вдруг, что выразитель мнения сильной группы, связанной с настоящим искусством, осудил меня. «Ибсен для бедных». А я так не любил Ибсена! И праздник кончился, и я отрезвел. Тем не менее спектакль пошел.

26 января

...Скоро в газете стали появляться заметки, а потом и статьи о предстоящей декаде ленинградского искусства в Москве. Везли туда и «Снежную королеву», и «Тень». В одной статье написали что-то лестное обо мне... Вер-

нувшись из Детского[2], поехали мы вскоре в Москву. Чуть не весь состав был занят оркестрантами, балеринами, актерами. Ехать было, как всегда, и весело, и беспокойно.

28 января

<...> Успех «Снежной королевы» меня не столько радует, сколько вызывает смутное чувство вины, как всегда, когда хвалят твою старую вещь. Теплая погода сменяется внезапным похолоданием. Небо ясное, угрожающей темной синевы, и ледяной ветер. И вот приходит, наконец, вечер премьеры «Тени»[3]. Мы идем в Малый театр, когда совсем еще светло. Переходим дорогу у сквера против Большого театра (чего с тех пор я никогда не делаю). Тень впервые играет Гарин. Первый акт проходит с успехом. В директорском кабинете знатные гости. Среди них глубоко неприятный мне Немирович-Данченко. Неприятен он мне надменностью, которой сам не замечает, — слава его так обработала. Неприятен бородкой, которую поглаживает знаменитым жестом — кистью руки от шеи к подбородку. Неприятен пьесой его, которую я прочел случайно, — кажется, «В мечтах», где он думает, что пишет, как Чехов, а пуст, как орех.

29 января

Чувство, подобное ревности, вспыхнуло во мне, когда я увидел, как сидит Владимир Иванович хозяином за столиком в кресле, по-старчески мертвенно бледный, но полный жизни, с белоснежной щегольски подстриженной бородкой, белорукий, коротконогий. Жизнь принадлежала ему. Храпченко, крупный, крупноголовый, похожий на запорожца, окруженный критиками, хохотал, показывая белые зубы. Режиссеры глядели утомленно. Чувствовалось, что им в основном все равно. Первый акт прошел отлично. И Немирович сказал Акимову: «Посмотрим! Автор дал много обещаний, как-то выполнит». Во втором играл Гарин, впервые. Лецкий играл Тень простовато, но ясно и отчетливо. Гарин даже роли не знал.

30 января

Он играл не то — поневоле. Его маска — растерянного, детски наивного дурачка — никак не годилась для злодея. И вдруг, со второго акта, все пошло не туда. Я будто нарочно, чтобы испытать потом еще больнее неудачу, против обыкновения ничего не угадал. Самодовольство, с которым смотрел я на сцену, шевеля губами за актерами, ночью в воспоминании жгло меня, как преступление. Когда опустился занавес, я взглянул на Катерину Ивановну и все понял по выражению ее лица. Пока я смотрел на сцену, Катюша глядела на зрительный зал и поняла: спектакль проваливается. Я удачу принимаю неясно, зато неудачу со всей страстью и глубиной. А жизнь шла, как ей положено. Несколько оживились режиссеры. Чужая неудача — единственное, что еще волновало их в театре. А Владимир Иванович не обратил на нее внимания. Он был занят своим. О пьесе он тоже не сказал ни слова. Что ему было до этого. Он жил. Ему давно хотелось взять Гошеву в Художественный театр. Акимов, двусмысленно улыбаясь, утверждал, будто Немирович-Данченко сказал о Гошевой: «Ирина Прокофьевна — это прекрасный инструмент, на котором при умении можно сыграть все, что захочешь»... В антракте произошел разговор между ним и Акимовым, прославившийся немедленно и надолго запомнившийся. Театральные люди к концу антракта говорили о нем больше, чем о спектакле и пьесе. Сидя все в той же бессознательно надменной позе, он заговорил о Гошевой.

31 января

Он сказал Акимову, что Комедия — это театр одного человека, а Художественный — коллектив. И вот этому коллективу как раз не хватает именно такой индивидуальности, как Ирина Прокофьевна. И он выражает надежду, что Акимов не будет препятствовать переходу Гошевой в коллектив Художественного театра. Выслушав все это

вежливо и просто, поглядывая на Немировича-Данченко своими до крайности внимательными голубыми глазами, маленький, острый, полный энергии, но лишенный и признака суетливости, — пружина, заведенная до отказа, — Акимов ответил генералу от Художественного театра следующим образом. Нет, он не может согласиться с тем, что Театр комедии — театр одного человека. Всякий театр коллективен по своей природе. Гошева необходима коллективу Театра комедии. Но тем не менее он, Акимов, не будет задерживать Гошеву в своем театре, точно так же как Владимир Иванович на заре Художественного театра не стал бы задерживать молодую актрису, уходящую из его молодого дела в солидный Малый театр. Немирович ничего не изобразил на своем мертвенно-белом, всемирно знаменитом бородатом лице. Но режиссеры и театральные деятели так и взвились от радости. А спектакль мой шел своим чередом… После третьего акта вышел я раскланиваться вместе с Акимовым. Меня проводил кто-то по крутой лестничке на сцену, и, чувствуя себя навеки опозоренным, я поклонился в освещенный, двигающийся к выходу зрительный зал. Все с тем же чувством позора шел я по полукруглому коридору. Храпченко, окруженный оживленными, опьяненными чужим неуспехом режиссерами, смеялся, показывая все свои крупные зубы. Мы выбрались на улицу.

1 февраля

Здесь тоже слишком уж оживленная, опьяневшая оттого, [что] хлебнула чужого горя, высокая молодая женщина в короткой, чуть ниже талии кофточке, или верхней одежде для улицы, имеющей другое название, увидев меня и узнав — я только что раскланивался со сцены, — метнулась мне навстречу к каким-то своим знакомым, шедшим возле, сказала умышленно громко, не для них, а для меня: «Первый акт — сказка, второй — совсем не сказка, а третий — неизвестно что». Вся манера говорить

была у нее окололитературная или театральная. Это была либо жена режиссера, либо начинающий режиссер, либо театральный критик из кругов, отрицающих Театр комедии, — во всяком случае, она ликовала. Неуспех пьесы был до того несомненен, что в последних известиях по радио отсутствовало обязательное во время подобных декад сообщение, что, мол, состоялась премьера такого-то ленинградского спектакля, который был тепло принят зрителями. Из театра пошли мы к Образцовым. Он ни за что не хотел верить нам. А тут позвонили еще друзья его, Миллеры, сообщившие, что им спектакль очень понравился и имел большой успех. Но я-то знал, как обстояло дело. Вечером шел я на спектакль, как на казнь. К моему ужасу, пришел Корней Иванович Чуковский, Квитко. Появился Каплер, спокойный и улыбающийся. Оня Прут[4]. Даже в правительственной ложе появились какие-то очень молодые люди, скрывающиеся скромно в самой ее глубине. И вот совершилось чудо. Спектакль прошел не то что с большим — с исключительным успехом. Тут я любовался прелестным Львом Моисеевичем Квитко. Он раскраснелся, полный, с седеющей шапкой волос, будто ребенок на именинах, в гостях. Он радовался успеху, легкий, радостный, — воистину поэт. Радовался и Корней Иванович. Я на всякий случай предупредил его, что второй акт — будто из другой пьесы, повторил то, чем попрекали меня вчера. Но он не согласился: «Что вы, второй акт прямое продолжение первого». На этот раз вызывали дружно, никто не уходил, когда мы раскланивались, зал стоял и глядел на сцену. И занавес давали несколько раз. Вызывали автора.

2 февраля

Вызывали режиссера. В последний раз вышли мы на просцениум перед занавесом. Это был успех настоящий, без всякой натяжки. И я без страха шел через полукруглый коридор Малого театра. Подошел Каплер, похва-

лил по-настоящему, без всякой натяжки и спросил: «Эту пьесу вы и писали в «Синопе»?» И когда я подтвердил, задумчиво покачал головой. На следующий день состоялся утренник — и этот, третий, спектакль имел еще больший успех. Мы перед началом задержались у входа в театр. Солнце светило совсем по-летнему. Подбежала Леля Григорьева, дочка Наташи Соловьевой, юная, веселая, на негритянский лад низколобая и кучерявая, несмотря на свою русскую без примеси кровь. И я обрадовался. Словно представитель майкопских времен моей жизни пришел взглянуть на сегодняшний мой день. Она попросила билет, и я устроил ей место в партере. Пришла она с подругами. У тех места были в ложе второго яруса. Но Леля по-товарищески пустила одну из них на второй акт в партер, и я увидел ее сияющее полудетское лицо в ложе. Ей спектакль нравился с той силой, как бывает в студенческие годы. Пришел на спектакль и Шкловский, под руку с Ваней Халтуриным[5]. Курносое, прямо на тебя смотрящее, большое лицо Виктора Борисовича еще не оскалилось, но вот-вот готово было показать зубы на бульдожий лад. Я знал, что он не любит пьес и будет браниться. Вероятно, и бранился уже заранее по дороге, если судить по виноватой улыбке, с которой поздоровался со мной Ваня Халтурин. Итак, третий спектакль прошел с наибольшим успехом, но критики и начальство посетили первый! Тем не менее появились статьи доброжелательные, а Образцов в «Правде» похвалил меня в обзорной статье. Тем не менее отношения с Акимовым омрачились. Он слышал, как высказывал я недовольство тем, что выпустил он Гарина без достаточного количества репетиций. И в самом деле — Лецкий играл грубее, но лучше. У него все было ясно. Злодей и есть злодей. Все оказывались на местах.

9 мая

«Золушка» в 47 году имела успех. В том же году режиссер Грюндгенс в Театре имени Рейнгардта в Берлине

поставил «Тень», и тоже с успехом. После этого пошли неудачи в течение нескольких лет. Правда, мне казалось, что я научился писать прозу. А вместе с тем не мог дописать детскую пьесу[6]. И, насилуя себя, работал для Райкина[7]. И до сих пор помню чувство унижения, нет, заколдованности, когда пытался я переделать чужой роман для Центрального детского театра. И сценарий[8]... Успех «Обыкновенного чуда» в Москве и тут «Дон Кихот», которого Козинцев будет на днях показывать в Канне[9].

Лежу, болею, но не слабеет жажда [жизни] самой обыкновенной, уходящей корнями в самую обыкновенную унавоженную землю. И вместе с тем изменение в духовной жизни. Не знаю, что будет. Опять хочется писать. Ну, вот и довел я рассказ до сегодня.

27 февраля

...Кончили снимать «Дон Кихота». Перезаписывают. Я смотрел бракованный экземпляр... Ощущение все же такое, как хотелось. От самой картины. Начиная с первого возвращения Дон Кихота и до конца — картина становится патетической и говорит о вещах, которые задевают. И все же каждая готовая работа как бы выводит тебя на суд неправедный. И я, несмотря на возраст, несмотря на то, что со всей возможной для меня, пока я пишу, добросовестностью старался говорить о том, что для меня и в самом деле важно, — теперь боюсь.

18 мая

Жюри в Канне забаллотировало «Дон Кихота». Премия досталась картине «Сорок первый»[10]. Перед этим появились сообщения, что картина «Дон Кихот» прошла с исключительным успехом, что это событие, что впервые за существование романа удалось воплощение его в другом виде искусства, и так далее и так далее. Передавалось это по радио (у нас). В «Советской культуре» напечатаны сообщения «Франс пресс» и агентства «Рейтер», что кри-

тика дала высокую оценку «Дон Кихоту». Если бы всего этого не было, то я ничего бы и не ждал. Тем более что о сценаристе, говоря о фильме, как правило, и не вспоминают. Но все равно есть командное чувство. Команда, в которой ты играешь, за которую ты отвечаешь в большей или меньшей степени, — вдруг проигрывает. И тут неудачу ты чувствуешь, пожалуй, острее, чем удачу.

1 июня

Когда-то в 20-х годах Маршак сказал, что я импровизатор. Шла очередная правка какой-то рукописи. «Ты импровизатор, — сказал Маршак. — Каждый раз твое первое предложение лучше последующего». Думаю, что это справедливо. «Ундервуд» написан в две недели. «Клад» — в три дня. «Красная Шапочка» — в две недели. «Снежная королева» — около месяца, «Принцесса и свинопас» — в неделю. В дальнейшем я стал писать как будто медленнее. На самом же деле беловых вариантов у меня не было, и «Тень» и «Дракон» так и печатались на машинке с черновиков, к ужасу машинистки. Я не работал неделями, а потом в день, в два делал половину действия, целую сцену. И еще — я не переписывал. Начиная переписывать, я, к своему удивлению, делал новый вариант. Смесь моего оцепенения с опьянением собственным воображением — вот моя работа. Оцепенение можно назвать ленью. Только это будет упрощением. Самоубийственная, похожая на сон бездеятельность — и дни, полные опьянения, как будто какие-то враждебные силы выпустили меня на волю. К концу 40-х годов меня стало пугать, что я ничего не умею. Что я ограничен. Что я немой — так и не расскажу, что видел. Но в эти же годы я невзлюбил литературу — всякая попытка построить сюжет — и та стала казаться мне ложью, если речь шла не о сказках. Я был поражен тем, что настоящие вещи, — в сущности — дневник, во всяком случае в них чувствуешь живое человеческое существо. Автора, таким, каким был

он в тот день, когда писал. И я заставил себя вести эти тетради. Но теперь подошел к новой задаче. Отчасти из страха литературности, отчасти по привычке я и тут все писал начисто.

8 июня

Третьего июня показывали «Дон Кихота» писателям. Так как идет, точнее, шла какая-то конференция в Пушкинском Доме, то пришли и профессора. На обсуждении выступали: Эйхенбаум, Оксман, Коля Степанов, Виноградов, Алексеев. Из писателей Панова. Хвалили. В Москве картина, к моему удивлению, делает полные сборы. Я понимаю, что это хорошо, и не слишком понимаю. Автор картины — это режиссер, а никак не сценарист. Что бы там ни говорили в речах. Мне бы пора остепениться, но я не могу.

9 июня

На душе туман, через который я отлично вижу то, что не следует видеть, если хочешь жить. Старость не дает права ходить при всех в подштанниках. И даже если жизнь кончена, не мое дело это знать. Это не мысль, а чувство, которое я передаю грубовато, а переживаю вполне убедительно.

24 июня

Сегодня семь лет с тех пор, как начал я писать ежедневно в этих тетрадях. А в апреле исполнилось пятнадцать лет с тех пор, как я их веду. Но семь лет назад начались ежедневные записи, в чем и заключается главный их смысл. Пишу я лежа, плохо с сердцем, а чувствую я себя в основном хорошо.

13 июля

Вот теперь вплотную становится на очередь задача: что писать. Надо бы и для ТЮЗа. «Сказка о храбрости» раз-

дражает поучительностью. И я не вижу воздуха, которым все они дышат. Если взять трех братьев, из которых один без промаха стреляет, другой выпивает море. Впрочем, ему можно дать другой талант. Впрочем, и это неприятно, тянет в одну сторону, а хочется чего-то вполне человеческого. Брат и сестра ищут покоя в диком лесу. Неинтересно и невозможно. Как в тумане мелькают передо мной городские стены, усатые люди в шароварах. Пираты? Мальчик, которого везли лечиться от храбрости, потому что он вечно был на волосок от смерти? Если подобный мальчик попадает к пиратам, он может навести на них такого страху, что освободится в конце концов. В этом уже есть что-то веселое. Он учит мальчиков, находящихся в плену, сопротивляться разбойникам. Находит девочку, которая до того запугана, что ее не научишь храбрости. Но и она вдруг кажется героиней, когда мальчик попадает в опасность. Пираты не знают, что характер девочки изменился, и это — победа. Пираты — неудачники. Все учились, но плохо. Главный из них за всю жизнь получил одну тройку и считается с тех пор среди своих мудрецом. И при этом они усаты, ходят в шароварах, охотно поднимают крик, хватаются за оружие. Ладно. Но время? Чей сын мальчик? А если он племянник богатого русского купца? Вся семья один к одному храбрецы в свою пользу. А этого испортили. За всех заступается. Недавно отбил у разбойников старика. Ведь надо уметь считать! Много ли старику жить осталось, чтоб ради него жизнью рисковать. И отправляют мальчика в дальний путь: «Надо уметь считать. Жалко парня, но оставь его — от него одни убытки пойдут», — и так далее. Пираты говорят традиционным пиратским языком. Девочка сама не помнит, откуда она, — тут на корабле и выросла. Поэтому тон у нее мягкий и нежный, а язык чисто разбойничий.

14 июля

Все это было бы ничего — да слишком уж напряженно. Хочется пружинку попроще и обстановку тоже.

Хорошо, если бы не выходила вся история за пределы дома, самого обыкновенного современного дома. Он построен не на пустом месте. Есть время, когда старые жильцы просыпаются и через очертания нового здания проступают прежние, до маленькой избенки, стоявшей на этом месте триста лет назад в глухом лесу.

Они твердо помнят одно, одно соединяет их: хуже всего смотреть безучастно на чужие несчастья. От этого и сам становишься потом несчастным. Нет. Поучительно. Лучше так: люди разных поколений вместе участвуют в разных приключениях. Надо проще. Вчера в «Правде» заметка, что «Дон Кихота» показывают на фестивале в Локарно[11].

15 августа

Попытка сделать бессюжетную историю о страстях уж слишком разваливается. Как это ни странно, пьесу я могу начать, только когда мне ясна форма. А в прозе определенная форма раздражает меня, как ложь. Приехал Акимов из Карловых Вар. Привез лекарства. Много рассказывает. Но форму новой пьесы так же мало чувствует, как я. Ничего не подсказывает, а раньше любил это делать. Видимо, переживает такую же неясность в мыслях, как я. А я, если не буду считать себя здоровым, видимо, ничего толком не придумаю.

18 августа

Подходит к концу тетрадь, которую вел я в необыкновенно унылое время. Свободной формы для прозы так и не нашел; нет формы — значит, лепишь фразы на плохо знакомом языке. Для разговору не годится, не только что для работы.

Откуда брать материал для новой пьесы? Все, что я читаю, раздражает поспешностью, с которой начинают меня учить. И акта не прошло, как начинаются хитрости, которым грош цена. И хоть бы учили великим про-

писным истинам. Нет. Пристли рассказывает, как люди начинают безумствовать из-за денег, найдя клад[12]; Сориа — об ученом, работающем в области водородной бомбы, едва не погубившем жену[13]; Кронин — об ужасе карьеризма в науке[14]. Всему этому грош цена, до того это вяло промурлыкано. Сказка как таковая — не умещается на сцене. Необходимо время и место. Иначе не поймешь, как актеров одевать. И сказочный тон, приглаживающий и упрощающий, не к лицу в шестьдесят лет. Но и реализм, приглаженный и упрощенный, — хуже всякой сказки. Есть мне что сказать? Конечно! Но пока нет формы, то, что я знаю, валяется, как составные части еще неизвестной конструкции. Вот уж, воистину, материал. И только.

У меня есть отношение к материалу — но вялое, не дающее тока.

20 августа

Тридцать лет назад мне жилось легко, несмотря ни на что, потому что чувство «пока» еще не оставило меня. Собственно говоря, ждать, казалось бы, нечего. Друзья и сверстники писали книги, да и я, в сущности, писал. Но я писал книги маленькие, в стихах, для дошкольников, и мне чудилось, что я за них не отвечаю. Те же книги, что писали мои сверстники со всей ответственностью, прозаические, толстые, — так глубоко не нравились мне, что я не беспокоился. Видишь, как изменился с тех лет, когда прочтешь «Зависть» Олеши. Книга нравилась всем, даже самым свирепым из нас. Тогда. Но, прочтя ее в прошлом году, я будто забыл язык. Я с трудом понимал ее высокопарную часть. Только там, где рассказывает Олеша о соли, соскальзывающей с ножа, не оставляя следа, или описывает отрезанный от целой части кусок колбасы, с веревочкой на ее слепом конце, вспоминаешь часть тогдашних ощущений. Мы, видимо, были другими, кое-что я могу назвать из своих получувств-полумыслей точнее,

чем в те дни, а кое-что ушло, и не поймаешь. Дело не в том, что я стал старше, а в том, что двадцатые и тридцатые годы — это целые эпохи, с новыми людьми, новыми книгами, и переходы совершались резче, чем это можно предположить. Административно и вместе с тем органично. Я прочел в «Вечерней красной» о том, что найден будто бы способ делать искусственные старинные, столетние вина. И одно время (как раз тридцать лет назад) думал написать рассказ сверчка, на глазах у которого совершается этот процесс, это чудо, меняется мир. Но не нашел формы — и тем самым мыслей, достаточно воплотившихся.

29 августа

С 21-го я заболел настолько, что пришлось прекратить писать — а ведь я даже за время инфаркта, в самые трудные дни продолжал работать. На этот раз я не смог. Вчера мы вернулись в город. Поехали в Комарово 24 июля, вернулись 29 августа, и половину этого времени, да что там половину — две трети болел да болел. И если бы на старый лад, а то болел с бредом, с криками (во сне) и с полным безразличием ко всему, главным образом, к себе — наяву ко мне никого не пускали, кроме врачей, а мне было все равно. Здесь я себя чувствую как будто лучше, но [безразличие] сменилось отвращением и раздражением. Приехал Глеб[15], который не раздражает, а скорее радует, но он — по ту сторону болезни, как и все. Сегодня брился и заметил с ужасом, как я постарел за эти дни в Комарове. С ужасом думаю, что придет неимоверной длины день; Катя возится со мной, как может, но даже она — по ту сторону болезни, а я один, уйти от нормальных людей — значит непременно оказаться в одиночестве. Все перекладываю то, что написал за мою жизнь. Настоящей ответственной книги в прозе так и не сделал. Видимо, театральная привычка производить впечатление испортила. Да и не привык работать я по-

следовательно и внимательно. Сразу же хочется начать оправдываться, на что я не имею права, так как идет не обвинение, а подсчет. Я мало требовал от людей, но, как все подобные люди, мало и я давал. Я никого не предал, не клеветал, даже в самые трудные годы выгораживал, как мог, попавших в беду. Но это значок второй степени и только. Это не подвиг. И, перебирая свою жизнь, ни на чем я не мог успокоиться и порадоваться. Бывали у меня годы (этот принадлежит к ним), когда несчастья преследовали меня. Бывали легкие — и только. Настоящее счастье, со всем его безумием и горечью, давалось редко. Один раз, если говорить строго. Я говорю о 29 годе[16]. Но и оно вдруг через столько лет кажется мне иной раз затуманенным: к прошлому возврата нет, будущего не будет, и я словно потерял все.

30 августа

Догонять пропущенное уже сил нет (или еще сил нет), так что за мной долгу дней десять. Это бывало за семь лет, что ведутся книжки, особенно вначале, в 50 году, когда я не был так педантичен. Сейчас случилось поневоле. Я болел, неинтересно болел, как, бывает, неинтересно пьешь: никак не напьешься, только в голове пусто. Продолжаю подсчет. Дал ли я кому-нибудь счастье? Не поймешь. Я отдавал себя. Как будто ничего не требуя, целиком, но этим самым связывал и требовал. Правилами игры, о которых я не говорил, но которые сами собой подразумеваются в человеческом обществе, воспитанном на порядках, которые я последнее время особенно ненавижу. Я думал, что главные несчастья приносят в мир люди сильные, но, увы, и от правил и законов, установленных слабыми, жизнь тускнеет. И пользуются этими законами как раз люди сильные для того, чтобы загнать слабых окончательно в угол. Дал ли я кому-нибудь счастье? Пойди разберись за той границей человеческой жизни, где слов нет, одни волны ходят. И тут я

мешал, вероятно, а не только давал, иначе не нападало бы на меня в последнее время желание умереть, вызванное отвращением к себе, что тут скажешь, перейдя границу, за которой нет слов. Катюша была всю жизнь очень, очень привязана ко мне. Но любила ли, кроме того единственного и рокового лета 29 года, — кто знает. Пытаясь вглядываться в волны той части нашего существования, где слов нет, вижу, что иногда любила, а иногда нет, — значит, бывала несчастна. Уйти от меня, когда привязана она ко мне, как к собственному ребенку, легко сказать! Жизни переплелись так, что не расплетешь, в одну. Но дал ли я ей счастье? Я человек непростой. Она — простой, страстный, цельный, не умеющий разговаривать. Я научил ее за эти годы своему языку — но он для нее остался мертвым, и говорит она по необходимости, для меня, а не для себя. Определить, талантлив человек или нет, невозможно, — за это, может быть, мне кое-что и простилось бы. Или учлось бы. И вот я считаю и пересчитываю — и не знаю, какой итог.

20 октября

Обычно в день рождения я подводил итоги: что сделано было за год. И в первый раз я вынужден признать: да ничего! Написан до половины сценарий для Кошеверовой[17]. Акимов стал репетировать позавчера, вместе с Чежеговым, мою пьесу «Вдвоем», сделанную год назад[18]. И больше ничего. Полная тишина. Пока я болел, мне хотелось умереть. Сейчас не хочется, но равнодушие, приглушенность остались. Словно в пыли я или в тумане. Вот и все.

Приложения

ПИСЬМА

Н. П. АКИМОВУ (Москва)

Сухуми, 3 октября [1939]

Дорогой Николай Павлович!

Загипнотизированный, как всегда, Вами, я согласился, уезжая, написать второй акт в три-четыре дня[1]. Приехав сюда девятого вечером, я написал числу к 15-му довольно чудовищное произведение. Пока я писал, меня преследовали две в высшей степени вдохновляющие мысли:

1. Скорее, скорее!

2. Что ты спешишь, дурак, ты все портишь.

За тот же промежуток времени, 9—15 сентября, я получил телеграммы! 1) от Оттена (завлита Камерного театра)[2], 2) от самого Таирова[3] из Кисловодска и 3) от самого Маркова (завлита МХАТа)[4]. Во всех этих депешах меня просили поскорее выслать для ознакомления «Тень» и заранее делали пьесе комплименты[5]. А у меня было такое чувство, что я ловкий обманщик.

Наконец 15-го я решил твердо забыть обо всем и писать второй акт сначала. Написал, переписал и послал вчера, 2-го.

Переписал от руки и, переписывая, внес много нового, так что тот экземпляр, который Вы получите, — единственный, отчего и послан ценным письмом. Не потеряется.

Двери, о которых Вы просили, — не влезли.

Попробую вставить их в третий акт. Зато, как Вы уже убедились, вероятно, во втором акте есть ряд других, говоря скромно, гениальных мест.

Я надеюсь, что мое невольное промедление не помешало Вашим планам. В одном я совершенно убежден, если бы внушенные Вами сроки были соблюдены, — то это уж наверняка погубило бы пьесу и тем самым наши планы. Все это я пишу любя. Я не попрекаю, а объясняюсь.

Вашу идею о сцене перед дворцом я принял полностью. Третий акт начинается именно с такой сцены, причем в ней происходит одно событие, крайне важное с сюжетной стороны.

Когда я получил перепечатанный экземпляр «Тени», то я с горечью убедился, что третий акт носит на себе явные следы спешной работы.

Сейчас я их не спеша, но и не медля, удаляю. Мне очень жалко, что я читал труппе такой совершенно явный черновик, как II или III акты.

Впрочем, я надеюсь, что все образуется.

Неужели Вы за это время охладели к пьесе? Я лично только-только вошел во вкус.

Здесь очень хорошо, уезжать мне не хочется, но придется. <...>

Приехав, немедленно позвоню Вам и надеюсь, что Вы будете разговаривать со мной дружески.

Привет от Екатерины Ивановны. Поцелуйте Елену Владимировну и дочку.

Ваш *Е. Шварц*

С. Я. МАРШАКУ (Москва)

[Киров. обл.] 11 апреля [1942]

Дорогой Самуил Яковлевич!

Вот уже скоро три месяца, как я собираюсь тебе писать. Перед самым отъездом из Ленинграда пришла твоя телеграмма из Алма-Аты. Я думал ответить на телеграмму эту подробным письмом из Кирова, но все ждал, пока отойду и отдышусь. А потом я взялся за пьесу и только пьесой и мог заниматься.

Ужасно хотелось бы повидать тебя! Я теперь худой и легкий, как в былые дни. Сарра Лебедева[6] говорит, что я совсем похож на себя в 25—26 году. Но когда я по утрам бреюсь, то вижу, к сожалению, по морщинам, что год-то у нас уже 42-й.

Что Тамара Григорьевна[7]? Видел я ее в последний раз после телефонного разговора с тобою. Потом жизнь усложнилась настолько, что я так и не попал к ним ни разу. Уехал я 11 декабря, ничего не знаю ни об Алексее Ивановиче[8], ни о Шурочке Любарской[9], ни о Тамаре Григорьевне. Напиши — где они и что с ними?

Сарра Лебедева рассказывает, что тебе показалось, будто я говорил с тобою по телефону односложно, неохотно и мрачно. Когда при встрече я расскажу тебе подробно обо всех обстоятельствах, при которых шел этот разговор, то ты меня поймешь. Вообще, очень, очень много расскажу я тебе при встрече. У нас, ленинградцев, накопился такой опыт, что на всю жизнь хватит. Здесь я живу тихо. Все пишу да пишу. Часть своего ленинградского опыта попробовал использовать в пьесе «Одна ночь». Действие там происходит в конторе домохозяйства в декабре, в осажденном городе и, действительно, в течение одной ночи. Послал я эту пьесу Солодовникову[10] в Комитет по делам искусств, в качестве пьесы по Госзаказу. Ответа от него не имею. Сейчас кончаю, вернее продолжаю «Дракона», первый акт которого, если ты помнишь, читал когда-то тебе и Тамаре Григорьевне в Ленинграде.

А что ты делаешь? Твои подписи к рисункам Кукрыниксов очень хороши. Вообще ты, судя по всему, попрежнему в полной силе, чему я очень рад.

Я знаю, что ты занят сейчас, как всегда, но выбери, пожалуйста, время и пришли мне письмо, по возможности длинное. Я здесь с женою. Дочка живет в одном доме со мной[11]. Здесь Лебедев, Сарра Дмитриевна. Я пишу и все-таки иногда чувствую себя бездомным, как еврей после разрушения Иерусалима. И разбросало сейчас

ленинградцев, как евреев. Каждое письмо здесь большая радость, а письмо от тебя будет радостью вдвойне.

Кстати, о бездомности — в феврале квартиру мою разрушило снарядом.

Целую тебя. Привет Софье Михайловне[12], детям и внуку.

Твой *Е. Шварц*

М. Л. СЛОНИМСКОМУ (Молотов)

18 июля [1942]

Дорогие Слонимские!

Что-то вы не интересуетесь нашей жизнью? А мы вас часто вспоминаем и удивляемся — почему так редко виделись мы, когда жили в Ленинграде. С ума мы сошли, что ли?

Здесь я более или менее обжился, но чувствую себя все-таки в основном несколько одиноко. Зимовать в Кирове, по всей вероятности, не останусь. Поеду или на юг, или на север. Или в театр Комедии, который сейчас в Сочи, а потом едет в Ереван, или к Зону в Новый ТЮЗ, который в июле переезжает на постоянную работу в Новосибирск. Акимов зовет к себе очень энергично, все присылает телеграммы, а Зон звал, звал, а теперь молчит. Не верит, что я сдвинусь с места.

Вы, вероятно, слышали уже, что я заразился у гостившего у нас Никиты Заболоцкого скарлатиной и, как детский писатель, был увезен в детскую инфекционную больницу? Там я лежал в отдельной комнате, поправился, помолодел и даже на зависть тебе, Миша, похорошел. Теперь опять начинаю входить в норму. Дурнею помаленьку.

Скарлатина оставила какие-то следы у меня в сердце. Правда, сам я их не замечаю. И врачи говорят, что через несколько недель эти следы рассеянной бури исчезнут.

Написал я тут пьесу, но Храпченко[13] она не понравилась. Тем не менее Зон и Большой драматический со-

бираются ее ставить. Даже репетируют. До чего же отчаянные люди бывают на свете!

<...> Переписываюсь я с Воеводиным[14] (который едва не погиб после операции флегмоны, в Ярославле), с Рахмановым[15] (он в Котельниче), с Германом[16] (он в Архангельске), с Гринбергом[17] (он в Пятигорске). Получил письмо от Кетлинской[18], которая собиралась к вам. (Приехала ли она?). Письма здесь, Миша, большая радость. Я знаю, что писатели не любят писать бесплатно. Но ты пересиль себя, и когда-нибудь тебе это отплатится.

Передай привет Каверинным и Юрию Николаевич[19]. Целуем вас.

Е. Шварц

Л. А. МАЛЮГИНУ[20] (Ленинград)

2 марта [1943]

Дорогой Леонид Антонович!

Получил сразу два Ваших письма из Ленинграда от 12 и 16-го. И письма с дороги, и эти последние послания нас очень тронули. Нам показалось, что мы не так уж одиноки в нашем многолюдном общежитии. Не забывайте нас и дальше. Держите в курсе всех ленинградских дел. Умоляю!

Здесь все как было. Очень хочется уехать. Весь январь дули невероятные метели. Киров засыпало снегом, деньги из Москвы не приходили, работа не клеилась. Сейчас стало полегче, 27-го февраля Большинцов[21] телеграфировал из Москвы, что деньги переведены еще 27-го января. Я пошел на почту. Оказалось, что причитающиеся мне суммы лежат там с первого февраля. Почему же меня не известили об этом? Почему целый месяц мы голодали почти, будучи людьми богатыми? Ответа я не получил. Но деньги выдали. И на этом спасибо. Они теперь тают. Это пока единственный признак весны у нас.

Поступил я завлитом в Кировский Облдрамтеатр, который, очевидно, в результате этого делает полные сборы. Других причин я не могу найти. Работать там

оказалось приятнее, чем я предполагал. Приехал новый худрук, Манский. Он много лет был худруком в Ярославле, потом ушел на войну, был ранен, демобилизован и направлен сюда. Он оказался человеком хорошим. Да и вся труппа — в общем ничего себе.

Пока что я не жалею, что работаю у них. И когда артистка Снежная, поссорившись с кем-то из иждивенцев, кричит в коридоре общежития: «Кончилось ваше царствие!» — я не расстраиваюсь.

Меня это не касается.

Зарплаты мне положили шестьсот рублей.

Собираюсь съездить в Молотов, повидать людей, посмотреть на культурную жизнь. Я, как видите, завлит Вашей школы.

И все же — несмотря ни на что — я больше и больше склоняюсь к мысли о Ленинграде. Я не укладываюсь, но с нежностью поглядываю на чемоданы. Я ужасно боюсь, что когда нужно будет ехать — сил-то вдруг не хватит. Впрочем, это мысли нервного происхождения.

Работа над «Голым королем» приостановилась. Почему — не знаю. В общем — все идет понемножку. Конечно мы будем ждать, далеко забираться мы не собираемся, но провести еще одну зиму в Кирове — невозможно.

Удалось ли перепечатать «Одну ночь» и передать ее в Союз?

Передайте поклон Руднику[22] и всем друзьям.

Мы вспоминаем Вас с нежностью. Только — пишите, пишите почаще!

Ваш *Е. Шварц*

10 марта [1943]

Дорогой Леонид Антонович! Получили сегодня Вашу открытку от 23-го февраля, полную незаслуженных упреков и хвастовства (купил книги в «Книжной лавке писателей»). Мало ли кто чего покупает. Я, например, купил сегодня на рынке картошки, но не хвастаю этим,

чтобы не сделать Вам больно. Тем не менее мы решили послать Вам завтра телеграмму, потому что любим Вас, несмотря на Ваши недостатки. И скучаем без Вас.

Новостей нет. <...>

Сборы в театре стали падать. Все вспоминают БДТ. Разлука усиливает подлинную любовь. <...>

Леонид Антонович, а что если мы все-таки приедем в ближайшем будущем? Неужели мы менее выносливы, чем все остальные? Как «Одна ночь»? Был ли о ней разговор, когда Вы были на приеме у Александра Ивановича? Или сейчас театру не до новых постановок? А если так — то тем более — почему бы нам не приехать? Не могу я тут больше писать. Хочу писать в боевой обстановке.

Видели Вы Леву Левина[23]?

Пишите, пожалуйста, длинно, подробно. Каждое письмо у нас тут событие.

Я тут сделал следующее открытие: мелкие периферийные неприятности хуже артобстрела. Они бьют без промаха. Если не верите — приезжайте к нам и поживите зиму-другую.

Чарушин, не без моего участия, согласился дать декорации к пьесе Симонова «Жди меня».

Ждем писем. Это и нам радостно, и Вам полезно, потому что пишете Вы художественно.

Передайте Руднику, что я ему кланяюсь и собираюсь работать над пьесой «Вызови меня»[24].

Целуем Вас и ждем.

Ваш *Е. Шварц*

13мая [1943]

Дорогой Леонид Антонович! Очень долго не писал Вам по той причине, что не знал, уеду в Сталинабад или не уеду. Был момент, когда заготовлена уже была телеграмма: «25 выехали Акимову». И не только телеграмма заготовлена, но и карточки отоварены, командировки написаны, чемодан куплен и уложен, бронь на билеты

получена. Словом, приготовления к отъезду зашли так далеко и были известны так широко, что, решив остаться, я выдумал, что Акимов прислал мне телеграмму, в ней просит мой отъезд отложить до 15—20 мая. Очень уж трудно было объяснять всем и каждому настоящую причину отмены нашего путешествия. А отменили мы отъезд свой вот почему.

Я сам не знал, как ослабел за зиму. Узнал я это, когда сбегал дважды на вокзал и похлопотал по всяким делам, связанным с отъездом. Я обнаружил вдруг, что мне, пожалуй, не доехать, а если и доехать, то на новом месте я буду очень плохим работником. И я струсил и отступил.

Сейчас я чувствую себя лучше и терзаюсь мыслями о том, как хорошо в Сталинабаде. Получил я вызов от Солодовникова на совещание драматургов, о чем немедленно телеграфировал Вам. Мечтаю увидеть Вас в Москве и обсудить совместно: что же делать?

Может быть, в самом, деле стоит задержаться в Москве?

Здесь все идет по-прежнему. От массы иждивенцев исходят самые разнообразные слухи о Облдрамтеатре. Но я думаю, что ни мы, ни Вы не знаем, что будет. В Союзе тихо.

Собираясь уехать, я в припадке крайнего отчаяния, попросил аудиенции у тов. Лукьянова[25] и был принят им. Рассказал ему о положении писателей. Он попросил изложить все сказанное в письменной форме. Я изложил. В результате мне, Чарушину, Вячеславову[26] и двум латышам будет ежемесячно выдаваться сухой паек (равный рабочей карточке 1 категории). Меня, кроме того, как будто прикрепят завтра к столовой Горисполкома. <...>

Вот Вам и все новости. Написал я тут пьесу для кукольного театра под названием «Новая сказка». Вообще же работа не идет.

Вы представить себе не можете, как радуют нас Ваши письма. Я даже почерк Ваш полюбил, а это не так просто,

как Вы думаете. И посылки Ваши нас трогают ужасно. Вспоминаем Вас каждый день и хвалим так, что я даже боюсь, как бы мы не сглазили. А мы ведь люди довольно строгие, особенно Екатерина Ивановна.

По Вашим письмам я понял окончательно, что Вы не пишете рассказы, пьесы и повести по той причине, что самолюбие у Вас чувствительное, как мимоза. Других причин нет. Целуем Вас. Мечтаем увидеться.

Известный путешественник *Е. Шварц*

[Сталинабад] 20 января [1944]

Дорогой Леонид Антонович! Сухаревская[27] сообщила мне, что Вы меня ругаете нехорошими словами. В свое оправдание могу сказать одно: Вы совершенно правы, ругаясь. Сознание преступления снимает половину вины. Вторая половина — тоже имеет объяснение. С тех пор как мы приехали сюда, мы все ждем решения судьбы театра. Куда-то мы должны уехать. Но куда? Это до сих пор неясно. А пока ничего неизвестно — откладываешь, не пишешь.

Словом — любим мы Вас по-прежнему, с нежностью. Если Вы не забыли Киров, научную столовую, все наши грустные разговоры, то простите мое нелепое молчание.

Перед отъездом из Кирова я с помощью Рябинкиной[28] послал Вам с каким-то командировочным военным письмо. Там я объяснял, почему не остался в Москве. Письмо было адресовано на Асторию. Военный клялся, что опустит его в почтовый ящик. Судя по всему, клятвы он не выполнил. Кратко объяснюсь: в Москве надо было на полгода, по крайней мере, спрятать самолюбие в карман, забыть работу, стать в позу просителя и выпрашивать в Союзе писателей и Литфонде комнату, паек, уважение и почет. А я человек тихий, но самолюбивый. И даже иногда работящий. И легкоуязвимый. Выносить грубости сердитых и подозрительных барышень, работающих

в вышеуказанных учреждениях, для меня хуже любого климата. И вот мы уехали в Сталинабад.

Здесь много любопытного. Театр — интересен по-прежнему. Акимов умен и блестящ больше прежнего. Только благодаря ему я дописал здесь «Дракона». Сейчас Акимов с пьесой в Москве, и я жду вестей. Пока что я не жалею, что повидал настоящую Азию. А это, честное слово, извините за прописную истину, но все-таки самое главное.

В настоящее время я занят пьесой под названием «Мушфики молчит». Мушфики — это таджикский Насср-Эддин[29].

Но довольно о себе. Поговорим о Вас.

Первый спектакль, который я здесь увидел, был «Дорога в Нью-Йорк»[30]. Спектакль прелестный. Начинается с кинофильма, где показаны главные действующие лица. Потом очень легко и весело идет остальное. <...> Спектакль удался, имеет огромный успех, идет часто, все время делают сборы, с чем я Вас и поздравляю.

Ну, Леонид Антонович, давайте возобновлять переписку. Здесь нет кировского одиночества, но я много дал бы за то, чтобы Вас повидать. Мы к Вам привыкли и не отвыкаем. Вы у нас свой. Целуем Вас вместе с Екатериной Ивановной и ждем добрых писем.

Когда мы увидимся? Вести с фронтов подают надежды, что скоро. Я прочно связался с театром Комедии. Куда они, туда и я. Но тем не менее — верю, что мы увидимся скоро. Привет чудотворцу Руднику, Ирине[31], Мариенгофу и Никритиной, Казико[32], всем.

Ваш *Е. Шварц*

Н. П. АКИМОВУ (Сталинабад)

19 марта [1944]

Дорогой Николай Павлович!

Я боюсь, что основной мой порок, желание, чтобы все было тихо, мирно и уютно, может помешать рабо-

те Вашей над постановкой «Дракона». Возможно, что, стараясь избавить себя от беспокойства, я буду приятно улыбаться тогда, когда следовало бы хмуриться, и вежливо молчать, когда надо было бы ворчать. По непростительной деликатности характера я могу лишить Вас такой прелестной вещи, как столкновение противоположных мнений, из которых, как известно, часто возникает истина. Исходя из всех вышеизложенных опасений, я твердо решил преодолеть порочную свою натуру. С этой целью я от времени до времени буду писать Вам, Николай Павлович. Письма — это все-таки литература, и в этой области лучшие стороны моего характера проявились до сих пор более легко и отчетливо, чем в личных беседах. В литературе я человек наглый, с чего и позвольте начать мое послание к Вам. Дальнейшие будут написаны и вручены Вам по мере накопления соответствующего материала.

Должен признаться, что настоящих оснований для столкновения противоположных мнений, для споров и плодотворной полемики у меня еще маловато. Чтобы изложить с достаточной убедительностью 1-й пункт настоящего послания, я должен предвидеть некоторые опасности. Вообразить их. Темпы работы над «Драконом» таковы, что лучше заранее, еще до появления опасности, принять против нее какие-то меры, что сэкономит время.

Итак, 1-я опасность — это иногда невольно возникающее у постановщика чувство раздражения против трудностей пьесы.

Будьте внимательны, Николай Павлович, ибо я сейчас буду писать о вещах сложных, трудноопределяемых и тем более опасных. Но уверяю Вас — они не выдуманы. То, что я пытаюсь определить и выразить, — результат моего опыта.

Трудности пьесы могут вдохновлять, а могут и раздражать, особенно человека столь страстного, нетерпеливого, как Вы. Как только появляется чувство

раздражения — так возникает желание не преодолеть трудности, а либо обойти, либо уничтожить их.

В преодолении трудностей — секрет успеха. В обходе и уничтожении можно проявить много настоящего творческого воображения, выдумки, ума, но и спектакль и пьеса, как правило, на этом проигрывают. Представьте себе альпиниста, который сообщает, что он при помощи изобретенного им сверхмощного монилита[33] взорвал такой-то пик, считавшийся до сих пор недоступным. Этот альпинист, конечно, молодец, но не альпинист. Он кто угодно: великий сапер, великий ученый, гений изобретательности, но не альпинист. И еще менее альпинист человек, который с искренним и совершенно разумным раздражением обругает труднодоступный перевал «дураком» и обойдет его. Он действительно, может быть, и «дурак», этот перевал, но он существует, и с этим приходится считаться.

Тут Вы меня с полным правом можете спросить, ехидно улыбаясь: вы что же это, батюшка, считаете свою пьесу явлением природы? Стихийным бедствием, так сказать?

Да, должен признаться, что считаю, со всеми необходимыми оговорками, но считаю. И не только свою, а каждую пьесу, законченную и принятую к постановке. Пока не готова и не принята — это материал пластический, поддающийся обработке. Это мир во второй-третий день творенья, и все участвуют в его создании со стороны, с неба. Но вот он пошел, завертелся, и тут уж вы обязаны считаться с его законами, и с неба приходится опускаться на вновь созданную землю. Она до сих пор слушалась и поддавалась, но теперь власть наша ограничена. Довольно велика, но ограничена. Можно, конечно, взрывать, приказывать и переделывать на ходу. Но тут есть две опасности: взорвешь один кирпичик — а выпадет целая стена. Или — построишь что-нибудь, а постройка рухнет, ибо мы не соблюдали физических законов вновь созданного, совершенно реального мира. Нет,

нет, нужно, нужно считаться со всеми особенностями, трудностями, странностями каждой пьесы. Тем более что власть Ваша, власть постановщика, все-таки велика и почти божественна, хоть и ограничена. На этом месте моего послания я должен повторить, что у меня еще нет уверенности, что такое раздражение против трудностей «Дракона» у Вас, дорогой Николай Павлович, есть. Ну, а если будет? Мне, должен признаться, почудилась даже не тень, а тень тени такой опасности, и как раз в тот момент, когда Вы говорили о том же самом, в сущности, о чем я писал выше. А именно о быте и особенностях той сказочной страны, в которой развивается действие пьесы.

Вы рассказали нам о чудесах этой страны. Чудеса придуманы прекрасно. Но в самом их обилии есть оттенок недоверия к пьесе. Подобие раздражения. Если чудо вытекает из того, что сказано в пьесе, — это работает на пьесу. Если же чудо хоть на миг вызовет недоумение, потребует дополнительного объяснения, — зритель будет отвлечен от весьма важных событий. Развлечен, но отвлечен.

Образцовое чудо, прелестное чудо — это цветы, распускающиеся в финале пьесы. Здесь все понятно. Ничто не требует дополнительных объяснений. Зритель подготовлен к тому, что цветы в этой стране обладают особыми свойствами (анютины глазки, которые щурятся, хлебные, винные и чайные розы, львиный зев, показывающий язык, колокольчики, которые звенят). Поэтому цветы, распускающиеся от радости, от того, что все кончается так хорошо, не отвлекают, а легко и просто собирают внимание зрителя на тот момент, который нам нужен.

Чудо с пощечиной — тоже хорошее чудо. Ланцелот так страстно хочет наказать подлеца, необходимость наказания так давно назрела, что зритель легко примет пощечину, переданную по воздуху. Но допускать, что в этой стране сильные желания вообще исполняются, —

опасно. Не соответствует духу, рабскому духу этого города. В этом городе желания-то как раз ослаблены. Один Ланцелот здесь желает сильно. Если его желания сбудутся раз-другой — пожалуйста. Если этим мы покажем, насколько сильнее он умеет желать, чем коренные жители, — очень хорошо. Но здесь есть что-то отвлекающее. Требующее объяснений. Граф В. А. Соллогуб рассказывает, что Одоевский, автор фантастических сказок, сказал Пушкину, что писать фантастические сказки чрезвычайно трудно. «...Затем он поклонился и прошел! Тут Пушкин рассмеялся... и сказал: «Да, если оно так трудно, зачем же он их пишет?.. Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их не трудно».

Здесь Пушкин хотел сказать, что фантастические вещи должны быть легки. Легко придумываться и тем самым усваиваться.

Все Ваши чудеса придумываются легко. Но если они для усвоения потребуют объяснения — сразу исчезнет необходимое свойство чуда: легкая усвояемость. Зачем оно тогда нужно?

Вот Вам мои возражения против еще не существующей опасности. Чудо, которое сосредоточивает внимание, — чудесно. Чудо, которое отвлекает, — вредно. Позвольте в заключение привести несколько соображений, лишенных даже тени полемической. Чистые соображения. Результат наблюдений над жителями того города, где живет и царствует «Дракон».

Чудеса чудесами. В большем или меньшем количестве, они, конечно, должны быть и будут. Помимо же чудес — быт этого города в высшей степени устоявшийся, быт, подобный дворцовому, китайскому, индусскому.

В пределах этого быта, в рамках привычных — жители города уверены, изящны, аристократичны, как придворные или китайцы, как индусы. Выходя из привычных рамок, они беспомощны, как дети. Жалобно просятся обратно. Делают вид, что они, в сущности, и не вышли

из них. Так, Шарлемань пробует убедить себя и других, что он вовсе и не вышел из рамок. («Любовь к ребенку — это же можно! Гостеприимство — это тоже вполне можно».) Эльза, образцовая, добродетельная гражданка этой страны, говорит Ланцелоту: «Все было так ясно и достойно».

Они уверены в своей нормальности, гордятся, что держатся достойно.

Увереннее, аристократичнее, изящнее всех Генрих, потому что он ни разу не выходит из привычных рамок, никогда не выйдет и не почувствует в этом необходимости.

И он всегда правдив. Искренне уговаривает Эльзу, простосердечно уговаривает отца сказать ему правду, ибо он не знает, что врет. Он органически, всем существом своим верует, что он прав, что делает, как надо, поступает добродетельно, как должно.

Так же искренне, легко, органично врет и притворяется его отец. Настолько искренне врет, что вопрос о том, притворяется он сумасшедшим или в самом деле сумасшедший, — отпадает. Во всяком случае, в безумии его нет и тени психопатологии. Вот и все пока, милый Николай Павлович. Уже поздно, я устал писать. Если что в последних строках моего письма ввиду этого недостаточно ясно, то я могу и устно объясниться. На этом разрешите закончить первое мое письмо. Остаюсь полный лучшими чувствами.

Бывший худрук, настоящий завлит *Е. Шварц*

СТИХИ

ЮРИЮ ГЕРМАНУ

Ты десять лет назад шутил, что я старик.
О, младший брат, теперь ты мой ровесник.
Мы слышали друзей предсмертный крик,
И к нам в дома влетал войны проклятый вестник.
И нет домов. Там призраки сидят,
Где мы, старик, с тобой сидели,
И укоризненно на нас они глядят
За то, что мы с тобою уцелели.
За унижения корит пустой их взор,
За то, что так стараемся мы оба
Забыть постылых похорон позор
Без провожатых и без гроба.
Да, да, старик. Запрещено шутить,
Затем, что ныне все пророки.
Все смерть слыхали. И, боясь забыть,
Твердят сквозь смех ее уроки.

[1945 год]

* * *

Бессмысленная радость бытия.
Иду по улице с поднятой головою.
И, щурясь, вижу и не вижу я
Толпу, дома и сквер с кустами и травою.
Я вынужден поверить, что умру.
И я спокойно и достойно представляю,

Как нагло входит смерть в мою нору,
Как сиротеет стол, как я без жалоб погибаю.
Нет. Весь я не умру. Лечу, лечу.
Меня тревожит солнце в три обхвата
И тень оранжевая. Нет, здесь быть я не хочу!
Домой хочу. Туда, где я бывал когда-то.
И через мир чужой врываюсь я
В знакомый лес с березами, дубами,
И, отдохнув, я пью ожившими губами
Божественную радость бытия.

[2-я половина 40-х годов]

В ТРАМВАЕ

Глядят не злобно и не кротко,
Заняв трамвайные места,
Старуха — круглая сиротка,
Худая баба — сирота.

Старик, окостеневший мальчик,
Все потерявший с той поры,
Когда играл он в твердый мячик
Средь мертвой ныне детворы.

Грудной ребенок, пьяный в доску,
О крови, о боях ревет,
Протезом черным ищет соску
Да мать зовет, все мать зовет.

Не слышит мать. Кругом косится,
Молчит кругом народ чужой.
Все думают, что он бранится.
Да нет! Он просится! Домой!

Увы! Позаросла дорога,
И к маме не найти пути.

Кондуктор объявляет строго,
Что Парки только впереди.

А рельсы, добрые созданья,
На закруглениях визжат:
— Зачем невидимы страданья?
Зачем на рельсах не лежат?

Тогда бы целые бригады
Явились чистить, убирать,
И нам, железным, от надсады
Не надо было бы орать.

[2-я половина 40-х годов]

БЕССОННИЦА

Томит меня ночная тень,
Сверлит меня и точит.
Кончается вчерашний день,
А умереть не хочет.
В чаду бессонницы моей
Я вижу — длинным, длинным
Вы, позвонки прошедших дней,
Хвостом легли змеиным.
И через тлен, и через прах
Путем своим всегдашним
Вы тянетесь, как звон в ушах,
За днем живым, вчерашним.
И ляжет он под тихий звон
К друзьям окостенелым,
Крестом простым не отличен,
Ни злым, ни добрым делом.
Ложись к умершим близнецам,
Отпетым и забытым.
Ложись, ложись к убитым дням,

Моей рукой убитым.
Томит меня ночная тень,
Сверлит меня и гложет.
Не в силах жить вчерашний день,
И умереть не может.

[Вторая половина 40-х годов]

* * *

Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели,
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.
Иду, бреду, но не гляжу вокруг,
Чтоб не нарушить Божье повеленье,
Чтоб не завыть по-волчьи, вместо пенья,
Чтоб сердца стук не замер в страхе вдруг.
Я человек. А даже соловей,
Зажмурившись, поет в глуши своей.

[1946—1947]

* * *

...Прощай, дерево,
Темнокорый ствол,
Зеленые листья,
Пышная верхушка.
Знал я тебя да с твоими братьями,
Видал, да рядом с товарищами,
Любил, да только со всем садом заодно,
А сегодня бреду
И вижу — беда пришла!
Братья твои живут,
А тебя, высокое, вихрь повалил.

Товарищи стоят,
А твои листья с травой переплелись.
Тут уж, друг,
На тебя одного взглянул,
От всех отличил,
Шапку снял…
Спасибо, друг,
Что жил-поживал,
Своей зеленью людей баловал,
Дыханием радовал,
Шорохом успокаивал.
Кабы мог, я бы тебя поднял,
У смерти отнял,
Кабы знал — я вчера бы пришел,
Живого тебя приласкал…
Поздно.
В саду стало пусто.
Заскрипели колеса,
Дровосеки приехали.
Прощай, друг безымянный…

[50-е годы]

ПРИМЕЧАНИЯ

ДНЕВНИКИ

ИЗ ЗАПИСОК 1957 г.

[1] Шварц пишет о радиобращении председателя ГКО И. В. Сталина от 3 июля 1941 г.

[2] *Ванин Кесарь Тихонович* (1905—1982) — писатель, член партбюро и секретарь Ленинградского отделения Союза писателей СССР.

[3] Пьеса «Под липами Берлина» была написана Шварцем в соавторстве с М. М. Зощенко и поставлена в Театре комедии в 1941 г.

[4] *Чижова Елена Александровна* — управляющая делами Ленинградского театра комедии, в годы войны — медсестра на фронте, после войны — заведующая отделом кадров того же театра.

[5] *Гейзель Марк Аронович* (1909—1941) — писатель.

[6] *Цехновицер Орест Вениаминович* (1899—1941) — литературовед, театровед. В 1936—1937 гг. — ученый секретарь Пушкинского Дома (ИРЛИ).

[7] *Князев Филипп Степанович* (1902—1941) — писатель, редактор журнала «Литературный современник».

[8] *Канторович Лев Владимирович* (1911—1941) — писатель и художник, иллюстратор. Работал художником в ТЮЗе. Погиб на фронте под Ленинградом 30 июня.

[9] *Никитич Наталья Афанасьевна* (1901—1974) — писательница.

[10] *Габбе Тамара Григорьевна* (1903—1960) — писательница, критик, автор книг и пьес для детей.

[11] *Гринберг Владимир Ариевич* (1896—1942) — художник.

[12] *Куке Миней Ильич* (1902—1978) — художник.

[13] *Израилевич Яков Львович* — коллекционер картин.

[14] *Комиссаров Николай Валерианович* (1890—1957) — артист, в 1925—1927 гг. играл в Ленинградском театре комедии, затем в периферийных театрах, с 1946 г. — в труппе Малого театра.

[15] «Корона» — пишущая машинка.

[16] А. Л. Витбергу посвящена XVI гл. «Былого и дум» А. И. Герцена.

[17] *Малюгин Леонид Антонович* (1909—1968) — писатель, драматург, в годы войны — заведующий литературной частью БДТ.

[18] Сын О. С. Литовского Валентин сыграл роль Пушкина в фильме «Юность поэта» (1937).

[19] *Мариенгоф Анатолий Борисович* (1897—1962) — поэт, драматург; *Никритина Анна Борисовна* (1900—1982) — его жена, актриса БДТ.

[20] *Лебедева Сарра Дмитриевна* (1892—1967) — скульптор. Жена В. В. Лебедева.

[21] *Лебедев Владимир Васильевич* (1891—1966) — художник-график, мастер иллюстрации к детской книге.

[22] *Радлов Сергей Эрнестович* (1892—1958) — режиссер; *Радлова Анна Дмитриевна* (1891—1949) — поэтесса, переводчица.

[23] *Ренэ Ароновна Никитина* — жена писателя Н. Н. Никитина.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

1942

[1] *Лебедев Владимир Васильевич* (1891—1966) — художник-график, мастер иллюстрации к детской книге.

[2] *Рудник Лев Сергеевич* (1906—1987) — режиссер. В 1940—1944 гг. — директор и художественный руководитель БДТ им. М. Горького.

[3] Пьеса должна была быть поставлена в БДТ в 1942 г., однако этого не произошло.

[4] *Малюгин Леонид Антонович* (1909—1968) — писатель, драматург, в годы войны — заведующий литературной частью БДТ.

[5] *Рахманов Леонид Николаевич* (1908—1988) — писатель, драматург, друг Шварца.

[6] Имеется в виду сценарий «Далекий край» по одноименной пьесе Шварца.

[7] *Шток Исидор Владимирович* (1908—1980) — драматург.

[8] Шкваркин Василий Васильевич (1894—1967) — драматург.

[9] *Каплер Алексей Яковлевич* (1904—1979) — кинодраматург.

1943

[1] С августа 1941 г. по 1 февраля 1943 г. БДТ был в эвакуации в Кирове, где продолжал работать. Вернувшись в осажденный Ленинград, обслуживал воинские части и госпитали.

[2] *Наталия Евгеньевна Шварц* (*Крыжановская*) — дочь Е. Л. Шварца от первого брака.

[3] С февраля по июль 1943 г. Шварц был заведующим литературной частью этого театра.

[4] Шварц отправился в Сталинабад (сейчас — Душанбе) по приглашению главного режиссера Ленинградского театра комедии Н. П. Акимова, работавшего там в период эвакуации в 1942—1944 гг., на должность заведующего литературной частью.

[5] *Городецкий Сергей Митрофанович* (1884—1967) — поэт.

1944

[1] *Большаков Иван Григорьевич* (1902—1980) — председатель Комитета по делам кинематографии с 1939 по 1946 г.

[2] *Левин Лев Ильич* (1911—1998) — литературный критик.

[3] «Дракон» был поставлен только в Ленинградском театре комедии. В период репетиций появилась разгромная статья С. П. Бородина «Вредная сказка». А после двух генеральных репетиции с публикой и одного открытого выступления (4 августа 1944 г.) спектакль был снят. В 1962 г. Н. П. Акимов возобновил постановку.

[4] Н. П. Акимов написал о «Драконе» статью, чтобы опубликовать ее в американской прессе.

[5] Чтение и обсуждение пьесы состоялось на совещании у заместителя председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР А. В. Солодовникова 30 ноября 1944 г.

[6] Шварц говорит о пьесе «Медведь», позже названной «Обыкновенное чудо».

[7] *Китс Джон* (1795—1821) — английский поэт.

1945

[1] *Шварц Екатерина Ивановна* (1903—1963) — вторая жена Е. Л. Шварца.

[2] Е. Л. Шварц готовил сценарий «Золушки» для «Ленфильма». Фильм вышел на экраны 16 мая 1947 г. Режиссеры Н. Н. Кошеверова и М. Г. Шапиро, художник Н. П. Акимов (первая работа в кино), композитор А. Э. Спадавеккиа, оператор Е. В. Шапиро. Роли исполнили: Золушка — Я. Б. Жеймо, Король — Э. П. Гарин, Мачеха — Ф. Г. Раневская, Принц — А. А. Консовский, Лесничий — В. В. Меркурьев, Анна — Е. В. Юнгер, Марианна — Т. В. Сезеневская, Паж — И. Климентов.

[3] Весной 1946 г. во Втором (Большом) ленинградском театре кукол этот спектавль пошел под названием «Сказка о храбром солдате».

[4] Шварц имеет в виду сценарий по своей одноименной пьесе «Царь Водокрут». Работа над ним была закончена в марте 1946 г. В апреле сценарий был принят «Союздетфильмом», но в дальнейшем снят с производства. Фильм вышел на экраны лишь в марте 1960 г. под названием «Марья-искусница». Был поставлен режиссером А. А. Роу на Студии им. М. Горького. Роли исполнили: Солдат — М. А. Кузнецов, Марья-искусница — Н. К. Мышкова, Водокрут — А. Л. Кубацкий, Квак — Г. Ф. Милляр.

1946

[1] См. 1944, примеч. 6.

[2] *Орлов Владимир Николаевич* (1908—1985) — литературовед.

[3] *Лихарев Борис Михайлович* (1906—1962) — поэт.

[4] *Лифшиц Владимир Александрович* (1913—1979) — поэт, прозаик, драматург.

[5] *Рест Б.* (Юлий Исаакович Рест-Шаро; 1907—1984) — писатель, драматург, представитель «Литературной газеты» в Ленинграде в течение 20 лет. В 1950-е гг. — заведующий литературной частью Ленинградского театра комедии.

[6] *Меттер Израиль Моисеевич* (1909—1996) — прозаик, драматург.

[7] *Макогоненко Георгий Пантелеймонович* (1912—1985) — критик, литературовед. В 1956 г. — начальник сценарного отдела киностудии «Ленфильм».

[8] *Игнатьев Алексей Алексеевич* (1877—1954) — дипломат, генерал-лейтенант Советской армии, писатель.

[9] Поэт Николай Алексеевич Заболоцкий (1903—1958) был незаконно репрессирован в 1938 г. В 1944 г. он вернулся из ссылки, а через два года был восстановлен в Союзе писателей и получил право жить в Москве.

[10] *Андроников Ираклий Луарсабович* (1908—1990) — писатель, литературовед, мастер устного рассказа.

[11] Строчка из стихотворения Шварца. См. с. 362 приложений.

[12] Позднее сценарий получил название «Первоклассница».

[13] См. 1944, примеч. 6.

[14] В 1946 г. Шварц начал работу над пьесой о молодом советском человеке — «Один день». Не окончив ее, в 1947 г. он изменил тему и написал новую пьесу — «Первый год», которая после неоднократных переделок была названа «Повесть о молодых супругах» и поставлена в Ленинградском театре комедии в 1957 г.

1947

[1] *Бартошевич Андрей Андреевич* (1899—1949) — театровед.

[2] Премьера спектакля «Питомцы славы» по комедии А. К. Гладкова «Давным-давно» состоялась 7 ноября 1941 г. в Театре комедии. В середине первого акта недалеко от театра начался подлинный артиллерийский обстрел города. А во втором акте пальбу изображали на сцене.

[3] *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — литературовед.

[4] *Шварц (урожд. Шелкова) Мария Федоровна* (1875—1942) — мать Е. Л. Шварца, акушерка, массажистка. Участвовала в любительских спектаклях в Пушкинском народном доме в Майкопе.

[5] Шварц работал над сценарием «Первоклассница».

[6] См. 1946, примеч. 12.

[7] *Ханзель Иосиф Александрович* (1909—1985) — артист.

[8] *Зинковский Абрам Соломонович* (1909—1985) — артист; заведовал режиссерским управлением театра.

[9] *Осипов Владимир Иванович* — секретарь парторганизации Ленинградского театра комедии.

[10] *Бонди Алексей Михайлович* (1892—1952) — артист, драматург, музыкант, художник.

[11] *Погожева Людмила Павловна* (1913—1989) — киновед, кинокритик.

[12] *Москвин Андрей Николаевич* (1901—1961) — кинооператор. Муж Н. Н. Кошеверовой.

[13] *Васильев Сергей Дмитриевич* (1900—1959) — кинорежиссер, сценарист, художественный руководитель киностудии «Ленфильм».

[14] *Глотов Иван Андреевич* — директор киностудии «Ленфильм».

[15] На выставке Н. П. Акимова было представлено около 800 произведений художника.

[16] *Серов Владимир Александрович* (1910—1968) — художник.

[17] *Морщихин Сергей Александрович* (ум. 1963) — режиссер, заместитель председателя Ленинградского отделения ВТО.

[18] *Рыков Александр Викторович* (1892—1966) — художник.

[19] *Юнович Софья Марковна* (р. 1910) — театральный художник.

[20] *Левитин Григорий Михайлович* — врач, автор статей о художниках.

[21] *Павлов Николай Александрович* (1899—1969) — художник-график.

[22] «Сказку о потерянном времени» Шварц написал специально для театра кукол. Впервые ее поставили в Государственном кукольном театре под руководством Е. С. Деммени (Ленинград) в 1940 г.. В 1987 г. в этом театре режиссером Ю. С. Поздняковым была осуществлена новая постановка.

[23] Е. Л. Шварц работал над пьесой «Первый год», названной позднее «Повесть о молодых супругах», и над одноименными сценарием. «Повесть о молодых супругах» была включена в план киностудии «Ленфильм» на 1949—1950 г. (режиссеры Н. Н. Кошеверова и М. Г. Шапиро). Однако фильм не был снят.

1948

[1] В составе делегации немецких писателей и деятелей культуры, приглашенной Союзом советских писателей, были Бернгард Келлерман, Анна Зегерс, Вольфганг Лангхоф, Эдуард Клаудиус, Гюнтер Вайзенборн и др.

[2] Шварц начинал работу над пьесой для детей «Каменные братья», через некоторое время названной «Василиса работница» и получившей окончательное название «Два клена».

[3] Шварц заключил договор с Московским ТЮЗом на пьесу, получившую окончательное название «Два клена».

[4] Пьеса «Снежная королева» написана Шварцем в 1938 г.

1950—1953

[1] *Черкасов Николай Константинович* (1903—1966) — актер театра и кино, народный артист СССР (1947). Сыграл царевича Алексея в фильме «Петр Первый» (1937—1939),

Александра Невского («Александр Невский», 1938), Ивана Грозного («Иван Грозный», 1945, 1958).

[2] Фильм «Иван Грозный» С. М. Эйзенштейн снимал в 1943—1944 гг. в эвакуации в Алма-Ате. На экраны фильм вышел в 1945 г.

1954

[1] П. В. Цетнерович ставил пьесу «Два клена» Шварца в Московском театре юного зрителя.

[2] Премьера спектакля «Два клена» в МТЮЗе состоялась 9 апреля 1954 г.

[3] Окончательный вариант сценария начинался с диалога цирюльника и священника, спешащих к усадьбе Дон Кихота; затем действие переносилось в библиотеку, где Дон Кихот читал рыцарские романы.

[4] В заключительная сцене фильма Дон Кихот действительно произносит речь о золотом веке.

[5] Французский график Гюстав Доре (1832—1883) сделал романтически-эффектные иллюстрации к «Дон Кихоту» Сервантеса.

[6] *Пантелеев Л.* (псевдоним; настоящее имя и фамилия *Алексей Иванович Еремеев*; 1908—1987) — писатель, автор произведений для детей; в соавторстве с Григорием Белых написал в 1927 г. повесть «Республика ШКИД».

[7] *Зон Борис Вульфович* (1898—1966) — актёр, режиссёр, заслуженный артист РСФСР (1934).

1956

[1] Накануне премьеры спектакля «Медведь» Театр-студия киноактера обратилась к Шварцу с телеграммой: «Выпускаем спектакль, афишу. Дирекция, художественный совет, режиссер просят Вас утвердить новое название пьесы Вашего спектакля “Это просто чудо, скобках “Медведь”». На обороте телеграммы рукой Шварца написаны варианты названия пьесы: «Веселый волшебник», «Послушный волшебник», «Обыкновенное чудо», «Безумный бородач», «Непослушный волшебник».

[2] В фильме «Дон Кихот» Н. К. Черкасов играл роль Дон Кихота, Ю. В. Толубеев — Санчо Пансы, Н. В. Мамаева пробовалась на роль Альдонсы.

[3] *Локшина Хеся Александровна* (1902—1982) — режиссер. С 1929 г. работала в киностудии «Ленфильм», с 1940 г. — в «Союздетфильме». Многие фильмы ставила совместно с Эрастом Гариным.

[4] *Дунина Софья Тихоновна* (1900—1976) — критик, редактор, театровед.

[5] Л. А. Малюгин писал:

«Москва, 23 января 1956 г.

Дорогой Женя!

Я уезжал в Саратов и поэтому не мог быть на премьере твоей пьесы. Приехал и побежал на первый же спектакль. Прежде всего — театр был полон (правда, это было воскресенье), что в наше трудное время — редкость. Эрдман сделал очень хорошую декорацию — интерьеры хороши, а последний акт — просто великолепен. Гарин нашел, по-моему, верный ключ к пьесе — произведению очень своеобразному; пьесу слушают очень хорошо. Может быть, не все в ней доходит до зрителя — но здесь многое зависит и от зрителя, которого мы так долго кормили лебедой, что он уже забыл вкус настоящего хлеба. Должен сказать, что и не все артисты доносят второй план в пьесе, ее изящный юмор. Если говорить честно — по-настоящему пьесу понял сам Гарин, который играет превосходно. Остальные — как умеют, есть и интересные образы, но все это какая-то часть образа... Третий акт показался мне слабее первых двух — в чем, мне кажется, повинен и ты. Ну, а все же в целом интересно и ново. Поздравляю тебя с рождением пьесы, которая так долго лежала под спудом, желаю тебе здоровья, чтобы ты поскорее приехал в Москву и увидел все своими глазами.

Сердечный привет Екатерине Ивановне.

Обнимаю тебя.

Л. Малюгин».

[6] А. А. Крон писал:

«Дорогой друг! Примите мои поздравления. Видел вчера в Театре киноактера Вашего “Медведя”. Это очень хорошо и удивительно талантливо. В работе Гарина и Эрдмана много хорошей выдумки, но лучше всего сама пьеса. Публика это

понимает и более всего аплодирует тексту. Самое дорогое в том, что я видел и слышал, — остроумие, сумевшее стать выше острословия. Юмор пьесы не капустнический, а философский. Это не юмор среды, это общечеловечно… Я верю, что у «Медведя» будет счастливая судьба. Надо только еще вернуться к III акту. Он ниже первых двух, а это жалко. Тем более, что в этом нет ничего неизбежного или непоправимого. Обнимаю Вас. *Крон*».

[7] «Телефонная книжка» — галерея портретов современников, осуществленная Е. Л. Шварцем в составе своих дневников за 1955—1956 гг. в порядке следования записей в телефонной книжке.

[8] *Колесов Лев Константинович* (1910—1974) — артист. С 1940 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра комедии. В спектакле «Обыкновенное чудо» читал пролог.

[9] *Усков Владимир Викторович* (1907—1980) — артист. С 1948 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра комедии.

[10] *Штейнварг Натан Михайлович* (1907—1966) — педагог, директор Двоца пионеров в Ленинграде. В последние годы жизни — директор ленинградского ТЮЗа.

[11] В свои юбилейные дни Шварц получил более двухсот телеграмм от писателей, артистов, художников.

[12] 20 октября 1956 г. в Доме писателей им. Вл. Маяковского состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летнему юбилею Е. Л. Шварца.

[13] Вот как вспоминал о приветствии М. М. Зощенко актер и драматург И. В. Шток, присутствовавший на юбилее Е. Л. Шварца: «С годами, — сказал он, — я стал ценить в человеке не молодость его, и не знаменитость, и не талант. Я ценю в человеке приличие. Вы очень приличный человек, Женя» (Шток И. В. Рассказы о драматургах. М., 1967. С. 142).

[14] Зильбер Лев Александрович (1894—1966) — микробиолог и иммунолог, академик АМН СССР, брат В. А. Каверина.

[15] Заканчивались съемки «Дон Кихота».

[16] *Вертинская Лидия Владимировна* (р. 1923) —художница, актриса. Играла роль Герцогини в «Дон Кихоте».

[17] Альтисидору играла Агамирова Тамилла Суджаевна.

[18] В связи с 60-летием со дня рождения Шварц был награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в развитии советской литературы.

1957

[1] Премьера спектакля «Тень» состоялась в Театре комедии 11 апреля 1940 г. Постановщик и художник Н. П. Акимов, режиссер Г. А. Флоринский, композитор А. С. Животов. Роли исполняли: Ученый — П. М. Суханов, Его тень — И. Н. Лецкий, Пьетро — Б. М. Тенин, Аннунциата — И. П. Гошева, Юлия Джули — Л. П. Сухаревская, Принцесса — Е. В. Юнгер, Первый министр — В. Г. Киселев, Министр финансов — А. Д. Вениаминов, Цезарь Борджиа — Г. А. Флоринский, Тайный советник — А. А. Волков, Доктор — И. А. Ханзель, Палач — Н. А. Волков, Придворная дама — Т. В. Сезеневская.

[2] Сразу после премьеры «Тени» в Ленинграде Шварц поехал в Детское Село.

[3] Первый спектакль «Тени» в Москве в помещении Малого театра состоялся 24 мая 1940 г.

[4] *Прут Иосиф Леонидович* (1900—1966) — драматург.

[5] *Халтурин Иван Игнатьевич* (1902—1969) — прозаик, критик; был редактором «Детгиза» и издательства «Молодая гвардия», заместителем редактора журналов «Новый Робинзон», «Пионер», «Дружные ребята», «Мурзилка». Стоял у истоков издания детской литературы в стране.

[6] Говорится о пьесе «Два клена».

[7] Речь идет о работе над эстрадным обозрением «Под крышами Парижа» в соавторстве с артистом эстрады К. А. Гузыниным.

[8] Шварц вспоминает об инсценировке и написании сценария по повести И. И. Ликстанова «Первое имя».

[9] Фильм «Дон Кихот» демонстрировался на X Международном фестивале в Канне 14 мая 1957 г.

[10] Фильм «Сорок первый» (195) режиссера Г. Н. Чухрая получил на X Международном кинофестивале в Канне специальную премию за оригинальный сценарий, гуманизм и высокую романтику.

[11] В «Правде» от 13 июля 1957 г. помещена следующая заметка: «С 6 по 14 июля в Локарно (Швейцария) проводится традиционный международный кинофестиваль... Советская кинематография представлена цветным художественным фильмом «Дон Кихот», а также рядом короткометражных хроникальных и мультипликационных фильмов».

[12] Пьеса Д. Б. Пристли «Сокровище» (1953, русский перевод 1957).

[13] Пьеса Ж. Сориа «Гордыня и туча» (1956, русский перевод 1957).

[14] Драма А. Д. Кронина «Юпитер смеется» (1940, русский перевод 1957).

[15] *Григорьев Глеб Николаевич* — капитан дальнего плавания.

[16] Шварц говорит о встрече со своей второй женой Екатериной Ивановной.

[17] После смерти Е. Л. Шварца Н. Н. Кошеверова дважды обращалась к его драматургии. Ею поставлены два фильма: «Каин XVI» («Два друга») (1963) и «Тень» (1972).

[18] Н. П. Акимов и М. В. Чежегов ставили спектакль по последней пьесе Шварца, который пошел в Театре комедии под окончательным названием «Повесть о молодых супругах». Премьера состоялась 30 декабря 1957 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА

[1] В этом письме речь идет о пьесе «Тень».

[2] *Оттен (Поташинский) Николай Давидович* (1907—1983) — прозаик, драматург, в 1937—1941 гг. завлит московского Камерного театра

[3] *Таиров Александр Яковлевич* (1885—1950) — создатель и художественный руководитель Камерного театра.

[4] *Марков Павел Александрович* (1897—1980) — театровед, доктор искусствоведения.

[5] Ни МХАТ, ни Камерный театр «Тень» не поставили.

[6] *Лебедева Сарра Дмитриевна* (1892—1967) — скульптор, жена В. В. Лебедева.

[7] *Габбе Тамара Григорьевна* (1903—1960) — детская писательница и драматург.

[8] *Писатель Л. Пантелеев*, настоящие имя и фамилия Алексей Иванович Еремеев.

[9] *Любарская Александра Исааковна* (1908—2002) — прозаик, переводчик, редактор Детского отдела ГИЗа.

[10] Солодовников А. В. — заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР.

[11] Наташа в это время была в Кирове вместе с матерью Холодовой Гаянэ Николаевной.

[12] *Софья Михайловна Маршак* — жена С. Я Маршака.

[13] *Храпченко Михаил Борисович* (1904—1986), в войну — председатель Комитета по делам искусств СССР.

[14] *Воеводин Всеволод Петрович* (1907—1973) — писатель.

[15] *Рахманов Леонид Николаевич* (1908—1988) — писатель.

[16] *Герман Юрий Павлович* (1910—1967) — писатель.

[17] *Гринберг Иосиф Львович* (1906—1980) — литературовед.

[18] *Кетлинская Вера Казимировна* (1906—1976) — в блокаду не выезжала из Ленинграда.

[19] Тынянову.

[20] *Малюгин Леонид Антонович* (1909—1968) — писатель, драматург, в годы войны — заведующий литературной частью БДТ.

[21] *Большинцов Мануэль Владимирович* (1902—1980) — сценарист и режиссер, в то время — председатель Комитета по делам кинематографии.

[22] *Рудник Лев Сергеевич* (1906—1987) — в войну — худрук ленинградского Большого драматического театра.

[23] *Левин Лев Ильич* (1911—1998) — литературовед, критик.

[24] Е. Л. Шварц в шутливой форме намекает, что ему необходим вызов в Ленинград.

[25] Секретарь Кировского обкома партии.

[26] Вячеславов П. — поэт и литературовед.

[27] *Сухаревская Лидия Павловна* (1909—1991) — актриса театра Комедии.

[28] Секретарь литчасти Кировского драматического театра.

[29] Е. Л. Шварц, видимо, только собирал материалы для пьесы.

[30] Пьеса Л. Малюгина.

[31] *Ирина Николаевна Кичанова* (1918—1989) — художник и драматург.

[32] *Казико Ольга Георгиевна* (1900—1963) — актриса БДТ, народная артистка СССР (1956).

[33] *Монилит* — взрывчатое вещество.

Е. Сапунцова

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Львович
ШВАРЦ

Собрание сочинений в пяти томах
ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Редактор *Е. Сапунцова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *М. Сергеева*
Компьютерная верстка *И. Яскульская*

Подписано в печать 15.01.10 г.
Формат 84 ×108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 17,69.
Заказ № 0918310.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-904656-57-7

9 785904 656577

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону: (495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!